

Министерство образования и науки Российской Федерации

Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса

А.А. ТИМОФЕЕВА

**ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ
И РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

Учебное пособие

Владивосток
Издательство ВГУЭС
2006

ББК 67
Т 41

Рецензенты: Н.А. Беляева, д-р ист. наук, зав.
каф. гуманитарных дисциплин
Владивостокского филиала
Российской таможенной академии;
В.Г. Балковая, канд. полит. наук, доц.
каф. теории и истории государства
и права института права
Владивостокского государственного
университета экономики и сервиса

Тимофеева А.А.

Т 41 ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: Учебное
пособие. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2006. – 152 с.

В учебном пособии представлен материал, раскрывающий соответствующие тем авторского спецкурса. Показана эволюция российской государственности за более чем тысячелетнюю историю, природа самобытности исторического пути России и место ее в контексте мировой цивилизации.

Адресовано студентам, аспирантам и преподавателям юридических и иных общественно-политических вузов.

ББК 67

Печатается по решению РИСО ВГУЭС

© Издательство Владивостокского
государственного университета
экономики и сервиса, 2006

ВВЕДЕНИЕ

История российской государственности сегодня, как и сотни лет назад, вызывает живейший интерес, являясь предметом старых дискуссий.

Известно, что в конце 1812 г., когда армия Наполеона была выброшена с территории России, император Александр I вызвал к себе М.И. Кутузова и сказал, что пора переходить русским границу и идти до Парижа. «Зачем идти в Европу, – возразил Кутузов, – нам, Ваше Величество, в Европе делать нечего». «Но разве мы – не Европа?» – спрашивает царь. «Нет, не Европа» – следует ответ Кутузова. «А кто же мы? Может, Азия?» – горючится император. «Нет, мы и не Азия», – отвечал фельдмаршал. «Так кто же мы все-таки?» «Мы, Ваше Величество, – Россия»¹.

Что же такое Россия, какова связь российского общества с его государственной оболочкой, называемой «российской государственностью?»

Не разобравшись в этом, нам никогда не понять, «что такое хорошо и что такое плохо» для России. Для нас останется неясным, почему буксуют те или иные реформы, казалось бы, внезапно и беспричинно нарастает социальная напряженность, случаются бунты, перевороты и революции, не работают умные законы, сделанные по западному образцу, и не прививаются красивые демократические идеалы.

Это непонимание ставит нас в тупик и невольно начинает приводить к мысли, что мы живем в «странной» стране. Одни обозначают эту странность как нецивилизованность, другие, не раздумывая, заявляют, что умом-де Россию не понять. Столь различные точки в оценках российского государства все же сходятся в одном: причины «странностей» следует искать в прошлом страны, а, найдя их, максимально учитывать при реформировании нашего государства.

Уяснение логики и закономерностей исторического развития российской государственности имеет не только познавательное, но и современное значение с точки зрения понимания основ и перспектив развития нашего общества и государства. Как справедливо заметил В.О. Ключевский еще в 1898 г.:

«Россия на краю пропасти. Каждая минута дорога. Все это чувствуют и задают вопросы: Что делать? Ответа нет». Подчеркивая значение истории, он писал: «Предмет истории... как наследство, как вечный закон..., изучая предков, узнаем самих себя»².

Учеными, политиками, общественными деятелями неоднократно предпринимались попытки обобщить, проанализировать пройденные нашим государством этапы исторического развития, используя полученные результаты для дальнейшего государственного строительства, преобразований в различных сферах деятельности государства. Правящие круги Рос-

---

¹ См.: Лукьянова Е.А. На стыке эпох и континентов. К истории российской государственности: Пособие для реформаторов. – М., 2002. С. 3.

² Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т. 9. – М., 1990. С. 417.

сии, периодически нуждаясь в подтверждении правильности проводимой политики, опирались на тезис единства российских и европейских ценностей, традиций или на представление об исключительном, самобытном пути нашего государства в мировой истории: с одной стороны – Петровская «вестернизация», с другой – знаменитая формула официальной народности времен Николая I «Самодержавие, Православие, Народность».

Сегодня качественно меняется мир, достижения научно-технического прогресса ускорили процессы интеграции человечества, возникла и стала популярной «теория глобализации». В этих условиях Россия, как и каждая другая страна, должна четко осознать свое место, что требует, безусловно, усилий ученых самых разных специализаций. Важный аспект проблемы – попытка понять, что в истории страны с точки зрения именно государственности способствовало или препятствовало проведению реформ в прошлом, в чем состоят сложившиеся за много веков «российские странности»? В XXI в. Россия вступила с тяжелым грузом кризисных явлений в общественном устройстве, экономике, законодательстве, политике, образовании, науке, национальных отношениях и других сферах жизни. Перевернуты представления о справедливости, добре и зле. Выход из кризиса невозможен без осознания закономерностей исторического развития государства российского.

Можно сказать, что и в наши дни, на рубеже веков и тысячелетий ситуация повторяется, воспроизводя в ином историческом контексте вопрос о путях и перспективах развития российского общества и государства. При этом необходимо помнить, что Россия – целый «космос», требующий тактичного обхождения, деликатного обустройства, и, как сказал Черчилль о России, это – «a riddle rapped in mystery inside an enigma»¹.

В данном учебном пособии делается попытка целостного проблемного освещения многовековой государственности России. Учитывая наличие обширной литературы по многим частным сюжетам, автор пытается обратить главное внимание на «сквозные» аспекты темы, которые и создали некую «несущую конструкцию» истории отечественной государственности. Такая «пирамида» позволит студенту не только опередить основные этапы в развитии страны, но и выявить связь времен, обусловленность процессов и явлений.

Учебное пособие состоит из тезисов лекций, представляющих изложение тем курса. Использование материалов пособия позволит студентам заранее подготовиться к лекциям, лучше уяснить содержание темы, выявить ключевые вопросы, больше следить за мыслями лектора и меньше конспектировать. Каждая лекция завершается перечнем вопросов для самопроверки студентов, в конце пособия приведен список рекомендуемой для изучения спецкурса литературы.

---

¹ Идиома, близкая к присловью: «Секрет, завернутый в тайну, скрывающую в себе загадку».

Тема 1. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Государственность:
характеристика,
особенности.

Термин «государственность» довольно часто используется сегодня в юридических, исторических, политологических и иных исследованиях, однако однозначного определения этого термина не существует. Владимир Даль ограничился в своем знаменитом словаре терминами «государственный – до государства относящийся» и «государствование – управление государством»¹. Современный толковый словарь русского языка объясняет: «государственность – это государственный строй, государственная организация»². Обобщив понимание этого термина, можно сделать вывод о том, что государственность – это составляющая нашей жизни, включающая в себя историческую, культурную, национальную, религиозную и другие компоненты; это некая, обусловленная историческим развитием каждого народа, связь между государственными институтами и эффективностью их функционирования, характер которой обусловлен тем, насколько они органично связаны с данной страной на каждом конкретном этапе ее развития³.

Современные исследователи проблемы «государственности» также затрудняются в поиске единого и универсального определения данного понятия. Некоторые, например, профессор Московского государственного университета С.А. Авакьян, вообще предлагает смысл, сущность понятия государственность вывести из глубокого и последовательного анализа конкретных реалий действительности⁴. Это может свидетельствовать о том, что даже маститые ученые не решаются брать на себя ответственность за истинность предлагаемого ими определения понятия, которое в отечественной доктрине на сегодняшний день является недостаточно разработанным.

Тем не менее, определенные успехи в данном направлении есть. Целесообразно привести позиции по данному вопросу некоторых отечественных ученых-юристов.

---

¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. – М., 1995. С. 387.

² Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 1997. С. 141.

³ См.: Коржихина Т.П., Сенин А.С. История российской государственности. – М., 1995. С. 10–14; Лукьянова Е.А. На стыке эпох и континентов. С. 8–14.

⁴ Авакьян С.А. Практика российской государственности // Вестник МГУ. Сер. 18. 1997. № 1. С. 19.

Так, Е.А. Лукьянова считает, что государственность – это, во-первых, нечто, безусловно, связанное с государством. Во-вторых, это некое его качественное состояние, зависящее от различных причин: от форм общежития, исторического периода, духовного состояния общества, лидера, влияния извне, кризисных и не кризисных перемен и т.д.¹.

Так ли необходим данный термин для науки? В своем романе одно из самых точных «антиопределений» государственности дал Л.Н. Толстой, даже не называя самого этого слова. Рассуждая во второй части эпилога «Войны и мира» о власти и истории, он писал: «В области науки права, составленной из рассуждений о том, что как бы надо было устроить государство и власть, если бы можно было бы все устроить, все это очень ясно, но в приложении к истории это определение власти требует разъяснения.

Наука права рассматривает государство и власть, как древние рассматривали огонь, как что-то абсолютно существующее. Для истории же государство и власть суть только явления... власть, с точки зрения опыта, есть только зависимость, существующая между выражением воли лица и исполнением этой воли другими людьми»².

Вот здесь все предельно точно и ясно. Государственность – это некая, обусловленная историческим развитием каждого народа связь между государственными институтами и эффективностью их функционирования, характер которого обусловлен тем, насколько они органичны для данной страны на каждом конкретном этапе ее развития. Отсюда следует, что государственность – явление, не требующее специальных определений. Это вечный контекст. Это жизнь государства или, если хотите, государственно-организованного общества³.

Согласно позиции А.Б. Венгерова, в литературе понятие «государственность» очень часто выступает синонимом понятия государства. Понятие государственности используют, причем, часто вкривь и вкось, когда хотят сказать о государстве, но «государственность» отнюдь не совпадает с понятием «государство». Государственность – это определенное состояние общества, государство, взятое в эволюции. Государственность, которая на разных этапах истории выступает в разных формах государства того или иного этноса, народа, в разных типовых характеристиках, с разной формой правления, с разными функциями, тем не менее, все это государственность, т.е. государство, находящееся в развитии. Введение понятия государственности фиксирует идею о необходимости расширить понятие государства, ввести дополнительные

---

¹ Лукьянова Е.А. К вопросу о специфике российской государственности // Вестник МГУ. Сер. 12. 2002. № 31. С. 14.

² Толстой Л.Н. Война и мир. Т. 4. – Кишинев, 1969. С. 670.

³ Лукьянова Е.А. Указ. раб. С. 15.

исторические (динамические) характеристики с целью объяснения того, куда идет то или иное государство, что строит то или иное общество, для расширения временного диапазона понимания и объяснения различных проблем эволюции общественной жизни. Понятие государственности несет очень важную историко-прогностическую смысловую нагрузку¹. Более того, «государственность – это определенное состояние общества, взятое в эволюции». Лишь на протяжении многих десятков, сотен или даже тысяч лет формируется истинная государственность. Государственность – особое состояние государства, оказывающее влияние на его положение на политической карте мира, основанное на единстве сформировавшегося в процессе исторической эволюции менталитета власти и народа. Думается, такое определение подойдет к государственности любого из ныне существующих или когда-либо существовавших государств, если характеризовать их вообще без учета национальных, территориальных, ментальных и других особенностей. Но, разумеется, единой и универсальной государственности на нашей планете нет и быть не может.

В отечественной и мировой историографии существуют три основных точки зрения на проблему специфики русской истории. Сторонники первой придерживаются концепции однолинейности мировой цивилизации, считая, что все страны, в том числе и Россия, проходят одни и те же, общие для всех стадии, а некоторые особенности российской истории трактуются как проявление отсталости России и русских. Эта точка зрения характерна для исторической публицистики западнического направления. Историко-профессионалы, в частности С.М. Соловьев, придерживаются той же методологической посылки, заменяя термин «отсталость» термином «задержка». Сторонники второго подхода к русской истории полагали, что история человечества состоит из истории целого ряда самобытных цивилизаций, каждая из которых эволюционирует по своему собственному пути. Многие российские ученые – Н.М. Карамзин, В.О. Ключевский, Н.Я. Данилевский – создавали свои труды, исходя из «особенности» России. Общеизвестны слова Ф. Тютчева:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить.
У ней особенная статья.
В Россию можно только верить.

Третья группа авторов пыталась примирить обе позиции. П.Н. Милюков, видный русский историк и общественный деятель, называл три условия исторического результата:

– внутренний закон развития, присущий всякому обществу и для всякого общества одинаковый;

---

¹ Авакьян С.А. Указ. раб. С. 19.

– влияние отдельной человеческой личности на ход исторического процесса;

– особенности той материальной среды, в которой данному обществу суждено развиваться¹.

Традиционно в науке выделяются в первую очередь такие факторы (условия, причины), как природно-климатический, геополитический и социальной организации. Влияние природно-климатического фактора отмечали практически все исследователи.

Территория, на которой образовалось русское централизованное государство, а затем Российская империя преимущественно находилась в зоне сплошных, величайших в мире лесов, заболоченных земель, со сравнительно небольшими тепловыми ресурсами, подзолистыми и дерново-подзолистыми почвами. На севере, вдоль всего Северного Ледовитого океана, простиралась тундра, а южнее лесостепь, переходящая в огромные степные пространства. Климат России преимущественно континентальный с резким понижением зимней температуры по мере продвижения к востоку. Проживание, труд населения в таких климатических условиях «является подвигом необычайным»². Крестьянское хозяйство на территории России обладало крайне ограниченными возможностями для производства товарной земледельческой продукции, что, в свою очередь, обусловило узость рынка рабочей силы, отсутствие возможностей быстрого накопления капитала. Отсюда корни традиционного вмешательства русского государства в сферу организации экономики: это оно создавало Пушечный двор, Оружейную палату, механическое и металлургическое производство на Урале и Санкт-Петербурге, строило железные дороги и пароходы, ведало почтой, телеграфом. А поскольку все это требовало средств, то с помощью государственного механизма постоянно производилось изъятие известной доли совокупного прибавочного продукта. Осуществить это без мощного аппарата принуждения было невозможно.

Нетрудно указать на те объективные факторы, которые определили социально-культурное отставание традиционного общества в России от более развитых западноевропейских стран. Это, во-первых, природно-географические и демографические условия – освоение численно незначительным населением громадной территории (особенно на северо-западе и северо-востоке) с достаточным суровым климатом и ограниченными возможностями ведения сельского хозяйства. Колонизация в России негативно влияла на ход русской истории, поскольку она истощала людские ресурсы, способствовала низкой плотности населения,

---

¹ См.: От Древней Руси к императорской России (IX–XVIII вв.) – М., 1994. С. 7.

² Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. – М., 2000. С. 414.

препятствовала распространению частной собственности на землю и применению наемного труда. В конечном итоге колонизация привела к относительно отсталому от западно-европейской цивилизации техническому и культурному уровню в России. Западная история следовала принципу социальной интенсификации, мы же шли путем экстенсивным. На Западе, если государство оказывало давление, можно было придумать один выход: усовершенствовать государство и ослабить давление. Наше государство оказывало давление вследствие необходимости, но мы не стремились усовершенствовать государство, а уходили от него в степь и в леса. Государство настигало ушедших – они опять уходили дальше. Так и протекал процесс колонизации.

Невысок был и уровень стимулов к труду. В ранний период русской истории при обилии земли и трудностях ее обработки преобладало кочевое земледелие – расчистка лесного участка, сбор сравнительно неплохих урожаев в течение 2–3 лет и затем переход на новый участок. Поэтому в крестьянском правосознании не выработалась идеи, что приложение труда к земле является основой собственности на землю и продукты ее обработки. Русский земледелец не стремился к технологическим усовершенствованиям, и первое руководство по сельскому хозяйству появилось на Руси лишь в конце XVI в.

Причина такого консерватизма заключалась также в социальных условиях, в крепостнической зависимости трудящегося населения. Зачем трудиться, если господин или чиновник заберет у тебя львиную долю произведенного? Норма эксплуатации трудового люда доходила до 50% и выше – недаром на Руси существовал термин «половник» (т.е. арендатор, отдававший половину урожая). Точно так же не могло сложиться понятие собственности у людей, ее не имеющих. Все эти факторы не могли не замедлить экономический и технический прогресс. В средневековой России с ее плотностью населения 3–5 человек на 1 кв. км слабо прививался даже простой трехпольный севооборот, для которого необходимы 15–35 человек на указанную площадь. Мельницы, с которыми сражался Дон Кихот в отсталой средневековой Испании, были на Руси в аналогичный период очень редки; водопровод появился впервые лишь в начале XVII в., да и то в столице; часы пришли на Русь в XV в. (по сравнению с XII в. в Европе) и т.д.

Важнейшей особенностью российской государственности является общинность, она охватывает практически все стороны жизни общества и, соответственно, не может не накладывать отпечаток на главный элемент политической системы – государство, глубоко проникая во все его институты.

Российская общинность основывалась на экономических предпосылках. Главной из них является так называемый «азиатский» способ производства, который в свое время был выявлен К. Марксом при соз-

дании им учения об общественно-экономических формациях. «Азиатский» способ производства определяется как своеобразная система земледельческих общин, объединяемых государством, который унаследовали некоторые первобытно-коммунистические черты – общую собственность на землю, коллективный труд и прочные внутренние связи между членами общины. При этом в общине всегда сохранялась личная собственность в виде дома и приусадебного участка отдельной семьи.

Как правило, «азиатский» способ производства возник там, где природные условия (суровый климат, угроза наводнений, необходимость принудительного орошения земель) не позволяли людям выживать в одиночку. Естественно, что любая коллективная деятельность предполагает наличие организующей силы. Такой силой становились образовавшиеся на этой основе государства, которые сосредотачивали в своих руках функции, необходимые для обеспечения жизнедеятельности и объединения всей совокупности общин. Используя межобщинные связи, государства постепенно возвысились над общинами и эксплуатировали их.

Таким образом, суровые климатические условия с сильной амплитудой параметров естественной среды, требующие коллективных форм ведения хозяйства, породили необходимость существования некой организующей силы, которой на Руси и стало государство. Высокая жизнеспособность общин, их устойчивость и постоянная потребность в патерналистской деятельности государства привели к своеобразному парадоксу – возникновению, наряду с общинным самоуправлением, деспотического режима с очень большой степенью прочности. Географическое положение России обеспечило ее безмерное пространство, государственное овладение которыми, по мнению Н.А. Бердяева, сопровождалось страшной централизацией, подчинением всей жизни государственному интересу и подавлением свободных личных и общественных сил. В «Истории государства российского» Н.М. Карамзина, в качестве одной из особенностей нашего государства отражена взаимосвязь между пространством, на котором оно расположено и формой правления¹. Во второй половине XIX в. в России среди ученых, общественных деятелей оформилось два взгляда на исторический путь нашего государства – «славянофилы» и «западники»: «западники» рассматривали Россию как восточную часть Европы и объясняли различия между Россией и Западной Европой «отставанием» исторического процесса в России в связи с неблагоприятным географическим положением, монгольским нашествием XIII века и другими причинами², «славянофилы», вместо

---

¹ Карамзин Н.М. История государства российского: В 3 кн. Кн. 1. – М., 1998. – С. 33, 122.

² Кавелин К.Д. Мысли и заметки русской истории // Наш умственный строй: Ст. по философии русской истории и культуры. – М., 1989. С. 228, 229.

рассуждений об отставании русской цивилизации, подробно останавливались на ее самобытности и самодостаточности¹. В работах историка С.М. Соловьева², сторонника западнических взглядов, природа, географическая среда, в которых шла история России, показаны в их своеобразии: огромная равнина со множеством рек, не имевших четких естественных страниц, доступная нашествиям; население, народы, жившие в этой среде, воздействие окрестных этносов и т.д. Сравнивая уровни развития российского и западноевропейских государств, другой историк XIX в. В.О. Ключевский³ причину у неравномерного развития в том числе видел и в неблагоприятных климатических условиях, доказывая, что при таком географическом положении, обширности территории для Российского государства наиболее приемлемой формой государственного устройства было централизованное государство во главе с монархом. Ни у одной из европейских стран не было такой длинной и уязвимой границы, нуждающейся для охраны в многочисленных гарнизонах. Россия всегда была вынуждена иметь мощную армию, а позже и флот. В результате Русь – Россия постепенно превращалась в «оборонное общество», а военные расходы при ограниченных людских и материальных ресурсах тяжким бременем ложились на население. Внешнее окружение Киевской Руси, древнерусских княжеств определило тенденцию к политической интеграции под эгидой Москвы, хотя экономические предпосылки к объединению страны еще не сложились. Недостаток объединяющей, скрепляющей силы, которую на Западе играло «третье сословие», взяло на себя само Российское государство, при этом оно примерно во столько же раз было неограниченнее западных, во сколько российская буржуазность уступала европейской.

Важно понять, что русское самодержавие резко отличается от западноевропейского. Вместо тесных «горизонтальных» связей между лицами одинакового статуса преобладали «вертикально» направленные отношения подданных к государю. Не взаимная помощь и обмен услугами, а односторонняя холопская зависимость нижестоящих от вышестоящих определяли облик этого общества. В России любое выступление против носителя власти, кто бы он ни был – верховный повелитель или мелкий чиновник, – могло трактоваться как выступление против государственности, России, народа. В русскую политическую культуру были введены понятия, взятые из теории договорного права, согласно которому люди, чтобы не самоуничтожаться, должны были передать себя повелителю, обязанному их защищать, но взамен получавшему над ними полную власть. В воинской присяге, утвержденной при Петре I,

---

¹ Аксаков К.С. Аксаков И.С. Литературная критика. – М., 1981. С. 265.

² Соловьев С.М. Собр. соч. В 18 кн. Кн. 1. Т. 1–2. – М., 1988. С. 58, 65–66.

³ Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. Т. 1. Курс русской истории. Ч. 1. – М., 1987.

нет понятия России, Отечества, земли, а земля есть понятие «царь-государь», само государство упоминается как «его царского величества государства и земли»¹. Таким образом, Россия была не просто монархией, а деспотией. Но российский абсолютизм, будучи по самой своей природе абсолютизмом крепостническим, азиатско-деспотическим, в общем-то обеспечивал исторический прогресс страны. Неограниченный, властный характер абсолютизма в России позволил осуществить следующие задачи:

– интеграцию общенациональных усилий для устранения последствий татарского нашествия. Российский абсолютизм создал русскую нацию «сверху» задолго до того, как она стала превращаться в нацию буржуазную;

– создание уникального в истории державного образования; объединение в рамках «единой и неделимой» империи десятков народов, проживающих на громадной территории;

– обеспечение варварски-деспотическими средствами почти двух-векового соперничества с быстро обуржуазившимися нациями Европы.

В конце XV и XVI веках, когда под властью Москвы образовалась огромная империя, позже распространившаяся за Урал, встал вопрос о необходимости выбора вариантов государственного управления на столь обширных территориях. Есть, очевидно, два способа управления такими территориями: первый – когда большую роль играет местное самоуправление, выбранное населением и отчасти контролируемое из центра. Один из создателей США, Томас Джефферсон, писал, что страна слишком велика для того, чтобы всеми ее делами ведало одно правительство. Второй способ – централизаторский: сверху донизу всеведущая административная власть, которая подавляет всяческое самоуправление. На Западе дело шло первым путем: короли плюс парламенты, городские и провинциальные общины, судьи и т.п. На Руси царям вместо старого, патриархального управления, рассчитанного на небольшие владения, потребовалось создание совершенно нового, разветвленного аппарата власти, пронизывающего всю империю.

Главное и основное отличие: на Западе куда сильнее, чем на Востоке, – города, промышленность, торговля, буржуазия; а где буржуазность, товарность, там крепнут свободы, местные и городские; еще сравнительно небольшие, но те самые, которые прежде на Руси были, но «сгорели» в пожарах XIII–XIV веков.

Таким образом, обширные территории, на которых раскинулось государство, повлияло и на характер организации власти. Политики, ученые издавна ставили вопрос об отношении величины государства к форме правления. Руссо, как известно, хотел вывести общий закон этого

---

¹ См.: российское государство X–XX вв.: В 9 т. Т. 4. – М., 1986. С. 328.

отношения, который он формулировал так: «Чем больше государство растёт, тем более уменьшается свобода граждан». Колоссальные просторы России оказали существенное влияние на формирование экстенсивного характера всего развития страны, но при этой отрицательной роли огромных территорий России для ее экономики, необъятность российских просторов не раз спасала державу от гибели.

Географический фактор оказал влияние на характер организации власти, ускорение процесса политической интеграции, несмотря на то, что другие предпосылки к объединению страны, прежде всего экономические, еще не сложились.

Многие историки отмечали неопределенность, а зачастую и отсутствие правовых норм в России. Если в средневековой Европе государство было относительно слабым и обществу приходилось самому решать многие проблемы, то в России, наоборот, государство с определенного времени превратилось вдемиурга общественной жизни. Будучи единственной организованной силой и не встречая серьезного сопротивления в «жидкой» общественной среде, оно привыкло действовать посредством насилия, произвола. Оно не нуждалось в правовом обосновании общественных отношений и своих действий, потому идея законности и правопорядка не превратилась на Руси в общезначимую ценность.

В такой обстановке русский человек – будь он крестьянином, торговцем, чиновником или дворянином – постоянно чувствовал себя уязвимым, незащищенным и это выработало у него холопскую психологию – привычку подчиняться, сгибать шею перед сильными. Когда Иван Грозный творил кровавые расправы над подозрительными ему боярами, он иногда, чтобы придать своим жестокостям легитимность, обращался за одобрением к простому народу – и получал его, хотя репрессии могли перекидываться на массовые слои. В некоторых случаях этот конформизм был искренним, но чаще всего – средством выживания. За внешним послушанием скрывались глубокие антагонизмы.

Если всей своей трудной историей русское общество приучалось сплачиваться перед лицом внешней опасности, то внутри его не было единства. Соединяющей силой всегда была власть – князя, царя, императора, а позже, в СССР – харизматическая власть, государство.

Таким образом, под воздействием вышеизложенных факторов: природно-климатического, геополитического, религиозного, в России сложилась специфическая социальная организация. Ее основные элементы: 1) первичная хозяйственно-социальная ячейка – корпорация (община, артель, товарищество, колхоз, кооператив и др.), а не частнособственническое образование, как на Западе; 2) государство – не надстройка над гражданским обществом, как в западных странах, а «становой хребет», а порой творец гражданского общества; 3) государственность либо обладает сакральным характером, либо неэффективна («сму-

та»); 4) государство, общество, личность не разделены, не автономны, как на Западе, а взаимопроницаемы, целостны; 5) стержень государственности составляет корпорация служилой знати (дворянство, номенклатура...).

Данная социальная организация отличалась чрезвычайной устойчивостью и, меняя свои формы, а не суть, воссоздавалась после каждого потрясения российской истории, обеспечивая жизнеспособность русского общества.

Традиции российской государственности

Устойчивые особенности и закономерности исторического развития, входящие в систему социально-исторического и политического опыта, определяют рамки общественных процессов. Традиции как наиболее устойчивый элемент этого опыта оказывают постоянное влияние на выработку норм и ценностей общественного сознания, способствуя или препятствуя восприятию новых форм социальной жизни, становясь, таким образом, основой или тормозом преобразований в обществе¹.

История никогда не уходит в прошлое без остатка. Традиции – мощная, хотя и не всегда осознаваемая сила общественного развития, это элемент культурно-социального опыта поколений. История отечественной государственности весьма богата опытом самоорганизации в плане политическом. Можно по-разному оценивать положительные и отрицательные события и процессы, но ценным является весь опыт, ибо во всем многообразии, при условии творческого осмысления обращение к традициям позволяет оптимизировать инновационный процесс².

Сама государственность, несмотря на свою внешнюю «полувиртуальность», оказывает огромное влияние на государство, право и законодательство. Традиции государственности не могут не отражаться на структуре, порядке формирования, функционирования государственных институтов, на их взаимодействии между собой и в отношениях с гражданами. При ослаблении или искусственном устранении хотя бы одного из традиционных компонентов государственности деятельность госаппарата и эффективное правоприменение начинают давать сбой. Знание традиций государственности³ необходимо и для практиков, и для ученых, которые пытаются осмыслить удаchi и недостатки, вырабатывают модели корректировки складывающихся политико-правовых ситуаций⁴. Единства во мнениях авторов в определении специфики страны

---

¹ Черепанов В.Д. Традиции славяно-русского демократизма // Вестник МГУ. Сер. 12. 2002. № 1. С. 36.

² Там же. С. 38.

³ Их называют по-разному: сущностные черты, особенности, основные черты и т.д.

⁴ Лукьянова Е.А. На стыке эпох и континентов. – М., 2004. С. 16.

не наблюдается¹, наиболее полной и убедительной представляется позиция Лукьяновой Е.А., которая называет традицией общинность, державность, патернализм. Едва ли можно к этому перечню добавить евразийство (это, скорее, геополитическая предпосылка) и бюрократию как традицию государственной власти, но не всей государственности.

Два разных термина – «общинность» и «соборность» в основе своей имеют одно и то же понятие – «коллектив». Если «община» берет свое начало из непосредственного уклада быта, то «собор» является перенесением из этого уклада свойства коллективизма во властные структуры. Российская общинность основывается на экономических предпосылках, главной из которых является, как уже говорилось, «азиатский» способ производства.

С принятием христианства содержание общинной жизни стало «пропитываться» духом церковной соборности: сельская община становилась также и общиной православной. Правовые, административные, судебные и властные – государствообразующие структуры в условиях русской общинности окрашивались в соответствующие тона; например, князь в отношении дружины был ее начальником и вместе с тем становился ее отцом и братом. Такое «братство» проявилось уже в XX в. в сущности коммунистической идеологии.

Русскую общинность прославляют многие отечественные государственоведы: «политики и государственные деятели могут гнуть, ломать, калечить русский народ, но переделать его они не в состоянии. Жажда общения, холодный расчет, частнособственнические буржуазные инстинкты и вытекающий из них индивидуализм нужны массовому сознанию ...»².

Думается, однако, что нельзя умиляться общинными отношениями, так как в общинном быте нет личности, нет обособленного индивида, представленного самому себе³.

Соборность как проявление общинности считается неотъемлемой чертой российской государственности. Термин «соборность» в его нынешнем значении – «изобретение» философов XIX в., в применении к политической жизни соборность означает, прежде всего, требование принимать решение и действовать «всем миром», «сообща», а «сообщество» выступает в качестве политической деятельности⁴.

---

¹ См.: Лукьянова Е.А. Указ. работа; Кочетков А.П. Некоторые особенности социально-политической эволюции Российского государства // Вестник МГУ. Серия 12. 2002 № 1; Черепанов В.Д. Указ. работа и др.

² Лукьянова Е.А. Указ. работа. С. 26.

³ Лазарева А.Н. Идеи нравственно-духовного единства и свободы личности в русской религиозной философии // Философские исследования. 2003. № 2. С. 63.

⁴ Бирюков Н.И. Между дуализмом и соборностью // Общественные науки и современность. 1998. № 4. С. 62.

У соборности есть как православные, так и более древние истоки, что обусловлено как особенностями России, так и сущностью христианства. Идея соборности «бродит по России», но основная задача сегодня в том, чтобы современный институт соборности служил «рупором молчаливого большинства» общества.

Сегодняшнее состояние соборности, думается, крайне неудовлетворительно. С одной стороны, слишком много религиозности в институте соборности, с другой – очень слабая вероятность реализации этого принципа в качестве взаимной поддержки в наше время (а может быть, и никогда).

Исторически Россия сложилась как огромное геополитическое пространство, что определилось рядом причин, связанных с сохранением как русского народа, так и других народов, воссоединившихся с Россией в целях избежания геноцида, истребления и т.д. Единство разных национальностей не могло появиться само по себе, и такая традиция, как державность, просто обязана была сложиться.

Как понятие «державность» в литературе практически не встречается, чаще используется понятие «держава», которое в основном ассоциируют с «империей». Применительно к России «империя» является, скорее, составляющей понятия «держава». Постоянно участвуя в различных военных конфликтах и противостояниях, российское государство просто обречено было стать империей. Транслируя имперские настроения в народ, пробуждая в нем чувство патриотизма, государство способствовало рождению российской державности.

Было бы ошибочно затушевывать насилие и даже жестокость, которые сопровождали рост державности. Бесконтрольность, импульсивность, гипертрофия великодержавия, военной политики соседствовали с отказом от поддержки нищего населения, подавлением свобод личности и общества.

«Демон державности» проявлялся и в личности правителей – И. Грозном, Николае I, И. Сталине.

После правления тиранов, как правило, появлялись такие, как Федор Иоаннович, Л. Брежнев, выражающие бессилие, безволие державности. Иные – Б. Годунов, Александр II, Н. Хрущев – стремились модернизировать режим, но на прежних основаниях.

Как правило, после периодов активной державности наступал период «обвала» страны, рост криминала, слабость власти и разложение национального самосознания. Так было в начале XVII в., 1917 и 1991 гг.

Развитием истории перед нами в очень жесткой форме поставлен вопрос: быть или не быть России великой державой? У России есть шанс сохранить большую часть созданной предками империи, а главное – обеспечить ее длительное устойчивое существование¹.

---

¹ Артемов В. Россия: Империя или цивилизация.//<http://www.netda.ru>.

В древней и средневековой Руси общественная жизнь была текучей – колонизация, перемещение людей с места на место, нашествия, внутренние смуты. Если в средневековой Европе государство было относительно слабым и обществу самому приходилось решать многие проблемы, то в России оно являлось единственной организованной силой. Не встречая серьезного сопротивления в «жидкой» общественной среде, государство привыкло действовать посредством насилия, произвола, отсюда – явление абсолютной власти государства и ее лидера над нацией. На становление российского патернализма повлиял и фактор общинности. Характерной чертой этого общинного архетипа является стремление переключать ответственность за свою деятельность на государство, что приводит к стремлению «спрятаться» за власть¹. В формуле «государь, батюшка, надежда, православный царь» есть и власть, и родственность, и упование на кого-то². Истоки этого парадокса сложились во времена татаро-монгольского ига: русский человек был готов нести все тяготы, возлагаемые государством, только бы оно защитило его. Патернализм, как правило, харизматичен. Личность носителя харизматического авторитета (Петр I, Ленин, Сталин...) заслоняет стоящие за его спиной политические институты, это всегда в той или иной степени «отец народов». Именно государство всегда было «двигателем» общественного развития: право и свободы даровались монархами, которые тут же стремились их ограничить (Александр II – Александр III).

Поразительно, но любовь к Отечеству сильнее была именно в периоды усиления авторитарного режима: Россия сталинского времени характеризуется любовью к Родине – 71,3%, граждан хрущевского времени – 41, 17%³. Опросы, проведенные в 1997 и 2001 гг., показали резкий рост доверия к институту президентства (от 19,8 к 63,5%) при низком доверии к правительству (33,6%), Думе (17%), политическим партиям (9,3%)⁴.

Следует отметить, что все традиции государственности тесно связаны: общинность – почва державности и патернализма; державность и патернализм дополняют друг друга и т.д.

В настоящий период эти традиции основательно надломлены, но, являясь стержнем развития государственности, они, как показывает практика, восстановятся снова. Ценности идентичности – это главные святыни истории: государственность России должна быть своя собственная, соответствующая архетипам социальности, культуры, иерархии ценностей и смыслу существования в истории.

---

¹ Лях П.А. Патернализм в России // Россия и АТР. 2002. № 4. С. 115.

² Тихомиров А.А. Монархическая государственность. – М., 1998. С. 241.

³ Шереш Ф. Пожертвуем демократией? // Родина. 2001. № 10. С. 10.

⁴ Лях Н.А. Указ. работа. С. 120.

Контрольные вопросы

1. В чем сущность понятия «государственность» и каковы признаки ее?
2. Перечислите геополитические и природно-климатические факторы формирования российской государственности, раскройте содержание каждого из них.
3. Назовите критерии этапности и основные подходы к периодизации российской государственности.
4. Была ли неизбежна победа авторитаризма в России? Обоснуйте свой ответ.
5. Как следует понимать традиции в политической культуре общества?
6. Определите, каковы, на ваш взгляд, главные традиции российской государственности?
7. Раскройте содержание таких понятий, как общинность, соборность, державность, патернализм.
8. Существуют ли эти традиции в современной России?
9. Каковы особенности исторического развития России?

Тема 2. РАННЕФЕОДАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО НА РУСИ

Особенности
возникновения
государственности
у восточных славян

Феномен Древней Руси уже целое тысячелетие остается главным источником самых притягательных и неразрешенных загадок российской истории.

Скудность исторических сведений всегда порождает обилие концепций. Специалисты по Древней Руси говорят, что могут только «приоткрыть завесу», за которой скрыта давно исчезнувшая реальность, что сам термин «Древняя Русь» скорее логический и научный, нежели предметный. Просуществовав почти триста лет, Киевская Русь сыграла важную роль не только в отечественной, но и в мировой истории. По своему экономическому и политическому развитию Русь IX–XII вв. ничем не уступала своим соседям. Киев громко заявляет о себе на международной арене, заключает соглашения с иностранными государствами, ведет успешные войны с соседями. Правители Византии и европейские монархи считают честью породниться с киевским великокняжеским домом, заключают династические браки. Русь поддерживает то дружеские, то враждебные отношения со Степью, находясь на стыке Запада и Востока, Европы и Азии. Высок был и уровень русской культуры: деревянное зодчество и декоративно-прикладное искусство, живопись, народная вышивка и легендарные образы древнерусских богатырей, очарование далекого времени, воспеваемого в былинах, сказках и народных песнях. Уже во времена Киевского государства имеют место выдающиеся естественно-научные и технические достижения. Именно во времена Русского раннефеодального государства появляется уникальный памятник права – Русская Правда. Находки берестяных грамот в Новгороде показывают и высокую грамотность простолюдинов, что свидетельствует о культуре не только господствующего класса. Есть, однако, нечто такое в истории Киевской Руси, что не поддается строго рациональному определению. Это – обаяние юности государства, религии, культуры; это – свойственные славянству размах, удаль, широта, щедрость души, особо проявившиеся в рассматриваемую эпоху.

Данная тема довольно популярна среди историков: ее исследование началось еще с XVIII в. и до сих пор актуальны вопросы происхождения нашего государства¹. Предыстория и ранняя история восточных славян

---

¹ Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. 1. – М., 1987; Карамзин Н.М. История государства российского. Т. 1. – М., 1989; Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки отечественной историографии. – М., 1990; Новосельцев А.П. «Мир истории» или миф истории? // Вопросы истории. 1993. № 7 и др.

ставит больше вопросов, чем дает ответов¹, но несомненно, что в течение VII и VIII вв. славянское население постепенно растекается по необъятной Русской равнине и занимает обширную область, расположенную по линии рек Днепр и Волхов.

Путь формирования Древнерусского государства (IX–XII вв.) был обусловлен несколькими факторами и особенностями:

Географический фактор – огромные слабонаселенные пространства северо-востока Европы – от Балтики до Урала, Восточно-Европейской равнины, от Дуная и Днепра до Волги, от Белого моря до Каспия – не имеющие четких природных границ, которые могли бы стать государственными границами. Этнические особенности: на территории Восточно-Европейской равнины проживали восточно-славянские, финно-угорские, балтийские племена. Общность условий обитания, занятий (оседлое скотоводство, земледелие, рыболовство, охота), языческих верований, отсутствие территориальных притязаний обусловили возможность образования государства с полиэтническим составом населения.

Экономический фактор – прохождение через территорию, населенную восточно-славянскими племенами, пути «из варяг в греки». Древнерусское государство с центром в Киеве (882 г.), в значительной степени жило и процветало благодаря торговле.

Религиозный фактор – господство сходных языческих верований в момент возникновения государства не противопоставляло одни племена другим, а принятие православия не обострило противоречий между различными этносами, поскольку процесс шел постепенно, при очень терпимом отношении к язычникам².

Главные принципы формирования этого государства типичны для складывания ранней государственности: распад родовой общины; образование племенных союзов; появление соседской общины; появление частной собственности на землю.

Современная концепция происхождения русской государственности явилась итогом длительного процесса развития как исторической, так и правовой наук. Научная история проблемы начинается в XVIII в. В Российской Академии наук проблемы происхождения русского государства разрабатывались как представителями норманнской школы (Байер, Шлецер), так и ее противникам, и в первую очередь, М.В. Ломоносовым.

В современной историографии спор норманистов и антинорманистов включает несколько сложных и важных проблем:

– о роли внутренних причин и роли иноземцев (варягов) в процессе формирования и развития Древнерусского государства;

---

¹ Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. – М., 1989.

² См.: История отечественного государства и права: Учебное пособие. Ч. 1. – М., 1994. С. 40–41.

– о степени норманнского влияния на развитие социальных отношений и культуры;

– о происхождении имени Русь, русский народ.

Анализ этих проблем зависит от принадлежности ученого к той или иной из научных школ в области истории и права, сложившихся еще в XIX в.

Наиболее известными из них являются следующие: школа «официальной народности» (М.П. Погодин); славянофильское направление (И.Д. Беляев); государственная и юридическая школа (Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин).

Каждая из них по-своему отвечала на поставленные вопросы¹.

Острая борьба вокруг происхождения государства развернулась в отечественной науке в XX в. На этом этапе различие в подходах определяется избираемыми тем или иным историком критериев государственности, диапазон которых был при этом чрезвычайно широк: достаточно сравнить характеристику государственности у Г.В. Вернадского, П.В. Струве, М.Н. Покровского и других².

Каким же было это государство с точки зрения формы территориального устройства? Государство первых Рюриковичей трудно назвать единым. Скорее, это своего рода Киевская метрополия, окруженная целым рядом «колоний» и «доминионов». Причем, близлежащие земли были скорее колониями, а отдаленные – доминионами. Даже беглого взгляда на такое государство достаточно для понимания того, что оно не было унитарным. При непредвзятом подходе к анализу государственного устройства Древней Руси можно легко прийти к выводу о федеративном начале древнерусской государственности. Однако так ли бесспорно утверждение, что если Киевская Русь не была унитарным государством, то в ее основе лежало федеративное начало? Возможно, распавшись на уделы, она представляла собой конфедерацию, хотя и весьма непрочную? К концу XII в. именно так оно и было, но, начиная с середины XI в., Киевская Русь является собственно «Русской», а точнее – Древнерусской федерацией, которая просуществовала около ста лет. Разумеется, что такая федерация или даже квазифедерация имела целый ряд особенностей, которые вряд ли могут служить основанием для полного отрицания федеративных начал Киевской Руси³.

В основе Древнерусской федерации не было основополагающего политического документа (конституции или договора) в его современном понимании, но такой основой стало завещание Ярослава Мудрого,

---

¹ См.: Краснов Ю.С. Российская государственность: эволюция институтов власти и проблемы их модернизации. – М., 2001 С. 15–17.

² Там же. С. 17–20.

³ Вернадский Г.В. Киевская Русь. – М., 1996. С. 235.

в котором он «заповедовал» своим сыновьям принципы деления Руси на уделы, исходя при этом из ее единства. Сейчас это может показаться абсурдом, но для средневекового общества возникновение государственно-политических институтов из частноправовой основы было вполне закономерным явлением. Ведь Русь была еще очень молодым государством, а для людей догосударственного общества право – прежде всего обычай, а не законы. Право в их представлении – это не нормы, установленные государством, а то, что восходит к незапамятным временам и берет начало от Бога или от предков (например завещание). Для князей Рюриковичей завещание их общего предка, отца-основателя их линии, а заодно и единого Древнерусского государства, имело, пожалуй, не меньшее значение, чем конституция для русских в XX в.

На основе такой средневековой квазиконституции, которая включала лишь принципы территориального устройства и единства Руси, а также систему княжеской власти, Русь просуществовала как федерация с 1054 года (год смерти Ярослава Мудрого) до конца XI в. К этому времени возни противоречия между князьями по разделу власти и территорий. Князья, используя процедуру снемов (съездов), решили обновить правовую основу своей власти в Древнерусской федерации на основе договорной. Власть федерального центра (Киева) ослабла и была не в состоянии предложить иной основы деления русского государства и власти в нем, поэтому князья использовали оставшийся в их распоряжении общерусский политический институт княжеских съездов. Однако, в отличие от народов Западной Европы, для русских (славян) договор не имел того огромного правового и нравственного значения, как для англосаксонских или франкских племен, если не в XI в., то в последующие времена.

Для славян огромную роль играла территория, на которой они проживали. Не случайно летописи пестрят словом «земля» и почти не содержат слова «народ». Территориальный аспект у русских превосходит личный, а следовательно, и договорной, поэтому замена «квазиконституционной» основы Древнерусской федерации на договорную не имела успеха: она не только не разрешила имевшиеся противоречия, но и повлекла новые. Сразу же после съезда в Любече в 1097 г. договор нарушается. И не просто нарушается! С ослепления князя Василька Теребовльского, представителя Волынской земли, в которой поучаствовал не кто-нибудь, а сам князь Киевский, начинается череда насилия над князьями-конкурентами. Летописи свидетельствуют, что Владимир Мономах, узнав об участии Василька, воскликнул: «Сего не бывало в Русской земле ни при дедах наших, ни при отцах наших». Действительно, «такого зла» не бывало. Если до того Святополк, убивший братьев Бориса и Глеба, снискал прозвище Окаянный, то после 1097 г. такие вещи вошли в обычай, и хотя осуждались, но не представляли чего-то из ряда

вон выходящего. Князь Ярослав Святополкович, Владимир Давыдович Черниговский, его брат Изяслав Киевский – вот далеко не полный перечень князей, погибших в усобицах XII в. При этом князья, по тем или иным причинам не явившиеся на съезд, не считали себя связанными его решениями. Даже те, кто присутствовали на съезде и заключили договор, легко его нарушили, исходя из своего интереса¹.

Киевская Русь представляла собой не политическую, а политикородовую федерацию. При этом нельзя забывать, что Древнерусская федерация строилась и развивалась на этническом, культурном и религиозном единстве, осознании себя единой нацией всем населением объединенных территорий Руси. Помимо этого Древнерусская федерация основывалась на общности торгово-экономического и правового пространства, едином гражданстве, единстве бюджетных принципов и схожести организации власти, экономического уклада и социальной структуры общества во всех ее частях.

Далеко не последнюю роль в поддержании целостности Древнерусской федерации сыграл княжеский род Рюриковичей. Его позитивное значение заключалось в том, что он не был связан ни с одним родом Древней Руси. Чтобы усилить единство родственных, но разделенных племен, нужны были управители одного рода. Связь народов через их правителей существовала не только на Руси и не только в средние века. Людовик XIV думал, что «нет более Пиренеев», когда посадил на испанский престол внука. Наполеон «сажал» своих родственников на престолы покоренных им стран. И таких примеров история знает немало.

Собственно, началом Древнерусской федерации можно считать 1054 год, когда Ярослав Мудрый разделил Киевскую Русь между пятью своими сыновьями. По старшинству они заняли пять ведущих областей южной и западной Руси: княжества Киевское, Черниговское, Переяславльское, Смоленское и Волынское. Это и были первые «субъекты» Древнерусской федерации. Все прочие территории Руси, в том числе Тмутаракань, стали своеобразными автономиями в составе пяти княжеств. Они подчинялись не единому центру – Киеву, а пяти указанным выше центрам. В итоге Новгородская земля зависела от Киева; область восточнее Днепра, вплоть до Муром, и Тмутаракань – от Чернигова; Ростов, Суздаль, Белоозеро и Поволжье – от Переяславля. Эти области управлялись наместниками соответствующих князей и платили им дань. По мере разрастания рода Рюриковичей все более или менее значимые земли имели князья рода и стали полноправными княжествами – членами федерации.

---

¹ Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф. Федерализм в истории России. Кн. 1. – М., 1992. С. 15.

Особое положение занимало княжество Полоцкое, управлявшееся другой родовой ветвью Рюриковичей – не Ярославичами, а Изяславичами. Поскольку Изяслав умер при жизни Владимира I не будучи старшим в роде, потомство его не могло двигаться по старшинству и менять области княжения. За ними закреплялось Полоцкое княжество, которое, в свою очередь, не могло быть взято другими князьями. Однако и оно было неразрывно связано с остальными землями, вначале выступало своеобразным консолидированным членом федерации, а затем окончательно влилось в Древнерусскую федерацию¹.

Политическая жизнь федерации протекала весьма беспокойно. Однако общая тенденция была такова, что во второй половине XI в. и на рубеже веков в ней преобладали центростремительные силы, а с 30-х годов XII в. – центробежные. Четкой политико-правовой системы власти на Руси не было и она выстраивалась во многом под конкретного князя (что характерно и для современной России). Первый Киевский князь Изяслав Ярославич не был удачлив в войнах и не мог найти общий язык с вече. В результате части централизованного государства Ярослава Мудрого стали быстро обособляться. Тот же процесс продолжался и при князе Всеволоде Ярославиче в делах государственных больше полагавшемся на бояр, которые в то время приобрели огромный политический вес в Киеве. В итоге авторитет и значение Киевского князя в этот период заметно упали как внутри Киевской земли, так и на остальные территории Руси. Многие сделал для его укрепления в конце XI – начале XII в. Владимир Мономах.

В 30-е гг. XII в. центробежные силы начинают преобладать над центростремительными. Святополк Мстиславич стал князем Новгородским по воле Киевского князя Всеволода Олеговича, но на съезде в 1196 г. князь Киевский «выложиша Новгород в свободу», предоставив новгородцам право самим избирать князей, «где им любо», сообразуясь со своими выгодами и военно-политической обстановкой на Руси, причем, не только из ставленников Киева. Далее обособляется княжество Владимиро-Суздальское или северо-восток Руси. Волынь отходит от Киева, и судьба этой земли тесно переплетается с судьбой Галича, даже соседний с Киевом Чернигов обособляется от Киева под власть Олеговичей.

До середины XII в., являясь единым федеративным государством, северные и северо-восточные княжества существенно расширились, а южные и юго-западные в целом не утратили своих территорий. Однако во второй половине XII в. все они становятся практически независимыми государствами. Процесс их обособления усугублялся и дроблением самих этих княжеств. Самый наглядный пример – Тмутаракань, раньше

---

¹ Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф. Указ. работа. С. 18.

всех обособившаяся в силу геополитических причин и вскоре утратившая свою государственность и независимость. Собственно концом Древнерусской федерации можно считать 1169 г., когда войска Андрея Боголюбского, князя Владимиро-Суздальского, взяли Киев. С этого момента Русь распалась на два блока: юго-западный и северо-восточный.

Во второй половине XII в. Русь окончательно распадается на отдельные княжества. Попытки образования конфедераций в военных целях не смогли помешать этому процессу. Парадокс краха Древнерусской федерации состоит в том, что к нему привели две противоположные тенденции политической жизни древнерусского государства. Это, с одной стороны, сепаратистские настроения ряда княжеских семей, бояр, вече, а с другой – постоянное стремление к жестокой централизации других князей, их бояр, отдельных представителей духовенства и народа.

Традиционно принято считать, что удельная система Руси несла только отрицательные начала и всецело негативно сказалась на развитии русской государственности. Однако это далеко не так. В условиях Древнерусской федерации значительная самостоятельность ее членов изначально имела скорее положительное значение. Освобожденные от дани Киеву русские земли получили возможность накапливать значительные экономические ресурсы, развивать собственную торговлю, а политическая автономность вела к демократизации внутреннего управления русскими княжествами. При этом нельзя забывать, что единство Руси времен первых Рюриковичей строилось на началах принуждения и выражалось главным образом в получении дани Киевским князем и совместных военных походах. Удельная система вела не к дроблению мнимого единства, а к добровольному объединению земель. Русский мир не мог быть единым иначе. Без удельного порядка единство было бы потеряно еще быстрее¹. Советская историческая наука в течение долгого времени объясняла причины раздробления нарастанием классовой борьбы крестьян против эксплуататоров, что вынуждало последних держать необходимые для ее подавления силы на местах, в результате чего повышалась независимость и авторитет местных князей. Другой причиной – уже экономического порядка – называлось господство натурального (замкнутого) хозяйства.

Однако вышеназванные причины не слишком удачно объясняют распад Руси. Во-первых, у нас почти нет данных о каких-либо крупных массовых вступлениях XI–XII вв. (за исключением известий о событиях в Суздальской земле в 1024 г. и 1071 г., или в Киеве в 1068 г., где волнения весьма сложно определить как классовые), а во-вторых, натуральный характер хозяйства характерен как для удельной, так и для

---

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – М., 1998. С. 16.

единой Руси, а, следовательно, сам по себе этот факт ничего объяснить не может.

Что касается досоветской историографии, то в ней в качестве главной причины распада называлось ошибочное решение Ярослава Мудрого поделить земли Киевского государства между своими сыновьями. Однако и это утверждение уязвимо для критики: ведь и до Ярослава князья производили подобные разделы, но Русь сохранила единство.

Ко второй половине XII в. междоусобные конфликты перестали быть только лишь выяснением отношений по поводу старшинства между князьями. Характер их меняется, когда русские земли начинают обособляться. В конфликты вовлекаются все более широкие слои населения, помимо князей и дружин. Соперничество приобретает «земский» характер. Местное боярство и купечество начинает защищать свои земельные и торговые интересы. Экспортная торговля все более распадается на торговлю отдельных княжеств. В условиях натурального хозяйства и практически полного отсутствия разделения труда по русским землям экспортные товары всех княжеств были примерно одинаковы, что вело к жесткой конкуренции между торговыми корпорациями различных городов. При этом увеличивается боярское землевладение. Служа князю, бояре хотят «держать землю» и не просто держать, но и иметь гарантии ее сохранности и возможности продажи сельскохозяйственных продуктов.

Положение усугублялось использованием иностранных войск в разрешении внутригосударственных конфликтов. Наемные варяги были наименьшим злом. В период становления единого Русского государства они решали установленные задачи, получали оговоренное вознаграждение и уходили на поиски очередной войны, как правило, в Византию. Затем в усобицах стали использовать кочевые народы, то есть торков, берендеев, печенегов, половцев. Мало того, что набеги кочевников несли смерть и разрушение Руси, они подрывали единство народа и государства.

Однако кочевники не претендовали на власть над Русью и на ее земли. Куда более опасно было привлечение к русским делам стран Европы – Польши, Венгрии, Германской империи и Византии. Если Польша и Венгрия сами испытывали те же проблемы, что и Русь, то Византия и Германия были сильными государствами, и лишь их удаленность от Руси спасла ее от глобальных войн. Последние заключали союзы то с Галицкой землей, то с Киевской, то с Владимиро-Суздальской.

Таким образом, к середине XII в. Древнерусская федерация теряет практически все объединяющие начала. Род Рюриковичей настолько разросся, что распался на отдельные линии и семьи, отстаивающие лишь свои, а не общеродовые интересы и «думающие» лишь о своей

вотчине, а не обо всей Руси. Из объединяющего фактора род Рюриковичей становится фактором разъединяющим. Разрушается единое торгово-экономическое пространство, социальная структура общества остается в целом сходной, но значение одних и тех же социальных слоев в разных землях начинает существенно различаться. Как следствие этого разнятся и политическая организация русских княжеств. Практически во второй половине XII в. имели место существенные различия в формах правления и политического режима на Руси: Новгородская вечевая республика и аристократическое государство в Галиче, весьма ограниченная власть князей Киева и Чернигова и монархия владимиро-суздальских князей. При этом на Руси начинает изменяться подход к праву. Обычное право уступает место законодательству князей, которое в разных землях начинает приобретать свои специфические особенности, что ведет к разрушению общего правового пространства Древнерусской федерации. Изменение характера междоусобных столкновений (которые уже перестали быть сугубо княжескими, а получали все более «земский» характер) подрывало духовное единство русского народа.

Однако для отражения сильного внешнего врага гораздо лучше подходит централизованное, единоедержавное государство с тоталитарным политическим режимом. Такого государства на русской земле создано не было, что и привело к поражению на берегах Калки. Оно образовалось позже, в период нарастающей борьбы с монгольским игмом. Именно монгольское нашествие во многом предопределило торжество единовластия и тоталитаризма на Руси на многие годы вперед¹.

Значение периода Древнерусской федерации в развитии русской государственности трудно переоценить. Сохраняя национальное и государственное единство, все русские земли имели достаточно самостоятельности для активного и полноценного развития своих производительных сил, торговли, строительства, а также социально-культурной сферы. Однако амбициозность ряда князей и представителей аристократии в совокупности с отсутствием четкой политико-правовой связи между частями Древнерусской федерации, недостаточностью правовой регламентации государственно-властных отношений и слабости (если не отсутствия) федерального центра в конечном итоге привели к ее ослаблению и распаду.

Таким образом, Киевская Русь с середины XI в. (1054 г.) до середины XII в. (1169 г.) в основе своей государственности имела федеративное начало. Возможно, в современном смысле она и не может быть названа федерацией, но ведь нельзя же судить современными мерками о государстве, существовавшем почти тысячу лет назад. И все-таки сле-

---

¹ Чертков А.Н. Период Древнерусской федерации и его значение // Журнал российского права. 2000. № 3.

дует признать, что государственное устройство Древней Руси было гораздо ближе к федеративному типу, нежели к унитарному или конфедеративному. Уроки Древнерусской федерации, несомненно, заключают в себе ценнейшее историческое, политико-правовое наследие, которое нельзя не учитывать при изучении тенденций развития современной Российской Федерации.

Первые правители Древнерусского государства – Рюрик, Олег, Игорь, Святослав, Владимир I – варяжские по этнической принадлежности князья, активно опирающиеся в своих действиях на варяжские дружины и нередко рассматривающие Русь как временное местопребывание (как, например, Святослав, мечтавший перенести столицу из Киева на Дунай). Однако постепенно, по мере проникновения в дружинную среду славянской племенной верхушки, а также в результате отпора, полученного со стороны Византийской империи, завоевательные устремления стали ослабевать, превращая Русь в самодостаточное, самоценное образование и для самих ее правителей.

Основные черты
раннефеодального
государства

Это создало условия и для постепенного становления Руси как государственного образования со свойственными

ми всякому государству функциями.

Русь как государственное образование имела свои функции.

Первоначально эти функции были крайне примитивны и являлись продолжением тех целей, которые, собственно говоря, и создали Древнерусское государство – они были направлены по преимуществу за пределы Руси.

Основные устремления древнерусских князей – это грабительские походы на земли соседских народов – Византию (Аскольд и Дир в 866 г., Олег в 907 г., Игорь в 941, 944 гг., Святослав в 970–971 гг., Владимир в 989 г., Ярослав в 1043 г.). Болгарию (Святослав в 968 г., Владимир в 985 г.) и др. Речь, однако, шла не только о военной добыче или последующей дани, эти походы являлись одновременно и своеобразным средством выработки стабильной системы торговых отношений (Договоры с Византийской империей 912, 945, 1046 гг.), создания, говоря современным языком, «режима наибольшего благоприятствования» русско-византийской торговле.

Другой задачей, также вытекавшей из тех оснований, на которых государство возникло, являлась оборона славянских земель от натиска последовательно сменявших друг друга степных кочевников – хазар, печенегов, половцев. Нередко эта борьба со «степью» по форме мало чем отличалась от завоевательных походов и приносила несомненные успехи: как, например, Святославу, сумевшему в 965 г. полностью разгромить Хазарский каганат, или Ярославу, прекратившему набеги на Русь печенегов (1036 г.). Однако давление степи было постоянным и

непрерывным на протяжении, по крайней мере, XI–XII вв., а, следовательно, неизменной оставалась и задача обороны древнерусских границ. Вырабатывается и другая важнейшая функция государства – посредническая, арбитражная. Князь становится не только олицетворением силы, которому следует подчиняться из страха, князь – это воплощение справедливости, он есть та внешняя «незаинтересованная» сила, которой можно и должно доверить разрешение внутренних споров, суд. В то же время князь не является источником права, он лишь его носитель, выразитель тех правовых норм, которые были созданы традиционным укладом в славянской и варяжской среде. Это вполне отчетливо проявляется в дошедшем до нас памятнике древнерусского права – «Русской правде». Таким образом, складывается ситуация, в которой князь, как бы принуждая население к заключению с ним договора, сам, в то же время, обязан неукоснительно соблюдать его условия.

Примитивность функций государства порождает и элементарность его структуры. Во главе государства стоит князь, его советниками выступают бояре («старшая дружина»), основную же исполнительную функцию (по преимуществу – военную) несут рядовые дружинники. Отношения между ними весьма демократичны и ничем не напоминают отношений монарха со своими подданными. Дружина может воздействовать на принятие князем решения, бояре могут иметь собственные дружины и, порой, весьма независимы от князя. Жесткое подчинение ограничивается лишь периодом военного времени, впрочем, достаточно длительного.

Таким образом, функции и структура Древнерусского государства с очевидностью свидетельствуют о несомненном военном характере этого государства, приспособленном исключительно к решению военных задач. Собственно, в случае перехода к решению невоенных задач, такое государство оказывалось бы неустойчивым, что означает, что оно несло уже в себе самом элементы временности, возможность распада. Среди советских исследователей утвердился взгляд на Киевскую Русь как на раннефеодальную монархию, которая позже дробится на ряд монархических государств – княжеств. Подобная трактовка проблемы до недавнего времени считалась единственно верной, но в 80-е гг. XX в. возник иной взгляд: Киевская Русь домонгольского периода – не раннефеодальная монархия, а огромный межплеменной суперсоюз с центром в Киеве, то есть древнерусская государственность строилась на общинной основе, а классовым содержанием она наполняется тогда, когда Русь превращается в феодальную, не ранее XIV–XV вв.¹ Народ, «люди» древней Руси при этом предстают активной социальной и политической силой, опирающейся на вековые традиции свободы и традиционные

---

¹ История России: народ и власть. – М., 2000. С. 51.

общественные институты (народное ополчение, вече, генетически восходящие к древности, но строящиеся отныне не на родоплеменной, а территориальной основе. В структуре власти (вече – совет знати – князь) перевес достаточно долго оставался за народными массами, но реальное соотношение властных полномочий определялось и рангом соответствующего органа власти, и конкретной общественно-политической ситуацией. Древнерусская знать не в силах была саботировать решение вече, и с помощью народных собраний народ домонгольской Руси влиял на ход политической жизни в желательном для себя направлении. Спор о том, в чьих интересах, народа или знати, правил князь, во многом надуман, поскольку любая власть как организующая сила отражает не только узкокорпоративные, но и общенародные интересы. Конечно, отношение князя и вече были далеки от идиллии, но, скорее, это было столкновение не между этими двумя органами власти, а противостояние конкретного князя и конкретной общины.

Вече, князь и другие институты власти Древней Руси находились в органическом единстве, придавая стабильность и равновесие общественно-политической системе в целом. Говоря о демократии в Древней Руси, следует иметь в виду, что она отличалась от современных понятий.

Древнерусское народоправство давало свободному населению возможность непосредственного участия в управлении государством. Но оно, гарантируя его права как представителя социальной группы, не гарантировало даже в малой степени права отдельного человека как личности, который оказывался беззащитным, стоило ему выпасть из системы социальных связей. Корпоративное начало подчинялось вечевому принципу единогласия, а права меньшинства были подчинены правам большинства, что типично для древних демократий. Монголо-татарское нашествие явилось страшным ударом по демографическому, экономическому, культурному потенциалу русских земель. Изменения происходили в военной сфере, в политической, в духовной. Решающими для становления отечественной феодальной модели общественных и государственных отношений явились XIV–XVI вв., хотя отдельные ее элементы в полном объеме сложились только к рубежу XVII–XVIII вв.

Феодальная раздробленность на Руси
--

В начале XII в. на оконченности Евразии произошло объединение многочисленных монгольских племен, во главе которых стал Темучжин, принявший имя Чингиз-хан. Установлению зависимости русских земель от ханов предшествовали три подхода завоевателей: в 1223 – битва на Калке, 1237, 1239 – 1240 гг.

Эпоха, названная в отечественной историографии «монголо-татарским игом», началась в 1242 г., когда Батый впервые потребовал с русских земель дани. Этот период образует в нашем сознании какую-то историческую грань, временной и сущностный водораздел, что опреде-

ляет деление ранней русской истории на два периода: время Древней (Киевской) Руси – уже прошедшее, и – виднеющуюся на горизонте эпоху Московской Руси и Великороссии.

Дискуссия о степени влияния ордынского ига на развитие Руси ведется уже несколько столетий. В XIX в. было принято не замечать этого воздействия, но в исторической науке последних десятилетий считается, что иго стало поворотным пунктом во всех сферах общественной жизни, более всего в политической¹. Русь на долгие столетия попадает под монголо-татарское иго: русский князь должен был предстать при дворе хана и признать его верховенство; родственники местных князей находились при дворе хана в качестве заложников; хан назначает своих наместников; но при этом религиозная политика монголов была политикой толерантности, а положение митрополита никак не зависела от хана. Тем самым, за счет привилегий, данных церкви, захватчики нейтрализовали потенциального противника. Из всего спектра проблем наиболее важно следующее: какие изменения произошли в политической структуре и как происходило становление русской средневековой государственности.

Следует отметить, что Орда не смогла сломать существующие на Руси политические порядки, которые заключались не только в институте княжеской власти, но и в вечевом и ином земском устройстве, которые монголо-татары пытались (и небезуспешно) приспособить для своих целей, добавив в качестве контрольных органов институт баскачества. При завоевании русских земель монголы опирались на местных властителей и гарантировали им широкую автономию. Именно татарские баскаки осуществляли надзор за сбором значительного налога для Орды, а сбор осуществляли сами русские князья. Этот факт парадоксален; государственный аппарат отделяет Русское государство от собственных граждан.

Татары создали механизм конкуренции между потенциальными кандидатами на центральную власть, и борьба князей за титул Великого князя была «борьбой рабов».

Князья, особенно московские, адекватно оценивали и использовали союз с татарами: необходимый, но временный. Объективно и подспудно происходило «собрание власти» в руках русского князя, но этот путь был тернист и долог.

Идет процесс упадка вечевого строя, период непосредственной демократии сменялся периодом, когда на авансцену должно было выйти сословное представительство.

---

¹ См.: История России: народ и власть. – М., 2000. С. 173.

Институт тысяцких приходит в противоречие с растущей княжеской властью, но общинные (мирские) власти продолжали сосуществовать с княжеским управленческим аппаратом.

В 1328 г. московский князь Иван получает титул Великого князя и право на сбор дани со всех русских княжеств в пользу монголов; с этого времени в его казне исчезает большая часть награбленных денег, а сам князь получает прозвище Калита. «... именно деньгами, а не мечом проложил он себе путь ... Всю его систему можно выразить в нескольких словах: макиавеллизм раба, стремящегося к своей цели»¹.

Абстрагируясь от личных качеств Калиты, следует признать, что создание системы контроля над собственным аппаратом власти обеспечило возможность быстрого перехода от феодальной монархии к абсолютной. Возрождение татарами власти Великого князя, обострение борьбы между князьями за это звание, жизнестойкость московских князей, – парадоксальным образом стимулировали тенденции объединения Руси.

1380 г. – дата знаменитой Куликовской битвы. Вне зависимости от оценок ее значения, несомненно, что Золотая Орда в силу ряда причин приходит в упадок, но лишь через сто лет московский князь Иван III сумел окончательно изваять страну от татарской опасности.

Начался новый период – эпоха Московской Руси.

Последствия монгольского ига были очень серьезны: разрушение производительных сил, культуры, падение уровня грамотности, рост насилия, процветание угодничества, коварства – все это не могло не повлиять на национальную политическую культуру, особенности политического развития Русского государства в течение двух с половиной столетий (от первой трети XIII до конца XV в.), которые сводились к следующему:

1. Русь в данный период находилась в условиях феодальной раздробленности. Число княжеств не было постоянным и доходило иногда до 70.

2. Монголо-татарское нашествие создало механизм политической конкуренции, главная цель которой – получение верховной власти над огромной страной даже ценой подчинения другому государству.

3. Результатом данного процесса стала ликвидация феодальной раздробленности властью, основанной на чужом государстве.

После падения внешней опоры московская власть осталась без поддержки и оказалась перед альтернативой: либо быть свергнутой собственными подданными, либо усилить власть до такой степени, чтобы уничтожить любую, даже малейшую возможность сопротивления. Не

---

¹ Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 5.

случайно властитель, который воплотил в жизнь выбор власти, вошел в историю как Иван Грозный.

Проблема образования
русского
централизованного
государства.
Сущность процесса
и его датировка

Со второй половины XIV в. в Северо-восточной Руси усилилась тенденция к централизации: объединению русских земель вокруг нового центра – Москвы, создание централизованного государственного аппарата, новой структуры власти в Московском государстве. Характеризуя процесс преодоления феодальной раздробленности и складывание централизованного государства, Ф. Энгельс отмечал: «... в России покорение удельных князей шло рука об руку с освобождением от татарского ига, что было окончательно закреплено Иваном III»¹. Территориальные владения Москвы резко расширяются. К началу правления Ивана III территория Московского княжества увеличилась с 20 тыс. кв. км примерно в двадцать раз, а через сто лет – в шесть раз, через пятьдесят – еще в два раза. Это уже не Москва, это – Россия, которая к середине XVII в. стала самым большим государством в мире с площадью более 15 млн кв. км.

Образование Русского централизованного государства было завершением длительного процесса, но какие исторические потребности вызвали к жизни этот процесс? Как народ, только что сбросивший многовековое иго, смог так быстро создать державу мирового значения? Что же такое было в идее русской государственности, что привлекло «под руку» Москвы другие народы? Какие русские князья (а затем – цари), в силу каких объективных обстоятельств или (и?) личных качеств сумели реализовать эту идею?

С оговорками можно сказать, что становление государства Российского пришлось на XV–XVII вв. Время рождения России, время, наполненное великими и трагичными событиями, – оборона от иноземцев, Ливонская война, присоединение Сибири, закрепощение крестьян, опричнина. Бесспорно одно: вряд ли в мировой истории есть иной пример «восстановления» из пепла державы мирового значения.

Поначалу действовало простое стремление к выживанию. Русь удельного периода находилась в отчаянном положении: более 160 войн за полтора века со шведами, немцами, поляками, литовцами; отставание от развитых стран Европы, которую Русь спасла ценой собственных бед; внутренние распри.

Необходимость политического объединения, создание сильной армии, способной противостоять как внешним вторжениям, так и удельным феодалам лучше других осознали московские князья, а «собира-тельница» земель русских стала Москва:

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 416.

- территория княжества Московского являлась центром развитого земледелия и ремесла;
- Москва удалена от районов вражеских набегов и сюда усилился приток населения;
- Москва расположена на пересечении торговых путей, это центр территории, где шло формирование русского народа;
- сюда переведена из Киева резиденция митрополита русской православной церкви;
- политика московских князей была дальновидна и хитроумна, неслучайно именно Москва завоевала роль общегосударственного центра.

В современной литературе в качестве объяснений появления на политической карте XV в. Московского государства называются следующие версии¹:

1. Согласно советско-марксистской точке зрения, политический союз удельных князей во главе с Московским князем сложился на основе внешнеполитической целесообразности и необходимости содействия оживлению экономической жизни при помощи государственного объединения.

2. Основная причина возникновения нового русского государства, по мнению дореволюционных историков, – это политическая способность московских князей к концентрации всей полноты власти в руках самодержавного правителя. Своеобразную концепцию развития этого процесса в истории нашего Отечества предложил русский историк, богослов и публицист Г.П. Федотов, не отрицающий необходимость и прогрессивный характер централизации, при этом Г.П. Федотов утверждал, что собирание уделов осуществлялось «восточными методами»: вероломные аресты князей-соперников, насильственные захваты чужих территорий при поддержке церковных угроз².

Обстоятельно рассмотрена проблема образования русского централизованного государства в работах советских исследователей Л.В. Черепнина и А.М. Сахарова, представивших тему на широком историческом фоне, подчеркивая главный в комплексе факторов – фактор социально-экономический. При этом авторы подчеркивают, что объединение означало становление монархии централизованного типа и сопровождалось при этом ломкой старого государственного аппарата³.

Не подвергая дискуссии эти причины, можно назвать и такое обстоятельство и стремление русских людей – воссоздать утраченные в

¹ Штешенко Л.А., Шамба Т.И. История государства и права России. Т. 1. – М., 2003. С. 221.

² Федотов Г.П. Россия и свобода // Знамя. 1989. № 12. С. 201.

³ См. Черепнин Г.П. Образование русского централизованного государства в XIV–XV веках. – М., 1960; Сахаров А.М. Образование и развитие Российского государства в XIV–XVII вв. – М., 1909.

«лихолетье» порядки славной истории Киевской Руси. Это обстоятельство придавало особый импульс государственному строительству и объединению восточнославянских народностей в единый этнос – русский народ.

Для этого требовались, однако, крупные и весьма жесткие социальные и политические меры. Кратко их можно определить так: всеобщее подчинение, закрепощение: для бояр становилась обязательной военная служба; получаемое дворянами поместье также было связано с военной службой. Таким путем создавалась армия, которую нужно было кормить. Отсюда – закрепощение крестьянского населения, прикрепление его к земле. Формирование крепостного права было фактом отнюдь не случайным: именно тогда в недрах складывающегося централизованного государства развились предпосылки будущего длительного существования феодализма, крепостничества, в которых корни многих экономических и политических катаклизмов нашего прошлого и, может быть, настоящего. Все население Московской Руси в этот период становится тяглым, то есть подлежащим обложению. Создается государственная администрация, которая строго следует за соблюдением этого распорядка. Вполне понятно, что наиболее адекватным методом управления такой системой явилась растущая политическая централизация. Всякое инакомыслие и самостоятельность запрещались, и не случайно жесткое уничтожение всех прав и вольностей Новгорода и Пскова – городов, которые своими традициями самоуправления ближе всех находилось к Европе. Новгородская республика была вызовом для возникающего московского самодержавия, и Иван III уничтожил единственную альтернативную политическую традицию на русской земле, традицию, при которой власть избирается голосующими гражданами. «Государем и самодержцем всея Руси» Иван III впервые был назван в 1442 г., но с понятием о самодержавии общество того времени соединяло мысль о внешней независимости страны. Едва ли Иван III, впрочем, как Иван Грозный, начинает ряд абсолютных монархов, так как для них отсутствовала социальная основа и опора. Постепенно, в XV–XVI вв. формировалась идеология самодержавия: царь властью подобен Богу, Москва – «третий Рим» и т.д.

Разумеется, Иван III создал Российскую державу как феодальное, классовое государство. Московский князь сам страной не управлял: существовал многочисленный персонал придворных слуг или дворян, получавших от князя доходы, а затем и землю в свое распоряжение. Генезис поместья неясен до сих пор (одни авторы выводят его из Византии, другие полагают, что этот институт заимствован у монголов), но традиционно дворянами принято считать служилых людей – условных феодальных держателей. Между институтом русского дворянства и институтом западного существуют серьезные отличия. Ленная система Запада

была сложной сетью взаимных обязательств: вассал одного монарха мог быть одновременно вассалом другого монарха, при этом существовал принцип «вассал моего вассала не мой вассал», из-за чего король не обладал никакой властью по отношению к своим промежуточным вассалам. В России же институты дворянства не создавали неудобств для возникающей самодержавной власти, а владение поместьем всегда находилось под постоянной угрозой его утраты. Вслед за В.О. Ключевским представитель новейшей либеральной концепции истории А.С. Ахиезер пишет, что класс землевладельцев разделился на две части – бояр – вотчинников и служилых людей – помещиков¹. Не согласиться с этим трудно, но надо помнить, что, во-первых, институт поместья возникал постепенно и количество операций с поместьем было ограничено. Во-вторых, основанием всей системы Московского государства было представление, по которому земля и население принадлежали царю, что неразрывно связывало власть монарха над государством с его правом и собственностью на землю, на которой жило население страны. Отсюда – слабость российского дворянства и превращение права власти на землю в правовую фикцию.

Одновременно происходили изменения в социальной структуре. «Вся страна мыслилась как вотчина государя-батюшки. Круг задач административного аппарата оказался крайне ограниченным, а методы их решения – несложными. Влияние авторитаризма возрастало по мере ухудшения условий жизни, дробления уделов, упадка княжеской власти на местах².

После устранения монгольского ига русская власть оказалась перед выбором: быть свергнутой или усилить угнетение. Власть пошла по второму пути.

Церковь и государство

История церкви является частью истории Российского государства в целом, так как церковь – это одна из сторон существования России. На протяжении истории церковь играет различную роль в общественной жизни.

С момента введения православия на Руси и до наших дней церковь прошла огромный эволюционный путь, и все это время видоизменялись и взаимоотношения с государством.

Язычество в конце X в. было сменено христианской (православной) религией. Естественно встает вопрос, почему и при каких обстоятельствах произошла эта смена.

В советской исторической науке ответ на этот вопрос вытекал из общеметодологического классового подхода. Переход к классовому строю, согласно этому объяснению, требовал такой религии, которая

¹ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. – М., 1991. Т. 1. С. 85.

² Там же. С. 86–87.

обосновывала бы власть господствовавшего класса. Язычество же как религия бесклассового общества не могла решить эту задачу, а потому была отброшена и заменена более подходящим для этих целей христианством. Однако такое объяснение выглядит не вполне убедительным. Ведь в классовых, по меркам советской историографии, древнегреческом или древнеримском обществах язычество нисколько не мешало осуществлять власть над рабами.

По-видимому, реальные причины смены религии можно понять лишь в том случае, если рассматривать религию не просто как веру в сверхъестественное, а как, и это главное, – форму мировоззрения.

Первые признаки несоответствия религиозной языческой идеологии новым реалиям возникают еще в начале X в., когда среди русских появляются первые христиане, однако сам выбор православия в качестве замены язычества не был неизбежен. Перед русскими князьями оказались весьма широкие возможности выбора как минимум из четырех мировых религий: ислам (волжская Болгария), иудаизм (Хазарский каганат), католичество (Священная Римская империя) и православие (Византия). Периферийное положение Волжской Болгарии и давние враждебные отношения с хазарами во многом предопределяли выбор в пользу христианства. Что касается разновидностей последнего, то здесь чаша весов не могла не склониться на сторону православия, более знакомого верхушке древнерусского общества, к тому же, признававшего приоритет светской власти над духовной. Важным являлось и то обстоятельство, что ослабевшая византийская империя не могла претендовать на установление той или иной формы зависимости Руси от нее в случае принятия православия при ее содействии.

Впрочем, при всех очевидных, казалось бы, преимуществах смены религии, процесс христианизации оказался весьма длительным. Первый его этап относится примерно к первой половине X в., когда основной массой христиан на Руси оказались древнерусские купцы, торговавшие с Византией. Их крещение часто имело сугубо прагматический характер, объясняясь стремлением обеспечить себе более благоприятные условия торговой деятельности на территории Византии. Отсюда сохранение, наряду с исполнением христианским обрядов, языческих верований («двоеверие»).

Однако постепенно число адептов новой веры на Руси росло, свидетельством чего становится крещение высших лиц Древнерусского государства – княгини Ольги, Владимира, а православие было провозглашено в 988 г. официальной государственной религией Руси.

Значение принятия христианства на Руси большинство историков оценивает чрезвычайно высоко, прежде всего, в плане воздействия на развитие древнерусской культуры: письменность, школы, архитектура, живопись, летоиспание – все испытало на себе влияние христианства.

Однако ряд историков, порой не без убедительности, доказывает определенную преждевременность крещения Руси, обращая внимание на недостаточную готовность большей части славянского населения.

Некоторые авторы предостерегают от упрощенной трактовки христианизации как исключительно насильственного процесса. Крещение Руси Владимира стало завершением своеобразных реформ князя, сопоставимых по значимости с реформами Петра I: во-первых, князь прочно обосновался в Киеве, чего не было при его предшественниках. Во-вторых, он попытался идейно объединить славянские племена с помощью общей для всех религии. Христианство утвердилось в основном за 100 лет, а крестившимся почти одновременно с Русью Швеции и Норвегии потребовалось на это соответственно 250 и 150 лет¹. Русь стала христианской, но до создания православной державы государства Российского – было еще далеко. Позитивную роль сыграла церковь в борьбе за освобождение от татаро-монгольского ига, она выдвинула из своих рядов целую плеяду подлинных патриотов и духовных наставников всенародного движения.

Начиная с X в. и особенно XV–XVI вв. – подлинно «золотая эпоха» в истории русской церкви, когда она, имея прогрессивные общественные импульсы, играет в жизни общества роль положительную. Когда-то исследователи ограничивались повторением традиционных положений о союзе между властью и иерархами церкви, однако становится очевидным, что отношения между ними были весьма сложными.

Церковь, как привнесенный извне институт, организация, заметно повлияла на существовавший политический порядок. Она привнесла в русскую жизнь новые для нее представления о монархической власти, политической централизации, иерархии. Церковное управление и поучение вносили в княжеское управление идеи о нравственном совершенствовании, понятия о законе, правителе, следственные процедуры судебного процесса и письменное делопроизводство. Церковные иерархи оказывали власти лишь те политические услуги, которые отвечали ее собственным интересам.

Отсутствие эффективной помощи со стороны митрополита затрудняло, но не могло приостановить централизаторскую политику московских князей. Успехи в этом направлении позволили приступить к ликвидации одного из главных пережитков феодальной раздробленности – политического суверенитета митрополичьей кафедры, а в 1503 г., при Иване III, поставить вопрос о возвращении большей части переданных монастырям земель. В истории Руси удивительно переплетались борьба гуманистов и реакционеров, дискуссии представителей церкви и дина-

---

¹ Раушенбах Б.В. Сквозь глубь веков // Как была крещена Русь. – М., 1988. С. 232.

стическая борьба, история укрепления царской власти и русской церкви. Столкновения двух взглядов на роль церкви – как хранительницы нравственных законов и как служанки государственной власти – особенно ярко проявились во времена Ивана Грозного.

Контрольные вопросы

1. Назовите теории происхождения государственности у восточных славян.
2. Дайте оценку норманнской теории. Аргументируйте свою позицию в данном вопросе.
3. Каковы мнения историков о государственном устройстве русских земель домонгольской поры?
4. Перечислите основные черты и элементы древнерусской государственности.
5. Каковы причины феодальной раздробленности на Руси и ее последствия?
6. Объясните, что привело к объединению русских земель.
7. В чем причины и сущность политической централизации на Руси?
8. Охарактеризуйте концепции, объясняющие процесс образования русского централизованного государства.
9. В чем историческое значение образования единого российского государства?
10. Каковы взаимоотношения церкви и государства в X–XV вв.?

Тема 3. ПРОБЛЕМЫ СОСЛОВНО-ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ МОНАРХИИ В РОССИИ (сер. XVI – сер. XVII вв.)

Опричнина
и ее последствия

Когда заходит речь об истории России в XVI в., то прежде всего вспоминаются эпизоды, связанные с деятельностью Ивана Грозного (1533–1584 гг.). И это понятно: вторая половина века наполнена событиями такого драматического начала, перед которым бледнеют события первой половины века. Изменились ли в результате деятельности Ивана Грозного темп и направление движения истории? Какое наследство получили живущие в XX–XXI веках от людей, казалось бы, далекого XVI в.? Были ли альтернативные пути развития страны в ту пору?

Без рассмотрения реформ Ивана Грозного не обходится ни один исследователь эпохи. Социально-экономические истоки реформ подробно вскрыты в книге Р.Г. Скрыпникова. Главной функцией Русского централизованного государства было оформление и укрепление государства феодалов над эксплуатируемыми массами, прежде всего, над крестьянством. В свое время В.И. Ленин указывает, что «наделенный землей крестьянин должен быть лично зависим от помещика, ибо, обладая землей, он не пойдет на барскую работу иначе как под принуждением»¹. Укрепление Русского централизованного государства сопровождалось юридическим закреплением крестьян за феодалами. Так постепенно оформилось крепостное право – высшая степенность неполной собственности феодала над крестьянином. Начавшиеся в стране реформы расширили функции служилой приказной бюрократии, ограничили власть наместников, способствовали организации, постоянного стрелецкого войска. Была завершена перестройка центральных органов власти, возникла единая приказная система, отвечающая потребностям политической централизации Российского государства.

Центральное событие истории России XVI в. – опричнина. Из 51 года, которые Иван Грозный провел на престоле, опричнина занимает семь лет, но каких семь лет! «Пожар лютости» (1565–1572 гг.) унес десятки тысяч жизней (в России жило тогда всего 5–7 млн человек). Но вопрос о юридической виновности или невиновности казненных не снимает и ряд других вопросов. Каковы задачи опричнины, ее корни, последствия? Существование множества точек зрения не дает однозначного ответа даже на один вопрос: прогрессивным или регрессивным явлением была опричнина. Еще бытуют четко карамзинские представления, в которых история того времени рассматривается лишь через

---

¹ Скрыпников Р.Г. Иван Грозный. – М., 1975.

призму деяний царя-тирана; в советской историографии основное внимание уделяется социально-экономической сущности опричнины. Вспомним классическую концепцию С.Ф. Платонова: борясь с реакционным боярством, царь опирался на дворян¹.

Одни историки рассматривают опричнину как важное политическое мероприятие, оказавшие большое влияние на дальнейшее развитие страны, другие (С.Б. Веселовский) вообще склонны видеть в опричнине отсутствие исторического смысла. По остроумному замечанию В.О. Ключевского, «учреждение это всегда казалось странным как тем, кто страдал от него, так и тем, кто его исследовал». По-видимому, единственно правильная удовлетворяющая всех исследователей концепция опричнины вряд ли когда-нибудь будет выработана. Р.Г. Скрынников в статье «Самодержавие и опричнина: некоторые итоги политического развития России в период опричнины» подчеркивает, что «споры о значении опричнины и ее влиянии на политическое развитие России далеки от своего завершения и, следовательно, подводить итоги дискуссии рано»².

Дело не в «бессилии» исторической науки: слишком сложной и противоречивой была сама обстановка второй половины XVI в., слишком скудны и обрывочны наши сведения той эпохи, слишком отличаются уровень знания и логика людей XVI и XX вв., чтобы однозначно решить все проблемы.

Попытаемся «выстроить» цепочку основных событий опричнины. В начале 1560-х гг. обстановка в стране была крайне напряженной и тревожной. В грамотах Грозный объявлял, что «гневу на них (горожан) и опал некоторых нет». Он явно стремился заручиться поддержкой широких масс столичного наследия в его конфликте с властью имущими. Обращение к народу через головы бояр и чиновников было тонко рассчитанным маневром, который тут же принес свои результаты. Зачитанные перед народом царские послания вызвали в Москве широкие волнения. «Черные люди» (ремесленники и купцы) заявили о своей готовности расправиться с «изменниками», только бы царь «на нами милость показал, государство не оставял и их на расхищение волкам (боярам и «чиновным людям») не отдавал...

Уверенный в поддержке горожан царь Иван дал согласие остаться «на государстве», но при этом выговорил себе условие – казнить по своему усмотрению «изменников» (фактически всех неугодных лиц), а для обеспечения своих чрезвычайных полномочий в стране учредить опричнину. В феврале 1565 г. был обнародован указ об опричнине. Под-

---

¹ См.: Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. – М., 1937.

² См.: Внутренняя политика царизма: середина XVI – середина XVI – начало XX в. – М., 1967. С. 69.

линный текст указа не сохранился, однако его содержание подробно и обстоятельно передано в летописи. Согласно указу, территория страны подлежала разделению на две части – опричнину, своеобразный государев «удел», в котором царь был полным властелином и хозяином, и земщину, остальную часть страны, которая передавалась в управление Боярской думе.

Для охраны личности государя и обеспечения проведения в жизнь политики борьбы с крамолой создавался особый корпус опричников, который представлял собой личную гвардию царя. Опричный корпус не представлял собой какой-то однородной массы служилых людей. В нем выделялась своя верхушка, составляющая опричную Думу и опричный двор. Образ опричника обычно ассоциируется с именем знаменитого Малюты Скуратова (Малюта – это его мирское имя, полное же его имя – Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский).

Для обеспечения хозяйственных потребностей опричнины в состав ее территории были включены богатые города и уезды – Двина, Каргополь, Великий Устюг, Вологда, Белоозеро, Галич, Старая Русса, ряд дворцовых волостей в Подмоскovie и других уездах. Кроме того, на ее расходы царь наложил на земщину налог в 10 тысяч рублей – огромную по тем временам сумму. В опричнину вошла часть территории Москвы. Учредители опричнины всеми способами старались подчеркнуть ее «особность» от земщины. И само слово «опричина» происходит от корня «опричь» – кроме. По сравнению с опричниной земщина была поставлена в неравноправное политическое положение. Указ об опричнине давал царю бесконтрольное право «выводить измену» и «казнить «изменников» на всей территории государства. Опричина создавалась, таким образом, как учреждение, призванное обеспечить установление единодержавной власти царя и подавлять любые проявления оппозиции царской власти.

Трудно переоценить социальные и политические последствия этого грандиозного мероприятия. Seriously нарушались традиционные земельные и служебные связи дворянства, в том числе связи княжеско-боярской знати с уездами. Переходившие (зачастую неоднократно) из рук в руки имения приходили в упадок, разрушался традиционный хозяйственный уклад жизни, что болезненно отражалось на положении крестьян. Переходы вотчин и поместий земских дворян во владения опричников сопровождались, как правило, усилением эксплуатации крестьянства. Serious удар нанесла опричина по родовой княжеско-боярской вотчине и, в частности, по родовому княжескому землевладению.

Принудительным переселениям в годы опричнины подвергались не только представители господствующего класса, но и купцы.

В результате политики массовых «сводов» купцов, продолжавшейся на протяжении 1570–80-х гг., провинциальные посады лишились сво-

ей наиболее влиятельной и зажиточной верхушки, население городов превратилось в односословную тяглую (обязанную платить подати и выполнять разного рода повинности) массу. Существенно изменилось и положение привилегированного купечества, на которое взамен предоставляемых привилегий накладывалась обязанность служить в финансовых органах государственного аппарата. Результатом правительственной политики, проводимой в последней трети XVI в., явился глубокий раскол в рядах зарождавшегося «третьего сословия». Поставленная на службу феодальному государству верхушка купечества (так называемые «гости» и члены «гостиной» и «суконной» сотен) оказалась отгороженной от основной части городского населения. Все это серьезно тормозило развитие городского сословия, препятствовало развитию предпринимательства и торговли.

Серьезно изменилось в годы опричнины положение крестьянства черносошных (государственных) и дворцовых земель, которые в те годы активно раздавались в поместья частным лицам, в первую очередь опричникам. Опричнина затрагивала, таким образом, интересы самых различных слоев русского общества. Население страдало при этом не только от самой опричной политики, но и от призыва опричников. События 1569–1570 гг. явились кульминацией опричного террора.

Осенью 1572 г. царь Иван отменил опричнину столь же скоро и решительно, как ее и учредил. Даже само слово «опричнина», как сообщают современники-иностранцы, отныне запрещалось употребляться под страхом наказания. Историки до сих пор спорят – действительно ли Иван решил покончить со своим детищем, или же отмена опричнины явилась только очередным его маневром с целью усыпить общественное мнение. Ряд исследователей считает (в настоящее время эту точку зрения энергично отстаивает Д.Н. Альшиц), что опричнина продолжала реально существовать (правда, под другими наименованиями – «двор», «удел») и после 1572 г. вплоть до самой смерти Ивана Грозного (март 1584 г.). Вопрос этот далеко не праздный. Следует ли ограничивать хронологические рамки опричнины лишь семью годами (1565–1572 гг.) или же реальная продолжительность опричной политики была втрое большей (1565–1584 гг.)?

Акцент на разработку теории политического отчуждения позволял объяснить опричнину как естественное продолжение процессов бюрократизации государственного аппарата:

– условия монгольского контроля над Россией привели к отчуждению государственного аппарата и культивировали страх власти перед своими подданными;

– правящая элита наделяет землей государственный аппарат и преобразует его в класс властителей-собственников, получая тем самым

мощную социальную базу. В результате русская власть становится реализатором интересов данного класса;

– основным интересом этого класса как на уровне власти, так и на уровне квазисобственности становится элиминация – исключение прежнего класса собственников. Политика Московского государства в XVI в. является только воплощением данного интереса;

– действия властителей-собственников вызывают сопротивление, властители-собственники прибегают к социальному террору и разрушают автономную структуру собственности феодального общества;

– это приводит к упадку крестьянского хозяйства, что затрагивает интересы прежнего класса собственников и нового класса властителей-собственников. Сопротивление со стороны помещиков приводит к тому, что острие террора направляется против них¹.

В исторической литературе эпоха Ивана Грозного принадлежит к наиболее спорным в истории России. Его действия нередко считают вполне «нормальными» для политика того времени, причем такую оценку высказывают и некоторые историки-немарксисты: «Как социальный эксперимент опричнина была успешной в длительной перспективе. Она лишила наследственную аристократию ее власти, повысила социальное положение служилого дворянства и привела к логическому концу процесс, инициированный Иваном III»². Что касается советской историографии, то здесь схема оценки эпохи Ивана Грозного выглядит следующим образом: на Западе развитие феодального государства шло от периода раздробленности через сословную монархию к абсолютной, поэтому такая оценка приложима к истории России.

Начало действительно совпадает: в России тоже был период феодальной раздробленности; конец периода тоже совпадает: государство Петра I кажется типичной абсолютной монархией. Вывод следует сам собой: период между ними был сословной монархией. Между этими крайностями – сословной монархией и абсолютной феодальной монархией – и колеблются оценки историков. При этом фиксируется также факт огромного роста государственной власти при Иване Грозном, самодержавный характер его правления наряду с фактами наличия сословных органов – Земского собора, земского и губернского самоуправления, которые придают государству характер сословной монархии: «Опричнина имела целью укрепить феодальный строй в форме централизованного самодержавного государства», «в России, как и в других странах Европы, наступила полоса сословно-представительной монархии».

---

¹ См.: Стешенко Л.А. Шамба Т.М. История государства и права России. Т. 1. – М., 2003. С. 236.

² Elton G. The New Cambridge Modern History/ Cambridge, 1958/ Vol. 2. P. 556.

В этом случае используется классическая концепция Энгельса, согласно которой абсолютизм выступает при переходе от феодализма к капитализму, когда возникает равновесие сил между формирующейся буржуазией и феодалами, что обеспечивает определенную самостоятельность государства в отношении своей классовой базы. Однако факты истории России XVI в. показывают, что государство может быть абсолютным без буржуазии. Кроме того, в России сословий в западноевропейском смысле слова не существовало, так как сословиями в России означались ранги государственной службы¹. Таким образом, Иван Грозный представлял интересы класса помещиков, образующих ядро государственного аппарата, поэтому он объявил социальную войну одиному классу бояр, в том числе и на уровне политических институтов. Опричнина создавалась для устрашения всех, кто выражал недовольство самодержавием.

Смысл институтов самоуправления (Земский собор) в период правления Ивана Грозного был совершенно иной, нежели сто лет спустя, когда класс бояр вернул себе постоянные позиции, используя институт земства на губернском и центральном уровнях. До Ивана Грозного при назначении на любую должность в государственном аппарате, а также при расположении лиц за царским столом главную роль выполнял институт местничества, упорядочивающий представителей родов по степени их древности. Этот институт был существенной помехой для помещиков, которые к тому времени обладали значительно большим количеством земельной квазисобственности, но никогда не имели высокой позиции в древней родовой иерархии.

Теория политического отчуждения как один из элементов теории бюрократии позволяет заключить: социальный смысл институтов феодализма и самодержавия был один и тот же – уравнивание всех граждан перед государственным аппаратом и главой этого аппарата. «Каток» возникающего тоталитаризма должен был сплющить все общество: таков был замысел всех реформ Ивана Грозного.

Следствия опричнины были фатальными для экономики и военной силы страны. В середине XVI в. в стране насчитывалось 9–10 млн жителей, а в конце столетия, после захватов многих новых территорий, всего 11–12 млн жителей. В период царствования Ивана Грозного территория Московского государства увеличилась почти в два раза и достигла 5 млн 400 тыс. кв. км, но, несмотря на это, Россия проиграла борьбу с Ливонией. В 1571 г. крымские татары целиком сожгли Москву.

Государство стало не только исполнителем массового террора, но и верховным эксплуататором. Если в начале столетия государственный налог составлял 4 руб. в год с единицы обрабатываемой земли, то в на-

---

¹ См.: Postan M. Op. Cit. P. 765.

чале царствования Ивана Грозного он подскочил до 42 руб., а в конце столетия достиг 151 руб. Несмотря на инфляцию, скачок огромный, а крестьянство полностью разорено. Будучи не в состоянии извлечь из обедневшей деревни больше денег, Иван Грозный ввел царскую десятину – государственную отработочную ренту, власть ликвидировала Юрьев день и окончательно «привязала» крестьян к земле.

Московское государство в целях расширения своей социальной опоры создало первый в истории Европы класс дворян-помещиков, соединивший политическую власть с экономической. Из этих людей состоял аппарат управления государством, образовавший еще один элемент в процессе политического отчуждения. Поместная система служила власти и усиливала данный процесс. Русские либералы, начиная с Б.Н. Чичерина, привычно выводят самодержавную власть от низкого уровня культуры и всеобщей неграмотности населения Руси. Но даже для постмонгольской Руси это положение не является справедливым, прежде всего потому, что на Руси существовал класс обычных феодалов и патрициат городов, который несколько не обязан своим существованием государству, а в Новгороде даже смог подчинить себе государственную власть. Однако по мере роста Московского государства все больше разрасталась военно-чиновничья каста. Такой рост – нормальное явление для всех обществ и государств. То, что она преобразовалась в результате деятельности московского князя и окружающей его элиты в класс властителей-собственников, образует специфику России. Только здесь правящая элита оказалась тотально отчужденной от общества и была вынуждена ускоренно создавать для себя социальную базу. Но подлинное своеобразие заключается в делах класса двойных угнетателей сразу после его образования. Будучи созданным сверху, этот класс плодился с необычайной скоростью и вскоре стал управлять всей Россией. Хотя московский князь надел шапку Мономаха и провозгласил себя самодержцем, на самом деле он был предводителем помещиков, единственным врагом которых были бояре. Кроме того, существовали прежние политические институты (Боярская дума) как постоянный совещательный орган при князе. В думу входили члены княжеской семьи, церковные сановники и бояре.

Существовала также традиция местничества, предписывающая наделять должностями в зависимости от знатности боярского рода и места, занимаемого предком. О важности такой традиции свидетельствуют книги, на основе которых решались споры о месте в иерархии потомков лиц, в них занесенных. Бояре были также препятствием на пути экономического развития класса помещиков. Он разрастался так быстро, что вскоре стало не хватать черных земель для пожалований в пользование.

Однако экономически бояре не были заинтересованы в сепаратизме, скорее наоборот. Они не владели крупными латифундиями, распо-

ложенными компактно, и на Руси не могла бы сложиться написанная Ш. Перро сказка о коте в сапогах: нельзя было представить, чтобы можно было ехать целый день и на вопрос, чьи это земли, получать один и тот же ответ: маркиза де Карабаса или боярина Плещеева. Титулованные бояре постепенно сливались с нетитулованной знатью, крупное землевладение пережило опричнину, изменился персональный, но не социальный состав земельных собственников.

Если последствия хозяйственного кризиса были со временем преодолены, то другие, отдаленные, наложили отпечаток на отечественную историю. Опричнина утвердила в России режим личной власти и создала предпосылки тоталитарного общества. Опричнина – это форсированная централизация без достаточных экономических и социальных предпосылок. В этих условиях свою слабость власть пытается компенсировать террором, создавая мощный аппарат репрессий.

Опричнина способствовала и утверждению в России крепостного права в его уродливых, напоминающих рабовладение формах. Нельзя, однако, согласиться, что русское самодержавие берет начало с опричнины: деспотические черты проистекали со времени объединения русских княжеств, что вызвано особым характером форсированной централизации.

Но была ли альтернатива опричнины? Подобная альтернатива – самодержавная монархия «с человеческим лицом» – даже начала осуществляться в годы правления Избранной Рады – правительства, возглавлявшееся Адашевым и Сильвестром.

Путь же террора, которым Иван пытался заменить длительную и сложную работу по созданию госаппарата, был неприемлем для деятелей Избранной Рады, но победа осталась, естественно, за царем. К середине XVI в. сформировались основные государственные и политические институты сословно-представительной монархии. Ее политические идеи были сформулированы самым видным оппонентом Ивана Грозного князем Курбским. Два идеологических направления (обоснование неограниченного самодержавия и представительной власти) определили ход практического строительства русской государственности в XVI в. В 1547 г. при Иване IV Грозном глава государства стал носить официальный титул царя, государя и Великого князя московского, передаваемый по наследству.

В своей деятельности царь опирался на Боярскую думу, но особое место в системе государственных органов занимали Земские соборы, проводимые с сер. XVI до сер. XVII вв. В состав Собора входили Боярская дума, Освященный собор (церковные иерархии) и выборные от дворянства и посадов. Свои организационные формы Земский собор позаимствовал как у церковных соборов, так и у вечевых собраний.

Полномочия Собора неопределенны и безграничны, поэтому поводы к их созыву бывали разными: «военные» соборы, принятие важнейших актов, избрание на престол и т.д. Вопрос о роли Земских соборов в научной литературе спорен: одни авторы утверждают, что институт Земских соборов лишь увеличил власть Ивана IV, как бы снимая ответственность с монарха за принимаемые решения или мероприятия. По образному выражению, «это – парламент чиновников». Другие же склонны считать роль Земских соборов значительной. Историки, рассматривая правление Ивана IV, делят его на две части – правление совместно с Избранной Радой и единоличное правление (в которое входит и период опричнины). Лишенный поддержки талантливых советников, Иван IV не имел никаких рычагов управления, кроме террора. Забавно, что сам Грозный косвенно признает заслуги по реформированию за правительством Адашева. В письме к Андрею Курбскому Иван IV писал: «Ради спасения души моей, приблизил я к себе иерея Сильвестра..., но сей лукавый лицемер, думал единственно о мирской власти и сдружился с Адашевым, чтобы управлять государством без царя, ими презираемого. Они снова вселили дух своевольтства в бояр; раздали единомышленникам города и волости; сажали, кого хотели, в думу; заняли все места своими угодниками. Я был невольником на троне». Но так ли это?

Прошло более ста лет. Страна пережила и системный, и династический кризис. Сменилась династия, но курс, начатый Иваном IV на установление и усиление самодержавия, не сменился, хотя и протекал в не столь жестокой форме. Форма правления по-прежнему оставалась сословно-представительной. Немалую роль продолжала играть Боярская дума. К ее компетенции относились вопросы внутренней и внешней политики, суда и администрации. Хотя сами функции боярской Думы не были четко определены, основывались на обычном праве, традиции определялись формулой: «Государь сказал и бояре приговорили». Сословно-представительными органами на местах стали земские и губные избы, заменившие систему кормлений. Все должностные лица земского самоуправления поначалу выбирались на неопределенный срок, позже были введены ежегодные выборы. Деятельность земских и губных изб контролировалась различными отраслевыми приказами, число которых к сер. XVII в. достигло 90.

Смутное время в России

Преемники Грозного унаследовали от него огромную власть, но не решились укреплять ее при помощи террора: этот образ действий оказался скомпрометированным. Жестокость Грозного окончилась трагическим Смутным временем (1604–1612 гг.) Среди значений слова «смута», приводимых В.И. Далем, мы встречаем «восстание, мятеж..., общее неповиновение, раздор между народом и властью». В прилагательном «смутный» ощущается иное значение – неясный, неотчетливый.

В начале XVII в. – частая смена царей, переплетение разнообразных противоречий, превращение бывших союзников во врагов, крестьянская война. Действительно, Смутное время! Дворянский историограф Н.М. Карамзин не видел закономерности в народных выступлениях начала XVII в. и утверждал, что в то время «разврат» затронул все слои общества – «от черни до вельможного сана». По мнению Н.М. Карамзина, в наибольшей мере «Смута» была вызвана вмешательством иноземных врагов России¹.

Крупнейший буржуазный историк С.М. Соловьев связывал «Смуту» не с внешними, а с внутренними факторами – с «дурным состоянием нравственности», династическим кризисом и, в особенности, с выступлениями противообщественных элементов в лице казаков, людей безземельных и бродячих. С.М. Соловьев решительно отвергал мнение историков, полагавших «причиной Смуты запрещение крестьянского выхода, сделанное Годуновым»².

В.О. Ключевский впервые разработал цельную концепцию «Смутного времени» как порождения сложного социального кризиса. Поводом к «Смуте», писал В.О. Ключевский, явилось пересечение династии Калиты, но ее подлинные причины коренились в самом строе государства, в неравномерном распределении государственных повинностей, порождавшем социальную рознь³.

В наиболее развернутом виде концепция причин и сущности Смуты, в основе которой лежал социальный кризис, а не борьба внутри господствующего класса, сформулирована С.Ф. Платоновым в «Лекциях по русской истории»⁴. С.Ф. Платонов развил знаменитую схему В.О. Ключевского, согласно которой все классы русского общества последовательно входили в «Смуту» «в том самом порядке, в каком они лежали в тогдашнем составе русского общества». Начали «Смуту» бояре, затем настала очередь дворян, позже поднялись низы. Ученый продолжал развивать свои взгляды на Смуту и в советское время, вплоть до его ареста и ссылки в Самару в 1931 г. как создателя «реакционной школы в исторической науке и даже главы некоего мифического «заговора».

Большой интерес представляют труды Л.В. Черепнина, В.И. Буганова, Б.Д. Грекова, Р.Г. Скрыпникова⁵. Обзор историографии позволяет сделать вывод, что история «Смуты» требует дальнейшего исследова-

---

¹ См.: Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. 3. – М., 1980.

² Соловьев С.М. Соч. Т. 5. – М., 1980.

³ Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч.: В 9 т. Т. 3. – М., 1988.

⁴ См.: Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. – М., 1993.

⁵ Скрыпников Р.Г. Социально-политическая борьба в русском государстве в начале XVII в. – Л., 1985.

ния. При анализе событий «смутного времени» необходимо учитывать все факторы – политические, социальные и экономические – в их взаимодействии. Такой подход может дать цельную концепцию истории первой гражданской войны в России.

Политические мотивы смуты:

1. Обострились противоречия, вызванные борьбой за власть в элите московского общества.

2. К 1587 г. придворная борьба выявила бесспорного победителя: Борис Годунов стал фактическим правителем государства – царем в 1598 г., что означало умаление соправительствующей роли Боярской думы и не могло не породить глубоких противоречий в верхних слоях «государства двора».

3. Боярство, запуганное и разоренное опричниной, было недовольно тем, что после пресечения династии Рюриковичей трон достался «худородному» Борису Годунову, который к тому же пытался править самовластно.

Экономические мотивы смуты:

1. Последствия опричнины привели к опустошению и разорению земель и дальнейшему укреплению крестьянства.

2. В 1601–1603 гг. на страну обрушились неурожаи и голод (три подряд неурожайных года, не были затронуты только южные пограничные уезды).

Внутрисословные мотивы смуты:

1. Происходило нарастание кризиса феодального сословия, который выразился в увеличении численности служилых людей и сокращении фонда поместных земель в ходе «великого разорения» 70–80-х гг. XVI в.

2. Усиливался кризис и внутри феодального сословия. В тяжелом положении оказались мелкие феодалы, оставшись в обезлюдивших поместьях. Закономерным явлением стал процесс переманивания крупными феодалами крестьян у более мелких.

Социальные мотивы смуты:

1. Нарастало недовольство тяглого населения, натерпевшегося от войн и неурожаев, с недоверием относившегося к новому царю Борису Годунову, избранному на царство Земским собором.

2. Казачество, к началу века превратившееся в значительную социальную силу, противилось попыткам правительства подчинить казацкие земли.

Таким образом, Смутное время конца XVI – начала XVII в. – это период глубокого социально-экономического, политического и духовного кризиса русского общества и государственности. С 1598 по 1613 гг. на русском троне побывали Борис Годунов (1598–1605), Федор

Годунов (с апреля по июнь 1605), Лжедмитрий 2 (1607–1610), Семибоярщина (1610–1613).

Общая историческая тенденция, которая вела к отчуждению русской власти от русского общества, связала власть с собственностью и обусловила борьбу двойного класса помещиков с одинарным классом феодалов, привела в конечном счете к первой в истории России гражданской войне – восстание И. Болотникова.

Под влиянием первой гражданской «революции» государство отстраняется от непосредственного присвоения и меняет отношение не только к частным собственникам как своим главным противникам, но и к крестьянам, передавая их во власть собственников. Из государственного подданного крестьянин превращается в частного подданного. Собственник мог поступать с землей по своему произволу, но независимо от этого произвола он обязывался служить государству. За счет переплетения обеих форм собственности патернализм государства приобрел ранг политической тенденции.

В целом после Смутного времени был сделан выбор в пользу сохранения крупнейшей на Востоке державы. В конкретных геополитических условиях того времени был избран путь дальнейшего развития России: самодержавие как форма политического правления, крепостное право как основа экономики, как идеология.

Раскол
в России

«Бунташность» XVII в. выразилась и в идеологическом кризисе, который поразил страну. Борьба за чистоту веры – совершенно новая коллизия во взаимоотношениях самодержавия и «всей земли». В процессе объединения русских земель и становления централизованного государства церковь стремилась определить свое место: не раз обсуждался вопрос о соотношении духовной и светской властей, об экономических основаниях церковной иерархии. Внутри самой церкви выявились две противоположные идеологические позиции. Представители так называемого нестяжательства требовали отторжения от церкви ее богатств и лишения ее права владеть населенными землями. Нестяжатели отрицали право церкви вмешиваться в политическую деятельность государства. Эти идеи отражены в трудах Нила Сорского и Максима Грека.

Противоположной точки зрения придерживались стяжатели, или иосифляне (по имени их главного идеолога, настоятеля Волоколамского монастыря Иосифа Волоцкого). Они отстаивали существующие порядки и все формы церковной организации, защищали экономический статус церкви, являвшейся землевладельцем.

Позицию нестяжателей поддержал Иван IV, стремившийся провести политику секуляризации церковных земель. Однако еще на Соборе 1503 г. было принято решение о консервации экономического положения церкви: провозглашалось, что церковные владения не могут быть

продаваемы или отчуждаемы, никем не могут изыматься. Процесс секуляризации не состоялся, государственная власть потерпела поражение в борьбе с церковью.

В вопросе о взаимоотношениях церкви и государства нестяжатели отходили от византийской концепции «симфонии» и настаивали на разграничении для этих властей сфер приложения и деятельности.

Происхождение царской власти нестяжатели связывали не только с наследованием, но и с выборами. Управление подвластными царь должен был осуществлять, опираясь на Совет, ограничивающий самовластие правителя.

Максим Грек высказал мысль об ограничении верховной власти не только Советом, но и законом. Вместе с тем царь рассматривался как реализация Божественной воли. Сложилась система органов церковного управления – епископаты, епархии, приходы. С 1589 г. в России было учреждено патриаршество, что усилило притязания церкви на политическую власть. Они вылились в конфликты Патриарха Никона с царем Алексеем Михайловичем, а на более широком уровне – в раскол, столкновение старых и новых политических позиций Церкви. Патриарх Никон, занявшись реформой богослужения на Руси, обнаружил в существующей практике обрядов некоторые расхождения с византийской традицией (в способе креститься при молитве, в текстах некоторых молитв и т.п.). Он ввел соответствующие изменения в церковную службу, но неожиданно встретил серьезное сопротивление. Противники реформ не хотели отказываться от прежних порядков, считая, что русское православие есть единственно истинная религия на свете и не подлежит никаким исправлениям. Но поскольку специально созванный Собор в 1666 г. все же утвердил предложения Никона (сам он, правда, был осужден и отставлен), от официальной церкви стали отпадать целые приходы, возникли многочисленные общины староверов, которые упорно продолжали следовать прежним обрядам. Власти преследовали их, и раскол в России дал много мучеников. Одним из первых и наиболее известным среди них был знаменитый священник Аввакум.

Раскол в России не был похож на европейскую Реформацию. Староверы хотели лишь сохранить прежнюю традицию и были против всякого ее обновления. Может вообще показаться странным, почему разгорелись такие страсти вокруг незначительных, чисто внешних изменений в религиозных процедурах. И тем не менее, за религиозным расколом скрывался глубокий смысл: он обнаружил консерватизм, присущий многим русским людям, их нежелание что-либо менять, особенно при подозрении, что новшества идут от иноземцев (в данном случае греков). Национальное самомнение и ксенофобия являлись своего рода защитной реакцией против возможности каких-то нарушений привычного строя жизни.

Таким образом, русские люди – как низовые, так и привилегированные слои – держались за традиционные структуры, за присущие им институты и ценности. Они поддерживали то самое самодержавное государство, которое угнетало их, но все же в их глазах было меньшим из зол, так как оно противостояло тенденциям раздробленности и вносило какой-то порядок. Но, с другой стороны, это привело к тому, что традиционное общество и традиционная культура на Руси плохо развивались «снизу», путем естественной эволюции. Инициатором формирования общественных институтов выступало государство, и это накладывало отпечаток – экономические, социальные, культурные, не говоря уже о политических.

До 1653 г. Земские соборы, в частности собирались регулярно, были действительно представительными и хоть немного, но ограничивали самодержавную власть.

Но если модернизация страны все же началась в конце XVII в., то элементы правового государства, ростки которого существовали в условиях сословно-представительной монархии, были забыты надолго.

Контрольные вопросы

1. Дайте определение сословно-представительной монархии, назовите ее признаки.

2. «Был ты видом довольно противен,
сердцем – подл...
но не в этом суть:
исторически прогрессивен
оказался твой жизненный путь».

Н. Коржавин

Согласны ли вы с этим утверждением поэта?

3. Каковы направления практического строительства Русской государственности в XVI в.?

4. Продолжите фразу: «Опричнина – это ...».

5. Каковы оценки опричнины в научной литературе?

6. Назовите последствия опричнины.

7. Дайте определение Смуты и смутного времени.

8. Перечислите последствия Смуты для русской государственности и общества.

9. В чем проявилось противоречие между церковью и государством в XVI – сер. XVII вв.

Тема 4. ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ПЕРИОДА АБСОЛЮТИЗМА

Сущность, предпосылки
и особенности
абсолютизма в России

Вопрос о времени возникновения и столкновения абсолютизма до сих пор является проблемой: обилие мнений при отсутствии фундаментальных монографических работ говорит о необходимости дальнейших исследований¹. Дискуссионными остаются вопросы классовой сущности абсолютизма, причин образования, времени возникновения и этапов существования, а также оценки исторической роли абсолютизма². Буржуазная наука истории и правоведения говорила об «абсолютной монархии», но исходила при этом из надклассовой теории государства, рассматривая абсолютизм в отрыве от социально-экономических явлений³. В.И. Лениным в одной из работ дано определение абсолютизма: «Самодержавие (абсолютизм, неограниченная монархия) есть такая форма правления, при которой верховная власть принадлежит всецело и нераздельно (неограниченно) царю. Царь создает законы, назначает чиновников, собирает и расходует народные деньги без всякого участия народа в законодательстве и в контроле за управлением⁴. Понятия «самодержавие», «абсолютизм», «неограниченная монархия» употребляются в данном случае как равнозначные и используются для характеристики феодальной монархии в России только с XVII в. до февраля 1917 г., но относительно времени возникновения абсолютизма высказывается несколько точек зрения: некоторые авторы полагают, что абсолютная монархия образовалась в начале XVIII в., другие усматривают элементы абсолютизма уже в правление Ивана III. Большая часть авторов связывает появление абсолютной монархии в России со второй половиной XVII в.⁵

Характеризуя возникновение абсолютизма в странах Западной Европы, К. Маркс писал: «Абсолютная монархия возникает в переходные периоды, когда старые феодальные сословия приходят в упадок, а из средневекового сословия горожан формируется современный класс буржуазии, и когда ни один из борющихся сторон не взяла еще верха над другой⁶.

¹ Стешенко Л.А. Шамба Т.И. Указ. работа. С. 378.

² См.: Проблемы истории абсолютизма. – М., 1983.

³ См.: Соловьев С.И. Кн. 1. – М., 1988. С. 5–6; Кн. 3. – М., 1988. С. 661–663; Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. 4. – М., 1989. С. 183–204.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 251–252.

⁵ См.: Титов. История государства и права России. – М., 2002. С. 122.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 306.

Историческая эволюция русского государства определялась экономическими, социальными и политическими факторами. Следует учесть, однако, и влияние внешнего фактора – международной обстановки.

В XVII в. по сравнению с предшествующим столетием достигли успехов производительные силы страны, что проявилось в развитии мануфактурного производства, отхожих их промыслов, торговли. В сельском хозяйстве и ремесле происходит специализация районов на производстве определенного продукта, увеличивается значение товарного производства и обращения. Как известно, у России не было таких источников первоначального накопления капитала, как работорговля, заморские колонии и т.д., следовательно, государство активно изыскивало новые источники накопления бюджета, в том числе усиление налогового гнета¹.

Существенно расширяются торговые контакты со странами Западной Европы. Купечество было явно заинтересовано в установлении абсолютизма, так как именно сильная центральная власть могла способствовать развитию торговли и промышленности, создав условия для эксплуатации рабочей силы. С другой стороны, острая нужда в деньгах заставляла феодально-крепостническое правительство в некоторых вопросах идти навстречу формирующейся буржуазии.

Петр I был убежден, что это «с другими европейскими народами можно достигать цели человеколюбивыми способами, а с русскими не так: если бы я не потребил строгости, то бы уже давно уже не владел русским государством и никогда не сделал его таковым, каково оно теперь. Я имею дело не с людьми, а с животными, которых хочу переделать в людей»².

Возрастающая централизация государственного управления, усиление эксплуатации масс приводили к обострению классовой борьбы в стране, при которой господствующий класс мог эффективнее подавлять любые народные выступления. Антифеодальные движения крестьянства и городские восстания в Пскове, Новгороде, Москве и т.д. явились также основным историческим фактором в формировании русского абсолютизма³. Обстоятельством, способствовавшим окончательному его становлению, была борьба внутри самого господствующего класса феодалов – между боярами и духовными и светскими феодалами, но эти противоречия носили неантагонистический характер.

---

¹ См.: Тимофеева А.А. История предпринимательства в России. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2005. С. 73.

² См.: Костомаров Н.И. Очерк торговли Московского государства в XVI–XVII столетиях. – М., 1994. С. 278.

³ См.: Сахаров А.И. Исторические факторы образования русского абсолютизма // Истории СССР. 1971. № 1. С. 118.

Установление абсолютизма в России было вызвано и внешнеполитическими причинами: борьба за политическую и экономическую независимость страны, за выход к морю.

Абсолютная монархия вполне успешно решала эти задачи: Двадцатипятилетняя Ливонская война (1558–1583 гг.) закончилась в период сословно-представительной монархии поражением России, Северная же война (1700–1721 гг.) блестящей победой. В то же время любые войны вызывали огромные расходы, покрываемые путем усиления феодального гнета и эксплуатации. Определенную роль в становлении абсолютизма сыграла политика царей, направленная на усиление своей власти.

Постепенно утрачивали политическое значение органы, ранее ограничивавшие власть царя. Во второй половине перестали созываться Земские соборы, завершается превращение Боярской думы в простой исполнительный орган с чисто совещательным значением, изменился ее состав, пополнившийся дворянами и даже выходцами из купечества (в 1688 г. из 62 членов думы – только 28 принадлежали к старым боярским родам).

Боярская дума редко созывалась, по сути, ее место – стала занимать «Ближняя» дума из числа близких к царю лиц. Уже при Алексее Михайловиче резко увеличилось число именных указов, изданных без совещания с думой: из 588 именных указов одобрено ею лишь 49.

В конце Боярская дума как орган аристократический заменена новыми – Сенат, Конзилия министров.

Происходил интенсивный процесс подчинения церкви государству. Конфликт между царем Алексеем Михайловичем и патриархом Николом закончился поражением церкви.

Качественно новыми чертами петровской и всей имперской административной системы по сравнению с приказной системой Московского государства, стали унификация, централизация и дифференциация функций аппарата управления, а также милитаризация, свойственная вообще абсолютистским режимам. В связи с вопросом о преемственности реформ Петра предметом дискуссии становится природа русской государственности предшествующего периода. При характеристике политической системы, которую Петр должен был унаследовать от своих предшественников, используется модель такого типа государственности, признаками которой были: универсальный режим служебных обязанностей и повинностей, подчинение действий большинства индивидов физическим ограничениям, экономические стеснения и бюрократический контроль во благо государства.

Эпоха нового времени вносит существенные коррективы в процесс рационализации управления. Развитие экономических связей, великие географические открытия, появление и распространение книгопечатания и технических знаний объединяют мир в единую цивилизацию, ка-

ждый элемент которой выступает лишь как часть системы. В этих условиях отставание в темпах развития, рационализации оборачивается угрозой суверенитету государств. Все три модификации процесса рационализации – догоняющее развитие, радикальные реформы и интерес к европейским образцам – впервые нашли наиболее полное выражение в преобразовательной деятельности Петра I, а затем и в последующих крупнейших реформах административной системы в России. Если суммировать накопленный в науке материал, то можно констатировать, что основной причиной этих крупнейших преобразований являлся процесс модернизации России, которая, с силу ряда особенностей ее исторического развития, вынуждена была избрать путь догоняющего развития. Путь этот, во многом напоминающий эволюцию ряда современных развивающихся государств, в России XVIII–XIX вв. находил свое выражение прежде всего в серии радикальных реформ, проводимых государством сверху примерно раз в полстолетие и направленных на модернизацию социальных отношений, управленческих структур, армии и вообще – образа жизни по европейскому образцу, отчего он получил наименование европеизации. Данная концепция, во многом объясняющая характерные черты русской истории, дает также возможность по-новому подойти к интерпретации административных реформ, перестройке институтов и учреждений. Действительно, для проведения коренных преобразований в социально-экономической сфере государство, являющееся их инициатором, не могло опираться на старую, традиционную систему учреждений и процедур управления, которые не только не могли служить эффективным инструментом преобразований, но, напротив, становились их тормозом. С этим обстоятельством и связана, как правило, перестройка системы политических институтов и государственных учреждений в ходе административных реформ.

Модернизация государственного аппарата находит наиболее четкое выражение в новых принципах его построения – институционализации (создание новой системы учреждений), а также повышении эффективности, что в конечном счете неизбежно приводит к бюрократизации – процессу, который является во многом одновременно причиной и следствием реформ. Качественно новыми чертами петровской и всей имперской административной системы, по сравнению с приказной системой Московского государства, стали унификация, централизация и дифференциация функций аппарата управления.

Важнейшим итогом и вместе с тем законодательным закреплением всей реформаторской деятельности Петра в области гражданской, военной и судебной администрации явилась знаменитая Табель о рангах, введенная 24 января 1722 г. Она представляла собой закон о порядке государственной службы, обозначивший разрыв с предшествующей патриархальной традицией управления, воплощенной в местничестве.

Как известно, основное историческое значение Табели состояло в рационализации (унификации, систематизации и т.д.) административной службы: в ее основание в качестве важнейшего принципа иерархического (чиновного) деления вместо происхождения, знатности рода или «породы» был положен принцип служебной годности. В социальном плане это означало (по крайней мере теоретически) известную демократизацию правящего сословия, поскольку узаконено было приобретение дворянства выслугой и пожалованием государя (а не передачей сословных преимуществ лишь по наследству). Наконец, была создана четкая иерархическая система: новые должности расписывались по 14 классам, или рангам, причем каждый из них в свою очередь подразделялся на чины военные, гражданские (статские) и придворные.

Созданная в результате петровских реформ административная система оказалась весьма устойчивой и сохранялась в принципе на протяжении всего дореволюционного периода, хотя некоторые учреждения были со временем отменены или стали выполнять другие функции, например, коллегии были в 1801 г. заменены министерствами. Однако структура управления, механизм власти и ее функции оставались прежними.

Как историческое явление абсолютизм имел место и в Европе, и в России. Однако, если в Западной Европе он в значительной степени являлся продуктом баланса классовых сил дворянства и буржуазии, то в России существовала большая специфика: абсолютизм формируется здесь еще до появления буржуазных отношений или в лучшем случае в период их зарождения. Это привело к громадной относительной самостоятельности государства в России и сделало его субъектом исторического процесса в большей степени, чем это было в Европе. Отсюда происходил целый ряд особенностей абсолютистского государства в России, делавших его непохожим на абсолютизм Европы.

Так, в России и во Франции абсолютизм существовал в завершенном виде, т.е. в системе государственного аппарата не было органа, который ограничивал бы власть монарха. Для них характерна высокая степень централизации государственной власти, наличие чиновничьего аппарата, многочисленной армии. В Англии же абсолютизм имел незавершенную форму. Там сохранились парламент, в какой-то (пусть незначительной) степени ограничивавший власть монарха, местные органы самоуправления; отсутствовала многочисленная постоянная армия. Если абсолютизм в Англии, Франции, России способствовал процессу централизации страны, то абсолютизм в Германии так называемый «княжеский абсолютизм», наоборот, консервировал феодальную раздробленность страны.

За свою более чем двухсотпятидесятилетнюю историю абсолютизм в России не оставался неизменным. Он претерпел изменения вместе с

изменениями в экономике, социальной структуре общества, расстановке классовых сил и т.д. Можно выделить следующие пять основных этапов развития абсолютизма в России: первый – абсолютная монархия второй половины XVII в. с Боярской думой и боярской аристократией; второй – чиновничье-дворянская монархия XVIII в.; третий – абсолютная монархия первой половины XIX в. (до реформы 1861 г.); четвертый – абсолютная монархия 1861–1904 гг., когда самодержавие сделало первый шаг в направлении к буржуазной монархии; пятый – в период с 1905 по февраль 1917 гг., когда абсолютизм сделал еще один шаг к буржуазной монархии¹.

Имперская модель исторической эволюции России
--

Россия в XVIII – начале XX вв. – континентальное многонациональное государство, раскинувшееся от Балтики до Тихого океана, огромная общность людей, империя, оказывающая огромное влияние на ход истории. Особенность империи в России состояла в том, что она складывалась в значительной мере путем колонизации, освоения слабозаселенных пространств и присоединения малых этносов. Кроме того, в силу невысокого уровня развития завоеватели не отделялись резко от побежденных, не было градации по принципу центр-окраины². В России отсутствовало понятие «метрополия», не было юридически господствующей нации, а Российская империя никогда не была государством для русских.

Понятие «империя», по-видимому, является одним из наиболее спорных в современных общественных науках. Еще недавно под империей понималось государственное образование достаточно большого размера, включающее в себя в качестве составных частей территории и народы, присоединенные, как правило, военным путем и удерживаемые в рамках полного или частичного подчинения силой. Но уже сегодня многие авторы высказывают свое особое мнение по поводу того, что же на самом деле представляет собой империя, выделяя:

– империю-конгломерат как политическое объединение разнородных этносов, не связанных культурой и экономической общностью;

– империю-иерархии – объединение с разным уровнем подчиненности и вовлеченности в общую структуру, составляющую единое целое (колониальные империи Запада);

– промежуточный вариант – империя смешанного типа. Обычно такие империи представляют собой переходную ступень либо от первого ко второму типу империи, либо от империи к моноэтническому госу-

---

¹ См., Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 346. Т. 20. С. 121.

² См.: Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. – М., 1996. С. 36.

дарству. Такой путь в свое время проделал Китай, таким путем пошло и Российское государство¹.

Уникален тот факт, что ни один народ российской окраины не исчез с лица земли под русским владычеством, отсутствовало понятие «резервация». Классическое определение империи применительно к России верно наполовину: «империя (от лат. Imperium – власть), – государство, глава которого – монарх, король, император (например, Российская империя, Британская империя). Как правило, имела колониальные владения»².

Известный английский писатель, актер и драматург Питер Устинов в своей книге «Моя Россия» пишет: «Исторически Россия никогда не была империалистической державой в обычном смысле этого слова, имея в виду, что не в ее привычках было приходить в другие страны с целью их завоевания»³.

Одна из отличительных черт русской колонизации – ее нестяжательность. Россия вкладывала в развитие окраины больше средств, чем получала от них доходов. Известный русский философ Г.П. Федотов писал: «... росли и богатели, наполнялись пришлым населением Новороссия, Кавказ, Сибирь. И вместе с тем крестьянство центральных губерний разорялось, вырождалось духовно и заставляло экономистов говорить об «оскудении центра». Великороссия хирела, отдавая свою кровь окраинам...»⁴.

Своеобразные льготы для окраин империи – отсутствие крепостного права в Сибири и на русском Севере, сохранение различных религий, освобождение от всеобщей воинской повинности неправославного населения и т.д.

Признаки империи появляются уже в Московском государстве. С XVI в. параллельно с объединением традиционно русских территорий осуществляются завоевания (или попытки) Казани, Сибири, Прибалтики, формируется имперская идеология («Москва – третий Рим»). Русское централизованное государство в XV–XVI вв. не имело четких естественных рубежей, российские владения находились рядом с неосвоенными землями, которые занимали русские военные отряды, промышленники, торговцы, переселенцы, а вопрос о международном признании за Россией этих земель решался путем мирных переговоров с Великобританией, США, Китаем, Японией⁵.

---

¹ Феоктисов Г.Г. Империя как тип структурного деления мира // Общественные науки и современность. 2000. С. 103.

² См.: Советский энциклопедический словарь. – М., 1979. С. 491.

³ Устинов П. Моя Россия. – М., 1986. С. 13.

⁴ Цит. по: Коржихина Т.П., Селен А.С. История российской государственности. – М., 1995. С.30.

⁵ См.: Коржихина Т.П., Сенин А.С. Указ. раб. С. 35.

Провозглашение России империей было связано с окончанием Северной войны за выход к Балтийскому морю и подписанием Ништадского мирного договора со Швецией. Территории же Кавказа и Средней Азии представляли собой «мозаику» различных феодальных владений, неизбежными спутниками которых были кровавые междоусобицы. В ряде случаев вопрос стоял о выживании целых народов из-за угрозы нападения более сильных соседей. В этих условиях многие правители и население не только не оказывали сопротивление русскому проникновению, но и сами стремились перейти в русское подданство.

В исторической литературе отмечается, что вопрос о присоединении к России чаще всего первой ставила феодальная знать, явно стремившаяся с помощью сильной власти русского царя укрепить свое социальное положение. Прорусской ориентации часто придерживались и широкие слои населения, надеясь, что русские власти защитят их от притязаний «своих» верхов.

Царское правительство понимало опасность, подстерегающую Россию на пути безграничного расширения территории, поэтому нередко давало согласие на включение того или иного района (области, города и т.п.) в состав империи только после того, как это становилось де-факто в результате усилий местной администрации. Ряд земель Россия добровольно уступила (иранские провинции Гклян, Ма-зендран, Астрабад, которыми Россия владела в 1723–1732 гг.), или продала (Аляска), или обменяла (Курильские острова). Подчас Россия не шла на прямое присоединение территорий, а ограничивалась установлением протектората (Бухарский эмират, Хивинское ханство, Тува). При этом русское правительство учитывало особенности географического положения, этнический состав, историю и социально-экономическое развитие всех этих районов, но присоединение слабо развитых районов не принесло России никаких хозяйственных выгод, а только военно-стратегическое значение.

Огромное пространство, занимаемое Россией в условиях существования экономических, этнографических и прочих различий, требовало особого подхода в управлении, поэтому в присоединяемых территориях царские власти нередко оставляли прежними не только административное, но иногда и политическое устройство (например Финляндия). При обширности территории и плохих путях сообщения наделение некоторых местных учреждений или должностных лиц широкими правами было вполне объяснимым.

Русское государство складывалось в территориальном отношении несколько веков, при этом росло оно преимущественно в сторону юга и востока: на западе – сильные государства, на севере предел расширению ставила сама природа. В результате был создан беспримерный союз народов, специфическая цивилизация, раскинувшаяся на просторах Евразии. Соединение в одном сильном государстве столь разных народов

было, по мнению некоторых авторов, эффективным и наименее болезненным способом разрешения конфессиональных, национальных, территориальных, экономических бед и противоречий¹. При Петре I Россия от решения насущных задач национальной политики Россия перешла к постановке и решению типично имперских проблем. Имперская модель в России имела определенную рациональность, что и позволило ей продержаться почти три столетия (если включить сюда и советский период).

Петровская эпоха примечательна окончательным оформлением самодержавия. По форме правления Россия в XVIII в. уже была неограниченной монархией, то есть воля императора не ограничивалась какими-либо юридическими нормами. При Петре I впервые дано законодательное определение неограниченной царской власти: «Его величество есть самовластный монарх, который никому о своих делах ответа дать не должен, но силу и власть имеет свои государства и земли яко христианский государь пол своей воле и благомнению управлять». Позже появилась следующая формулировка: «Царствующий император яко неограниченный самодержец».

Символы самодержавия

До 1721 г. Петр I пользовался кратким титулом: «Мы, Петр I, Божию милостию, Царь и Самодержец Всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая». Такая формулировка с небольшими изменениями существовала до Николая I, а с 1825 г. и до 1917 г. была следующая его редакция: «Божиею Милостью, Мы, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая».

Все права государственной власти в России принадлежали императору и не было той сферы управления, которая не была бы ему подчинена. Государь пользовался также известной религиозной властью, а в акте о престолонаследии 1797 г. он именовался главою церкви. Особа монарха была изъята от действующих законов государства.

Кроме полного и кратного титула российские императоры в некоторых случаях пользовались сокращенным или средним титулом. Почетных наименований в русском титуле не было.

История русской государственности свидетельствует о сложном процессе выработки основных правил преемственности власти, которая, по существу своему, непрерывная и не может прекратиться со смертью данного ее представителя. В Киевской Руси в период феодальной раздробленности преемство было пронизано частновладельческим характером и княжеская власть переходила по наследству, как частное имущество. Великокняжеский престол занимал то сын великого князя, то его старший брат. Старшинство определялось часто договорами между

---

¹ Коржихина Т.П., Сенин А.С. Указ. работа. С. 59.

князьями. Известны случаи народного избрания на княжение, добывание власти силой оружия или по завещанию умершего великого князя.

В московский период постепенно вырабатывается система единонаследия по нисходящей линии, по праву первородства. Начиная с Ивана Калиты (1328–1340), князя, распределяя волости между своими детьми, систематически усиливают власть старшего брата. Этот порядок преемственности власти был нарушен со смертью Федора Ивановича и прекращением царствовавшей династии Рюриковичей. Земский собор 1598 г. должен был избрать царя из другого дома и остановил свой выбор на Борисе Годунове. Ему наследовал сын его Федор, низвергнутый самозванец. По окончании Смутного времени Земский собор 1613 г. избрал на царство династию Романовых. До 1682 г. престол беспрепятственно переходил по праву первородства от отцов к сыну.

С 1696 г. Петр I стал править самостоятельно, а в Манифесте от 5 февраля решил перейти к новой системе престолонаследия по завещанию. Император Павел I признал необходимым издать закон, определяющий порядок престолонаследия. Этот акт появился 5 апреля 1797 г. в день его коронации. С небольшими изменениями он действовал до 1917 г.

Император пользовался правом содержания за счет государственных средств, причем, размер содержания всего императорского двора определялся в росписи государственных доходов и расходов, им же утверждаемой. Даже с образованием Государственной думы и реорганизацией Государственного совета в 1906 г., одной из функций которой стало утверждение государственного бюджета, кредиты на расходы Министерства императорского двора вместе с состоящими в его ведении учреждениями в сумме, не превышающей ассигнования высочайше утвержденной 29 декабря 1906 г. росписи, обсуждению в обеих палатах российского парламента не подлежали.

Царской фамилии принадлежал ряд дворцов. Крупнейшим из них по праву являлся Зимний дворец, построенный в 1754–1762 гг. итальянским архитектором В. Растрелли в стиле барокко. Дворец насчитывал 1050 парадных и жилых помещений общей площадью 46 тыс. кв. м. Романовым принадлежали: Аничков дворец на Невском проспекте, Летний дворец Петра I в Летнем саду, Екатерининский и Александровский дворцы в Царском Селе, Большой дворец и Нижняя дача в Петергофе, Большой Кремлевский дворец в Московском Кремле, Ливадийский дворец в Крыму, дворцы в Гатчине, Ораниенбауме, Варшаве и т.д.

В Министерстве императорского двора служило около 1300 чиновников. Предприятиями царской фамилии ведал так называемый Кабинет. Здесь же хранились императорские регалии, произведения искусства, жалюемые в качестве подарков, родословная книга императорского дома. Доходы распределялись между членами императорской фамилии

следующим образом. Каждый сын императора получал до совершеннолетия 150 тыс. руб. ежегодно. По достижении совершеннолетия ему делали подарок в 1 млн рублей, а после вступления в брак он получал ежегодно 235 тыс. рублей. Императрица во время царствования ее супруга получала по 200 тыс. рублей в год.

Охрану царя осуществляли государственные органы полиции, жандармерии и специальные воинские части. Созданное в 1894 г. Управление дворцового коменданта ведало дворцовой полицией – специальной охраной царя (250 чел.)¹.

Внешним символом, знаком государства, выражающим религиозную или политическую идею, являлся герб. На печатях, которые употреблялись древними русскими князьями, обыкновенно помещалось изображение Спасителя, Богородицы или того Святого, чье имя носил князь. На печатях Московского княжества впервые начинает появляться изображение всадника, поражающего копьём змия. Историки и юристы-государствоведы расходятся в объяснении этой символики. Чаще всего считают московский герб символом освобождения России от монгольского ига.

Великий Князь Московский Иван III (1462–1505 гг.), женившись на византийской царевне Софье Палеолог, для повышения своего авторитета в отношениях с иностранными государствами, принимает родовой герб Византийских царей – двуглавого орла. Двуглавый орел Византии олицетворял собой Римско-Византийскую империю, охватывающую Восток и Запад.

Следует отметить, что у современных исследователей отечественной и европейской геральдики нет единства в обосновании преемственности двуглавого орла Византии и России. Западноевропейские исследователи полагают, что в Византии двуглавый орел был лишь формой украшения, орнамента, но никак не государственной эмблемой. Основанием для такого утверждения служит отсутствие двуглавого орла как государственного знака на византийских монетах, печатях, надгробиях, на щитах или одежде императорской охраны и т.д. Высказывается предположение о том, что эмблема двуглавого орла позаимствована у южных славян, в частности у Сербии, испытавшей, в свою очередь, сильное влияние западноевропейской традиции. Двуглавый орел в то время уже был распространен в Европе, особенно в делопроизводстве дома Габсбургов.

В 1645 году при сыне Михаила Федоровича – царе Алексее Михайловиче – появилась первая Большая государственная печать, на которой двуглавый орел с всадником на груди коронован тремя коронами. С этого времени постоянно использовался именно такой тип изображения,

---

¹ Ерошкин Н.П. Самодержавие накануне краха. – М., 1975. С. 7–11.

но, в отличие от византийского образца, двуглавый орел с 1654 г. стал изображаться с поднятыми крыльями.

При Петре I с учреждением ордена Св. Андрея Первозванного в 1699 г. изображение ордена и цепи было введено в Государственный герб. В 1721 г. короны, венчающие орла, были заменены на императорские. Впервые официально рисунок государственного герба был утвержден 25 февраля 1730 г.

Николай I начал реформу российской геральдики, а при Александре II в 1875 г. утвержден новый рисунок Государственного герба: на щите в золотом поле черный двуглавый орел со скипетром и державой в лапках, увенчанный тремя императорскими коронами и обремененный щитом с изображением Св. Георгия Победоносца.

При Александре III (1881–1894) в Своде законов Российской империи впервые появляется точное описание Государственного герба, который с этого момента становится неизменным.

Официальным символом государственной власти является также флаг. Единого национального флага в донетровской Руси не существовало. С древних времен на знаменах великих князей изображались святые, лики Христа и Богородицы.

Многие столетия основным видом знамен на Руси были военные, и русскую армию осеняли красные стяги. Распространены были в XV–XVIII вв. также черный, белый, золотой цвета.

В 1667 г. впервые появился флаг с сочетанием белого, красного и синего цветов. Порядок расположения цветов постоянно менялся, а известный сегодня бело-сине-красный флаг являлся флагом коммерческим и в таком качестве существовал до 1917 г. С 1700 г. существует так называемый андреевский военно-морской флаг. По преданию, один из учеников Христа Андрей указал место, где был основан Киев – столица Древнерусского государства. Впоследствии Андрей был распят по приказу римлян на кресте, имевшем форму буквы «X». Косой крест после и стали называть «андреевским».

Гербовое знамя Петра I представляло собой красное полотнище с белой каймой, в середине которого располагался золотой орел, парящий над морем; вокруг знамени был выписан полный титул царя, но впоследствии время бело-сине-красного цвета почти утонуло.

Каждый российский государь считал своим долгом внести изменения в российскую символику. Так, в 1858 г. царь Александр II учреждает третий, черно-желто-белый, флаг для правительственных, казенных и административных учреждений. Его цвета символизировали землю-золото-серебро.

В 1896 г., накануне коронации Николая II, окончательно утверждается национальным бело-сине-красный флаг: красный цвет означал «державность», синий, верхнее, лазоревый – цвет Богородицы, под по-

кровительством которой находилась Россия, и белый – цвет свободы и независимости. По этому флагу и стали повсеместно узнавать мощное Российское государство.

К государственной символике также относится гимн – торжественное музыкальное произведение. С XV до конца XVII вв. во время церковных праздников и важных государственных событий исполнялись православные песнопения. В XVIII в. функции русского гимна исполнял общеевропейский гимн «Тебя, Бога хвалим», а первым неофициальным гимном Российской империи был гимн – Марии «Гром победы, раздавайся!», написанный композитором А. Козловским в честь взятия А.В. Суворовым Измаила. В конце XVIII в. активно исполняется песня композитора Дмитрия Бортнянского «Славься», и такое двойственное положение сохраняется до времен Николая I.

В 1833 г. по его указанию состоялся своего рода закрытый конкурс на новый гимн России. Из поэтов в конкурсе участвовали Нестор Кукольник, Василий Жуковский и некоторые другие, из композиторов – Михаил Глинка, Алексей Львов и пр. В итоге царю угодили Львов и Жуковский: во-первых, звучит как молитва, гимн так и назывался – «Молитва русского народа»; во-вторых, мелодия простая, легко запоминающаяся, а это все любят; в-третьих, текст подобен гимнам европейских монархий.

Под названием «Боже, царя храни» русский гимн просуществовал до февраля 1917 г. Тогда в качестве гимна стали использовать мелодию «Марсельезы», главной песни Великой французской революции и гимна Франции. Впрочем, слова были другие. Эта песня оставалась российским гимном и в первые месяцы советской власти.

Самодержавие в России просуществовало несколько столетий и способствовало превращению России в мировую державу. На рубеже XIX–XX столетий столь ясно, что время самодержавной монархии себя исчерпало.

Нельзя не признать, что самодержавная власть была цементирующей силой общества. Об этом в свое время довольно точно написал русский философ С.Л. Франк: «Подлинным фундаментом русской государственности был не общественно-сословный слой и не господствовавшая бытовая культура, а была ее политическая форма – монархия. Замечательной, в сущности, общеизвестной, но во всем своем значении не оцененной собственностью русского общественно-государственного строя было то, что в народном сознании и народной вере была непосредственно укрепленна только сама верховная власть – власть царя; все же остальное – сословные отношения, местное самоуправление, суд, администрация, крупная промышленность, банки, вся утонченная культура образованных классов, литература и искусство, университеты, консерватории, академии. Все это в том или ином отношении держалось

лишь косвенно, силою царской власти, и не имело непосредственных корней в народном сознании... Неудивительно, что с крушением монархии рухнуло сразу и все остальное»¹.

**Противоречия
русского капитализма**

Имперская модель содержала серьезное противоречие – несоответствие между технико-организационными и социально-политическими аспектами модернизации. Заимствование европейского опыта не было органичным, так как осуществлялось лишь в нескольких областях и методами совсем не европейскими. Поэтому, повторяя, хотя и с запозданием технологические фазы европейского развития, в социальном и политическом плане Россия двигалась как бы наоборот. Эта асинхронность российской и европейской истории неоднократно отмечалась в литературе; окончательная дата юридического оформления крепостного права в России – 1649 г., совпадает с революцией в Англии, а к моменту апогея крепостничества в России, в эпоху Екатерины II, в Европе произошла Великая французская революция.

Даже в военной сфере Россия периодически оказывалась позади, поскольку буржуазная Европа и ее военная техника создавались свободными людьми, поэтому самодержавная власть время от времени была вынуждена ослаблять свою хватку и идти по пути модернизации не только технической, но и социальной.

Великие реформы 1860–1870 гг. преследовали две основные цели. Во-первых, нужно было вывести страну из кризиса, укрепить её пошатнувшийся авторитет в Европе и мире. Самодержавие должно было соответствовать вызову времени – иметь сильную армию, развитую промышленность, надежную экономическую систему. Во-вторых, было необходимо стабилизировать русское общество, которое пришло в движение и грозило выйти из-под контроля. Александр II стал реформатором не в силу своих убеждений, а ведомый призывом – быть Государем, т.е. делать все возможное ради величия, силы и престижа своей страны. В качестве методов реформирования использовалась либеральная программа, нацеленная на проведение крупных преобразований во всех сферах общества. Но, не будучи убежденным либералом, Александр II не сумел последовательно осуществить весь комплекс намеченных и необходимых реформ.

Существование явной и скрытой оппозиции курсу реформ, а тем более попытки радикалов навязать обществу свои представления о темпах и характере преобразований (в том числе и террористическими методами), не могли не привести к изменению политической линии. Для Александра II выстрел Д. Каракозова в 1866 г. стал сигналом к поиску новых путей стабилизации общества. Была сделана ставка на консерва-

---

¹ Цит. по: Боханов А.Н. Сумерки монархии. – М., 1993. С. 277.

тивные способы успокоения страны. Принимались меры для усиления административного контроля над земствами и печатью: запрет на сношения между земствами различных губерний (1867), введение обязательного подчинения земских изданий губернской цензуре, новое положение о народных училищах, ограничившее участие земств в делах народного образования (1874 г.), и т.д. В кабинет министров вошли консерваторы Д.А. Толстой, А.Е. Тимашев и др. Таким образом, со второй половины 1860-х до конца 1870-х гг. предпринимались попытки «окорнать» (по выражению В.О. Ключевского) реформы. Главной целью при этом были стабилизация общества и восстановление несколько нарушенного земской реформой административного контроля над местной властью.

Отношение самодержавия и чиновничьего аппарата к процессам модернизации было противоречивым. Принималось лишь то, что укрепляло существующую власть; все остальное, особенно проявления общественной самостоятельности, допускалось с неохотой либо не допускалось вовсе. Реформы 60-х годов XIX в. были пределом модернизаторской деятельности режима, дальше которого он идти не хотел.

Конец XIX века ознаменовался в России бурным промышленным подъемом, явившимся результатом не только благоприятной экономической конъюнктуры, но и правительственной политикой поощрения развития и модернизации отечественной промышленности, получившей название «виттевской» (по имени министра финансов в 1892–1903 гг. С.Ю. Витте) индустриализации. Темпы роста промышленного производства в этот период были в России одними из самых высоких в мире – в стоимостном выражении примерно на 13%, а в натуральном на 9% в год, причем особенно быстро росла тяжелая индустрия, выпуск продукции которой вырос в 2,8 раза. Крупные казенные заказы, щедрые ссуды, протекционистская таможенная политика, привлечение иностранного капитала – все это привело к тому, что к началу XX в. Россия давала около 5% мировой промышленной продукции. Динамично, на несколько тысяч верст в год, росла протяженность железнодорожной сети, включившей в себя и грандиозную транссибирскую магистраль. В итоге была создана база для последующего роста индустриального могущества России, хотя он и прервался с началом кризиса 1900–1903 гг., а затем длительной, затянувшейся до 1908 г., депрессией, сменившейся в 1909–1913 гг. новым мощным предвоенным подъемом с ежегодным средним ростом промышленности на 9%.

С другой стороны, многие показатели экономического, в том числе и промышленного, развития России не могли не внушать серьезной тревоги.

За впечатляющими валовыми показателями роста промышленной продукции стояло огромное отставание России по производству её в расчете на душу населения.

Другим тревожным моментом была явная неконкурентоспособность российских промышленных изделий на мировом рынке. Достаточно сказать, что в 1913 г. фабрично-заводские изделия составляли только 5,6% отечественного экспорта, тогда как на долю продуктов питания приходилось 55,2%, а сырья 36,9%.

Россия выделялась среди других индустриально развитых стран яркой многоукладностью своей экономики, на противоположных полюсах которой находились новейший финансовый капитал и монополии, с одной стороны, и патриархальное, полунатуральное хозяйство – с другой, а также разного рода диспропорциями, низкой производительностью и культурой труда, крайне слабой социальной защитой трудящегося населения. В целом российский капитализм к 1917 г. еще не исчерпал своих возможностей, не обрел цивилизованных форм и не создал материальных предпосылок для перехода к более высокому общественному строю, однако пережитки крепостной эпохи в деревне и острейшие противоречия между трудом и капиталом в городе создавали в России такую ситуацию, которая в экстремальных условиях Первой мировой войны не могла не привести к взрыву, похоронившему не только романовскую монархию, но и капитализм.

В политической сфере отставание России от вызовов времени чувствовалось особенно остро. К началу XX в. она оставалась государством с самодержавно-абсолютистскими формами правления без парламента и основополагающих гражданских свобод населения. Единичные политические партии возникали нелегально, чаще всего в эмигрантских кругах за границей и с самого начала носили ярко выраженный или открыто революционно-социалистический характер.

С каждым годом нарастала и острота национального вопроса, затрагивавшего евреев, поляков, финнов, армян и ряд других нерусских народов, все более осознававших свое этническое единство и стремившихся к равноправию с русскими.

К началу XX в. модернизационный процесс в России практически исчерпал те стимулы, которые были даны ему реформами второй половины XIX в. Налицо был опасный разрыв между его технико-технологической, социокультурной и политической составляющими.

Все это вместе взятое ставило Россию перед альтернативой: либо новый тур радикальных реформ, осуществляемых властью в союзе с либерально-демократической общественностью, либо решение набравших вопросов российской действительности «снизу», революционным путем.

**Социализм в России.
Новые организационные
формы общественных
движений**

Альтернативный вариант модернизации стал вырабатываться примерно с конца XVIII – начала XIX вв. политической оппозицией, выросшей в образованной среде.

Первые русские просветители – С.В. Десницкий, Н.Н. Новиков, полагали, что путь к справедливому устройству общества лежит через реформы «сверху». А.Н. Радищев, просветитель радикального направления, открыто призывал к насилию как методу революционного переустройства общества. Вслед за Радищевым идеологи декабристского движения призывали не останавливаться перед насилием в борьбе против самодержавия. В соответствии со своими воззрениями и целями декабристы А.М. Муравьев, И.М. Муравьев, И.Д. Якуний, П.И. Пестель, М.С. Лунин и др. создавали тайные общества, все более склоняясь к необходимости республиканского правления в России.

Выступление декабристов 14 декабря 1825 г. закончилось разгромом мятежных войск, и это поражение тяжело переживалось общественностью в России.

Переоценка опыта декабристов и отрицание «политики» в смысле возможности перенесения западных реформ; поиск глубинных исторических закономерностей и путей исторического действия, не сводящихся к просветительскому «разумному совершенствованию» извне; создание глубокой отсталости России и преодоление этого пессимизма в национально-патриотическом воодушевлении; уважение к развитой Европе и вместе с тем все более активная фиксация пороков буржуазной цивилизации – таковы были исходные элементы, характерные для идейного климата в передовой среде российского общества последекабристского периода. Их надо было объединить в единую концепцию, которая заключала бы решение стоящих перед страной задач. Это и пытались делать (каждый на свой лад) представители различных общественных течений и групп: П.Я. Чаадаев, славянофилы (И.В. Киреевский, А.С. Хомяков), родоначальники социализма А. Герцен и Н. Огарев. В относительно малом опыте русского общества Герцен усматривал его историческое преимущество. Но не в смысле «готовности» к социализму – путем, например, распределения общинных порядков на другие сферы жизни общества, а в смысле отсутствия «мещанского духа», поразившего буржуазный Запад, в сохранении первобытных «коммунистических инстинктов». Прогресс общества предполагался через культурное развитие народа и, в том числе, освоение им европейских социалистических учений.

Взгляды А.И. Герцена были развиты (и частично оспорены) Н.Г. Чернышевским (1828–1889 гг.). Чернышевский был последовательным сторонником крестьянской революции, особенностью революционной теории Чернышевского является признание исторической обу-

словленности революции в сочетании с активной пропагандистской работой в массах. Крестьянская революция в России понималась не как непосредственное начало социализма, а как свержение крепостничества и установление длительного «переходного состояния». Идеальное общество, соответствующее «социальной республике» Герцена, описано Чернышевским в романе «Что делать?» во сне Веры Павловны.

Утопический социализм революционеров-демократов объективно отражал антифеодальный протест русского крестьянства. То обстоятельство, что эту миссию принял на себя социализм, а не буржуазная идеология, прежде всего либерализм, объясняется, во-первых, сохранением черт общинного социализма в психологии русского крестьянства, во-вторых, незрелостью буржуазных отношений, отсутствием влиятельной буржуазной идеологии либерального направления, в-третьих, знакомство с политической жизнью Западной Европы приводило русских демократов к разочарованию в буржуазной идеологии.

Влияние революционеров-демократов на последующее развитие социалистической мысли огромно. «Русский социализм» лежит в основе идейной эволюции народников и даже анархистов. Большой интерес к «русскому социализму», особенно Чернышевскому, проявили марксисты.

В окончательном виде концепция «русского социализма» появилась в начале 50-х годов. Толчком к ее созданию стало разочарование Герцена в результатах европейских революций 1848 г., которые не принесли им ожидаемого социализма. С тем большими надеждами обратился он к собственному отечеству.

В теории «русского социализма» многое из того, что прежде было сформулировано российскими мыслителями 30–40-х годов (в том числе, самим Герценом и Огаревым), развито и доведено до логического конца. Например, тезис о преимуществе отсталости. «Неспособность» и «неполнота» российской цивилизации, заявляет Герцен, – «великие таланты в наших глазах». Преимущество отсталости состоит в готовности русских людей пойти сразу на «социальный переворот», перейти к социализму, потому что им, можно сказать, нечего терять, кроме своих цепей.

Таким образом, в концепции «русского социализма» сделана попытка соединить национальное и универсальное, вписать Россию в контекст мирового прогресса. Пример развитых стран указывает отставшей стране цель, а ее собственный институт общины – средства ее достижения. Парадоксально, но в николаевскую эпоху, когда у россиян были все основания для пессимизма и унижения перед развитыми странами, происходит, пожалуй, самый сильный и значительный во всем столетии подъем национально-патриотических чувств. Например, будущий революционер Н.П. Огарев в 1841 г. в частном письме поёт восторженный гимн славянству, России, которые превосходят по своим потенциям

другие народы. И хотя они «пока еще ничего не произвели», «еще не жили», но «будут жить и производить». Знаменитый русский писатель Николай Гоголь в романе «Мертвые души» сравнил Россию с могучей «птицей-тройкой», которая летит куда-то вперед, а перед ней расступаются другие народы и государства.

Социализм в России и стал по существу альтернативным проектом национального развития. Для многих образованных русских людей социалистическая идеология оказывалась привлекательной по ряду причин. Социализм указывал вектор развития, совпадающий с мировым (ведь социалистическое движение родилось в развитой Европе); сокращалось расстояние между Россией и развитыми странами (принцип минования буржуазной стадии). Социалистические идеи опирались на национальные культурные традиции (изначальный коллективизм и общинность русского человека), отвечали антибуржуазной тенденции общественного сознания, столь характерной для стран запоздалой модернизации.

Конечно, как общественное направление социализм в России утвердился не сразу, но он довольно быстро превратился в наиболее влиятельное течение политической оппозиции. «Русский социализм» Герцена – Огарева (а позднее Чернышевского) дал жизнь народничеству. От последнего потом «отпочковался» марксизм. Разумеется, в России были и другие оппозиционные течения, например либеральное. Но они в той или иной мере испытывали на себе воздействие социалистических идей, никогда не могли полностью отмежеваться от социализма, что снижало их оригинальность, идейное и политическое влияние.

Социализм в России, при всей своей полярности существующему политическому порядку, наследовал какие-то элементы имперской модели. Уже в ранних социалистических течениях (у того же Герцена) проскальзывают нотки российского мессианизма. У его последователей (народников) они выражаются в уверенности, что русский народ, «сохранивший один, несмотря на все исторические превратности судьбы, общину, и не испытавший вредных последствий капитализма, увидит первый на земле осуществление социализма».

Наконец, «русский социализм» не был только специфическим национальным явлением. Аналогичные течения возникали во многих других исторически отставших странах как порождение проблем запоздалой модернизации.

Общественной силой, которая пыталась действовать в том же духе идей «русского социализма», явилось народничество.

Народничество – большая страница в истории пореформенной России, весьма сложная разветвленная идеология, широкое общественное движение, знавшее свои подъемы и спады, революционные и реформи-

стские течения, прошедшее путь от отдельных кружков до массовых политических партий.

Непосредственно народническое движение охватило лишь часть образованных слоев. Но оно стремилось вовлечь в борьбу с царским режимом трудящиеся массы, прежде всего крестьянство. Деятельность народничества не ограничивалась политическими целями. Оно отстаивало определенную социальную программу, проект и стратегию социального развития, хотя, в конечном счете, реализовать свои планы ему не удалось.

Народничество выдвинуло ряд программных и тактических установок революционного действия. Некоторые из них были общими для всех народнических направлений: программное требование «Земли и воли» – «Черного передела» помещичьих земель в пользу крестьян и введение конституционного строя; идея последующего социалистического переустройства общества на базе национальных форм коллективизма (община, артель); задача создания нелегальной сплоченной политической организации, партии.

Группа П.Л. Лаврова, издававшая за границей журнал «Вперед», отстаивала путь пропаганды. Он предполагал работу активистов среди крестьянских масс и постепенное вовлечение их в революционную борьбу. Другая фракция была связана с именем Михаила Бакунина, одного из основателей международного анархизма. Бакунисты проповедовали «путь боевой, бунтовской», то есть организацию массовых выступлений крестьян и городских низов.

Наконец, третье направление – «якобинское», или «бланкистское» (П.Н. Ткачев), возлагало основную надежду на переворот, который должен быть произведен силами «меньшинства», организации революционеров. Она создаст социалистическое государство, которое необходимо не только для подавления сопротивления эксплуататорских классов, но и «подталкивания» самого народа к социалистическим порядкам. Все эти идеи и тактические установки, так или иначе, апробировались на практике, в народническом движении, хотя последнее действовало самостоятельно, независимо от идей теоретиков.

Но ни призывы «к светлому будущему», ни силовые методы борьбы не приводили к ожидаемым результатам. Бросается в глаза несоответствие между масштабами народнического движения и незначительными результатами деятельности его, что объясняется и внутренней противоположностью идеологии, с чрезвычайно широкой и очень разнообразной социальной базой, и сочетанием различных исторических задач. По сути, это – разновидность определенного типа идейных течений и общественных движений, которая в научной литературе обозна-

чается понятием «популизм»¹, составляющий переходной этап к модернизации, проводимый уже политическими силами.

Существенной частью российской политической системы стали в начале XX в. многочисленные партии и организации, десятки которых возникли в годы первой в истории нашей страны демократической революции. В императорской России не было специального закона о политических партиях и их регистрации. Левые партии социалистической регистрации действовали в основном в подполье. Тем не менее, после 1905 г. представить себе социально-политическую жизнь России без учета такого нового для нее фактора, как многопартийность, было уже просто невозможно.

В 1905–1907 гг. политические партии и союзы росли в России как грибы после дождя. Обилие этих партийных образований объяснялось многонациональным характером империи, сложностью ее социальной структуры, крайней амбициозностью российской интеллектуальной элиты.

При этом в России явно преобладали оппозиционные и социалистические партии, что отражало недовольство основной массы населения страны существующим строем и тяжелым экономическим положением. Характерной особенностью России было отсутствие здесь массовой прайвительственной партии – партии власти (как известно, претензии подобного рода были у октябристов и так называемых «черносотенцев», но первые быстро разочаровывались в способности власти к саморформированию, а вторые не были поддержаны правительством, опасавшимся скомпрометировать себя близостью к столь «нецивилизованным» организациям).

В пестрой мозаике возникших тогда в России политических партий можно выделить наряду с организациями – однодневками, не оставившими сколько-нибудь заметного следа в жизни страны, и несколько более устойчивых и солидных партийно-политических образований консервативной, либеральной и социалистической направленности. Важнейшим критерием подобной классификации было их отношение к существующей власти – поддержка ее, критика или стремление к прямому свержению. Сложнее дело обстоит с социальной ориентацией отдельных партий. Так если социал-демократы открыто объявили себя партией рабочего класса, то социалисты-революционеры выступали от лица всего «трудоого народа», а кадеты называли себя партией «народной свободы». Партии отличались друг от друга масштабами своей деятельности (общероссийские, региональные, национальные), степенью радикализма своих требований и влияния на массы, тактическими приемами и т.д.

---

¹ Популизм (от лат. *populus* – народ) – разнородные по идейно-политическому содержанию общественные течения и движения, апеллирующие к широким массам.

В начале XX в. на политическую арену в России выходят три основных лагеря: демократический, ставящий целью свержение самодержавия и установление республики; либерально-буржуазный, стремящийся к конституционной монархии и предотвращению революции; правительственный (царизм и дворянство), ведущий борьбу за сохранение самодержавного строя. Этот консервативный лагерь представлен Союзом русского народа, Русской монархической партией и другими монархическими организациями, которые даже теоретически не допускали возможности пересмотра самодержавности русского царя. Конституционно-демократическая партия или просто кадеты прочно заняла место на левом фланге российского либерализма, лидером ее был историк П.Н. Милюков

Революционно-демократический лагерь, боровшийся за свержение самодержавия революционным путем и установление демократической республики, насчитывал от 20 до 30 партий. Крупнейшими и влиятельнейшими считались партия эсеров и РСДРП.

Партия эсеров (социалистов-революционеров) возникла из остатков народнических групп. Программа эсеров предусматривала установление демократической республики, политические права и свободы, рабочее законодательство, социализацию земли.

Многое в надеждах первых русских марксистов оказалось иллюзорным, а претензии идеологических жрецов и эпигонов марксизма на то, что представляемое ими учение является «единственно верным», «всесильным», подлинно научным и универсальным, погребены ныне под обломками «реального социализма», тем не менее, ряд положений марксистско-ленинской теории, включая и столь третируемый ныне классово-формационный подход к анализу исторического процесса, отнюдь не утратил своего научного значения, помогая объяснить очень многое (хотя, конечно, далеко не все) в жизни человеческого общества. К тому же не будем забывать, что в спорах, которые шли сто лет назад вокруг марксизма (а споры эти были уже тогда, и не только на Западе, но и в России), еще не могла сказать своего слова общественная практика как высший критерий истины: ведь о достоинствах и изъянах марксизма можно было судить тогда только по книгам.

Если раньше принято было утверждать, что Россия как будто была создана для реализации идей Маркса, то теперь существует мнение, что марксизм был абсолютно чужд российской действительности и русской ментальности, и большевики силой навязали его стране. Оба этих суждения являются крайностями.

Конечно, многих россиян (даже принадлежавших самым «низам» или исповедовавших самые радикальные взгляды) не могли смущать в марксизме его атеизм, идеализация пролетариата и, наоборот, несколько пренебрежительное отношение к «сидящему на куче навоза» крестьян-

ству или известный тезис из «Коммунистического манифеста», гласящий, что у рабочих нет Отечества. Не секрет, что многие светлые русские умы по этой причине просто отказывались принимать марксистские постулаты. В этой связи не приходится удивляться тому, что у марксизма в России всегда был соперник в лице неонародничества и его главной партии – эсеров. И все же в соревновании этих двух социалистических доктрин шансы марксизма были предпочтительнее, ибо он ориентировался на динамично развивающийся город в противовес консервативно-националистской деревне, не страдал народнической эклектикой и больше соответствовал внутренней логике развития современного научного знания, хотя народники явно превосходили марксистов в стремлении обеспечить менее болезненный путь приобщения русского народа к достижениям мировой цивилизации. В итоге процесс распространения марксизма в России носил достаточно длительный характер и завершился только после победы большевиков в октябре 1917 г., когда они смогли подкрепить силу своей идеологической аргументации силой оружия и авторитетом государственной власти.

В 1898 г. представители Союза борьбы за освобождение рабочего класса провозгласили создание Российской социал-демократической рабочей партии. На её II съезде в 1903 г. произошел распад партии на «большевиков» и «меньшевиков», а в революцию 1905 г. РСДРП вступила со своей программой политического и государственного переустройства. Идеологическую основу партии составлял марксизм.

Партии социалистической ориентации были важной составной частью спектра политических сил в России в начале XX в. Сужение или расширение этой части мало зависело от интенсивности полицейской деятельности, которая оставалась более или менее постоянной величиной. Гораздо сильнее действовали другие факторы. Общеправительственный кризис, доведенный правительством до социального взрыва (как, например, в 1905 г.), вызвал резкое увеличение красной части спектра. Очередной виток индустриализации и урбанизации (в конце XIX в., перед мировой войной или во время ее) делал красный цвет более интенсивным. И, наоборот, в период сравнительно спокойный, свободный от таких драматических перемен (как первые послереволюционные годы), красная полоса сужалась и заметно желтела.

И если в XIX в. власть сумела инициировать реформаторский процесс, а противостоящие самодержавию силы еще не смогли поднять народные массы на революцию, то в начале XX в. ситуация изменилась явно не в пользу правящих «верхов». Новые реформы, в проектах которых правительственные канцелярии в России никогда не испытывали недостатка, безнадежно запаздывали, а силы противников режима стремительно росли. Императорская власть так и не научилась искусству политического и социального компромисса, который уже прочно вошел в обиход правящих элит на Западе, а народные «низы», бунтарские на-

строения которых разжигала радикально настроенная интеллигенция при вполне сочувственном отношении либеральной общественности и довольно вялом сопротивлении властей, нетерпеливо повышали планку своих требований и готовы были идти в бой.

Государственно-политический кризис в начале XX века

В этих условиях в январе 1905 г. в России, которая к тому времени уже почти год вела неудачную войну с Японией, началась революция, растянувшаяся на целых два с половиной года. Тема революции не является для нас предметом специального анализа. Заметим лишь, что в 1905–1907 гг. масштабы стачечного движения (как минимум 5 млн забастовщиков, от 50 до 70% которых выдвигали антиправительственные политические требования), борьба крестьян «за землю и волю» (не менее 26 тыс. выступлений), восстания и волнения в армии и на флоте, забастовки и демонстрации студенчества, средних слоев городского населения, а также движения на этноконфессиональной почве были таковы, что заставили правительство еще в ходе революции и под ее нажимом пойти на целый ряд реформ, которые можно, вероятно, поставить в один ряд с Великими реформами XIX в.

Революционеры и царские реформаторы действовали как бы параллельно: каждый новый всплеск революционной активности народа и либеральной оппозиции заставлял правительство идти на уступки, а каждая уступка вызывала в виде ответной акции все новые и новые требования «низов», от имени которых выступали радикальные и центристские партии. Это был своего рода «встречный бой», принесший всем слоям общества немалые плоды.

Большие изменения произошли в политическом строе империи. Важнейшими вехами стали Манифест 17 октября 1905 г., провозгласивший введение гражданских свобод и организацию законодательного органа (Государственной думы), ограничившего монархическую власть, и основные законы 20 апреля 1906 г., определявшие двухпалатную парламентскую систему, но сохранившие весьма широкий предел императорской власти.

Для современников, а затем и для исследователей законодательные акты 1905–1906 гг. означали рождение «нового строя», но сказать что именно «родилось», было трудно как в начале XX в., так и сто лет спустя. Характеристики «нового строя» как «самодержавной конституционности»¹ или «думской монархии»² лишь подчеркивали парадоксаль-

¹ См.: Кропоткин Г.М. Правящая бюрократия и «новый строй» российской государственности после Манифеста 17 октября 1905 г. // История государства и права. 2000. № 12.

² Христофоров И.А. От самодержавия к думской монархии / Первая революция в России: взгляд через столетие. – М., 2005; Малышева О.Г. Думская монархия: рождение, становление, крах. – М., 2001 и др.

ность этой политической системы, возникшей из «смут и волнений» 1905 г.¹ С формальной точки зрения можно было усомниться как в самодержавии императора, так и в установленной в России конституционной монархии.

Для Николая II, как неоднократно подчеркивал Витте в мемуарах, акт 17 октября «не был добровольным» и представлял собой лишь вынужденную уступку, итог позорной (русско-японской) войны и внутренней смуты². Кризис же системы управления, по мнению многих сановников, был связан с личными качествами последнего русского императора, призванного к правлению, но лишённого дара быть самодержцем³.

Анализ правового материала позволяет сделать вывод, что российский парламент юридически имел ограниченные полномочия, характерные для дуалистической монархии⁴. Достаточно объективную оценку установившегося в России строя дал П.Н. Милуков, назвав его «лжеконституционализмом». Уже находясь в эмиграции, он писал: «Практика нашего псевдоконституционного строя за десять лет его существования свелась к саботажу законодательства и прогрессировавшему обострению взаимоотношений с властью. Это обострение особенно стало чувствоваться, когда – в конце этого периода – вновь появилась тенденция верховной власти покончить даже с такой скромной конституцией, урезав еще больше права Думы на практике и сведя ее к роли законосовещательного учреждения».

В советской литературе не ставилось под сомнение, что Манифест 17 октября 1905 г. декларировал принципы «буржуазного» конституционализма. Это целиком и полностью соответствовало ленинским оценкам Манифеста. Но, несмотря на обилие работ, примат идеологических догм над правом не позволял советским авторам провести объективный анализ установившейся в России формы правления.

В 90-е гг. XX в. резко повысился интерес к истории российского конституционализма, но единства во мнениях серьезных исследователей нет до сих пор.

Нельзя не согласиться, что в России была попытка перехода к дуалистической монархии, которая сохраняет сильное самодержавное начало. Но это лишь переходная непродолжительная по времени ступенька к конституционной монархии. Государственный переворот 3 июня

---

¹ См.: Ганелин Р.М. Российское самодержавие в 1905 г. Реформы и революции. – М., 1991. и др.

² См.: Витте Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 497–499.

³ Васильчиков Д.А. Воспоминания. – М., 2003. С. 197, 214–215.

⁴ Кудинов О.А. Правовой статус Государственной думы и Государственного совета Российской империи в 1906–1917 гг.: парламентское правление или псевдоконституционализм? // История государства и права. 2004. № 4. С. 4.

1907 г. установил в России псевдоконституционализм, поэтому революция 1917 г. была неизбежна.

Ни спад революционного движения, ни избирательная реформа, временно снимавшие напряженность политической обстановки, не могли устранить внутренних, органических противоречий «нового строя», в полной мере отражавшихся в самосознании правящей бюрократии. Разразившаяся в стране революция стала наглядным доказательством отсутствия у самодержавия достаточно прочной социальной опоры и создание Государственной думы вместо того, чтобы восполнить этот недостаток, лишь явственнее его обозначило. Впрочем, Дума, «придуманная» в том виде, как она появилась, самим правительством, едва ли вообще могла обеспечить реальную поддержку в обществе.

После безболезненного роспуска I и II Дум наличие у «народного представительства» прочных корней вызывало в правящих кругах все большие сомнения. Тем самым «новый строй» не столько расширял социальную опору самодержавия, сколько создавал иллюзию этого расширения, значительно усложняя при этом систему государственного управления. В результате, хотя общественное движение после 1905 и вплоть до 1915-1916 гг. становилось все слабее, а партии постепенно рассыпались, у государственной власти, как ни странно, к 1917 г. оказалось еще меньше авторитета и средств для борьбы с революционным сопротивлением, чем 12 лет назад. Спасти страну от дальнейших потрясений «новый строй», возникший в ходе Первой русской революции, оказался не в состоянии.

Стучавшаяся в дверь революция с началом Первой мировой войны (1 августа 1914 г.) остановилась у порога, но уже, с конца 1916 г. Россия напоминала вулкан накануне извержения.

Контрольные вопросы

1. Дайте определение абсолютизма, соотнесите его с понятием «самодержавие».

2. Перечислите предпосылки установления абсолютной монархии в России, назовите ее основные черты и особенности.

3. Составьте характеристику личности Петра I, полемизируя или соглашаясь с мнением его современников:

«И верно сказано: «Рыба с головы гниет. Сам царь бесчинству этакому начало положил. Нарек себя Петр I... Но первый – значит прежде него никого и не было на Москве? Сие – явное безумие, и божья народу за грехи его...: колокола со святых церквей снимал и на пушки переливал, чин патриарший себе присвоил, стольный град отцов своих покинул и вертеп себе на болоте воздвиг, сам табак курил, иноземное платье носил, на иноземке безродной женился... Нарек себя язычным чином «император»... Тут бы и с престола его свести! Нет, не сообразили люди русские! Значит достойно себя оказали высшей кары Господней!»

4. Каковы особенности модернизации России?

5. Назовите основные черты имперской модели развития России.
6. Дайте характеристику особенностей «имперства» России.
7. Каковы причины проводимых в 60-70 г.г. XIX в. реформ и их оценка?
8. Назовите истоки «русского социализма», дайте его характеристику.
9. Можно ли назвать движение народников популистским?
10. Дайте характеристику «нового строя» в России.
11. Перечислите основные позиции исследователей по данному вопросу.

Тема 5. ОТ МОНАРХИИ К ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЕ

Февраль 1917 г.:
формирование новой
государственной
системы

В конце февраля 1917 г., на третьем году мировой войны пал царский режим. Решающие события революции – стачки рабочих, общепартийные демонстрации, столкновения с полицией произошли не только в Петрограде, но и во всей стране, не нашлось сил, способных встать на защиту самодержавия. Революция произошла стремительно. Реформы начала XX в. не решили ни аграрный, ни национальный, ни рабочий вопросы. Мировая война, кризис экономики, беспомощность самодержавия ускорили буржуазно-демократическую революцию.

Государственный аппарат царизма разлагался катастрофически быстро, устои самодержавия были подорваны, да и «распутинщина» немало этому способствовала.

Революция отбросила расчеты либеральных руководителей Государственной думы, которые хотели ограничиться введением «ответственного министерства».

Распущенная 25 февраля «на перерыв в заседаниях» Государственная дума двумя днями позже собралась на неофициальное заседание и образовала так называемый Временный комитет во главе с М.В. Родзянко, который, по согласованию с Петроградским советом, создал правительство, получившее позже, 10 марта, название Временного. Как говорилось ранее, вплотную встал вопрос об отречении Николая II, который подписал его за себя и за своего сына цесаревича Алексея в пользу брата, Великого князя Михаила. Михаил 3 марта подписал отказ от трона, заявив, что займет его, если на то будет воля народа, выраженная Учредительным собранием¹. Бывший император в своем дневнике записал: «Оказывается, Миша отрекся... Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость».

Вразрез с таким изложением исторических фактов идет достаточно спорное утверждение автора учебника по конституционному праву России: «Конституционная монархия в России была легитимно свергнута»². Настораживает словосочетание «легитимно свергнута». «Законный» и «свергнуть» – термины разнопорядковые; к тому же до событий февраля 1917 г. в лучшем случае можно говорить лишь о монархии дуалистической.

¹ Российское законодательство X–XX веков. Т. 9. – М.: 1994. С. 126–127.

² Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. – М., 1998. С. 38.

Февральская революция воспринималась общественностью как общенациональная демократическая: известный монархист Шульгин В.В. писал: «...нельзя было найти несколько сотен людей, которые бы сочувствовали власти»¹. Даже Святейший Синод объявил государственный переворот (этот термин употреблялся по отношению к Февралю чаще, чем революция) «волей Божьей».

Значение Февральской буржуазно-демократической революции для России заключалось в едва ли не уникальной в истории страны попытке реформировать государство последовательно парламентским законосообразным стилем на либерально-эволюционной основе.

В ходе революции возникло два источника общероссийской власти – Временное правительство и орган восставшего народа – Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Советы с помощью вооруженных масс стали властью фактической, смогли пустить заводы и транспорт, наладить выпуск газет, бороться с бандитизмом и спекуляцией.

Однако формально юридически власть принадлежала Временному правительству: оно ведало назначениями, издавало воззвания и декреты, которые обретали силу закона при поддержке Петросовета.

В сравнении со странами Запада буржуазно-демократическая революция в России была запаздывающей. Если к тому же принять в расчет господство патриархального уклада, слабость буржуазии, наличие углубляемого войной общенационального кризиса, можно понять, что отечественная буржуазия не имела шансов на единовластие. Дальновидным тактическим шагом либеральной буржуазии было установление функционального управленческого союза с советскими организациями: для либералов открывалась возможность демонстрировать потенции демократического парламентского эволюционизма; для трудящихся намечалась возможность постепенного подключения к компетентному социально ответственному руководству, минуя издержки революционно-карательных, диктаторских приемов слома наличной госмашин, насильственных актов общественного обустройства.

Возникшее двоевластие составило главную особенность буржуазной республики в России – непродолжительного, но самостоятельного этапа развития российской государственности. Существование двоевластия было обусловлено во многом тем, что реальная социальная база власти противоречила чисто буржуазному характеру революции: она была гораздо шире. «Классовый источник двоевластия и его классовое значение состоит в том, что русская революция марта 1917 г. не только смела всю царскую монархию, не только передала всю власть буржуа-

---

¹ Шульгин В.В. Дни. 1920. – М., 1998. С. 178.

зии, но и дошла вплотную до революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства»¹.

Военный министр Временного правительства А.И. Гучков писал в начале марта 1917 г. командующему М.В. Алексееву: «... можно прямо сказать, что Временное правительство существует лишь пока это допускается Советом рабочих и солдатских депутатов...»². По мнению некоторых авторов, есть основания говорить о Февральской революции не как о чисто буржуазной, а как о буржуазно-пролетарской. Такое построение, безусловно, ломает многие устоявшиеся историко-правовые стереотипы, но оно могло бы объяснить многие противоречия одного из самых запутанных периодов истории российской государственности³.

«После свержения царской власти 27 февраля 1917 года, – вспоминал Ленин, – Россия управлялась в течение приблизительно 4 месяцев как свободная страна именно посредством открытой борьбы свободно образуемых партий и свободного соглашения между ними»⁴.

В Февральской революции проступила весьма показательная для российских правящих элит тенденция – в соответствующий момент производить обмен пространства (геополитический потенциал) на власть. О сдаче столицы немцам с гарантией удержания власти помышлял Родзянко, аналогичную акцию с идентичной мотивацией планировал Керенский. Функционировавший за счет поддержки германской стороны предводитель большевиков Ленин, упрекая Керенского в непатриотическом замысле, спустя время действовал однотипно (Брестский мир).

О сущности нового строя Временное правительство говорило осторожно: провозглашалась политика созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, тайного и прямого голосования, «которое установит форму правления и конституцию страны».

В течение семи месяцев 1917 г. Временное правительство являлось высшим органом государства по вопросам законодательного управления, суда и надзора. Оно заменило верховную власть свергнутого самодержавия, взяло на себя функции Совета министров и Государственной думы. При этом по возможности постарается сохранить старую законность: действовала большая часть статей 16-томного свода законов Российской империи.

Весь период с марта по октябрь 1917 г. был отмечен энергичной деятельностью правительства по реорганизации госаппарата, который

---

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 154.

² Цит. По: Лукьянова Е.А. Российская государственность и конституционное законодательство в России (1917–1993 гг.). – М.: 2000. С. 22.

³ Там же.

⁴ Ленин В.И. Полн. собр. соч. т. 34. С. 58.

увеличился в несколько раз, но четкая концепция государственного устройства страны отсутствовала.

Временное правительство предприняло действия по замене государственных символов.

На государственной печати появилось иное изображение двуглавого орла, придавшее ему более мирный вид. Крылья орла были опущены. Он лишился символов монархической власти – корон, державы и скипетра. Внизу в овальной рамке красовалось изображение Таврического дворца. По кругу печати шла надпись: «Российское Временное Правительство». Такое же изображение появилось на медалях. Монархические эмблемы исчезли с орденов.

12 марта редакция «Русской музыкальной газеты» выступила с инициативой составить новый гимн. Первым поступило предложение В.И. Чешихина, который решил использовать мелодию Д.С. Бортнянского «Коль славен». Многие выступали за «Славься» М. Глинки. Предлагалась и мелодия «Гимна берендеев» из «Снегурочки» Н.А. Римского-Корсакова.

Композитор А.Т. Гречанинов написал «Гимн свободной России» на слова поэта К.Д. Бальмонта:

Да здравствует Россия, свободная страна!
Свободная стихия великой суждена!
Могучая держава, безбрежный океан!
Борцам за волю слава, развеявшим туман!
Да здравствует Россия, свободная страна!
Свободная стихия великой суждена!
Леса, поля, и нивы, и степи, и моря,
Мы вольны и счастливы, нам всем горит заря!

В противовес монархическим символам революция активно использовала красный цвет: транспоранты, банты, косынки, повязки, юбки, а над Зимним дворцом – красное знамя. По стране прокатилась волна переименований. Города, носившие имена членов дома Романовых, корабли, улицы, станции, учебные и научные учреждения, были немедленно переименованы. Затем настал черед ближайшего окружения последнего русского царя. В Киеве и Сибирске варварски разрушили памятники П.А. Столыпину. Началась смена названий проспектов, площадей, улиц и т.д. По воспоминаниям современников, слова «Родина», «Отечество» и даже «Россия» стали почти непреличными и из употребления на митингах были совершенно изъяты». Временное правительство не предпринимало никаких попыток изменить эти настроения и даже подыгрывало им.

Западническое содержание идеалов, помноженное на условия постоянной борьбы с самодержавием, привело, по словам известного философа Г.П. Федотова, к болезни «антинационализма»: «Все, что было

связано с государственной мощью России, с ее героическим преданием, с ее мировыми или имперскими задачами, было взято под подозрение, разлагалось ядом скептицизма. За правительством и монархией объектом ненависти становилась уже сама Россия, русское государство, русская нация¹.

Стремительное крушение самодержавия в первые месяцы революции привели к радикализации масс. Требования решения тех или иных вопросов были все настойчивее: общество находилось в условиях кризиса, обостренного мировой войной и ослабившего традиционную российскую государственность. Либерально-парламентские методы управления, исключение массового насилия из арсенала используемых социальных технологий предопределили поражение правительства в конфронтации с большевиками.

Октябрь 1917 г.;

предпосылки и сущность

Новый этап в развитии государства и права России связан с Октябрьской революцией 1917 года. Это яркое и трагическое историческое событие получило отражение в отечественной и зарубежной литературе – сборниках документов, научных исследованиях, мемуарах, но последующие десятилетия высвечивали все новые и новые его грани, предлагалось свое понимание «правды», объективности и полноты отражения события, пытались воссоздать гигантское полотно революции. Революция 1905–1907 гг. обнажила целую группу острейших противоречий, для анализа природы которых их необходимо сгруппировать. Обоснованным будет выделение групп, объединенных по характеру их противоречий и остроте.

«Верхний» ряд противоречий составляли те, которые были вызваны необходимостью преодолеть ставшее опасным отставание страны от передовых индустриально развитых стран (в области технологии, науки, производительности труда, квалификации кадров, общей культуры населения, уровня потребления и т.д.). Они обуславливали необходимость свершения Россией очередного исторического «скачка». Передовые силы России понимали необходимость уничтожения замкнутости, изоляционизма. Главными их противниками выступали абсолютизм, остатки феодализма в деревне, на окраинах.

Второй ряд противоречий отражал специфику, особенности России, ее исключительную многоликость. Острейшими были противоречия между крестьянами и помещиками, наемными рабочими и предпринимателями, городом и деревней, центром и окраинами и т.д. Но центральным был все ярче проявлявшийся разрыв между самодержавной формой правления и интересами прогрессивных слоев населения.

---

¹ Цит. по: Сенин А.С. История российской государственности. – М.: Владос, 2003. С. 137.

Третья группа противоречий – временных – была порождена тяготами и бедами мировой войны. Огромные жертвы, экономическая разруха, усталость сужали социальную базу самодержавия. Эта группа противоречий была ограничена узкими хронологическими рамками войны, но вполне могла поспорить с двумя предыдущими по степени внесения распада, сыграв роль своеобразного детонатора.

Наряду с объективными моментами важное значение имели определенные субъективные факторы. Среди них нужно отметить широкую популярность в обществе социалистических идей. Идеи социализма, рожденные в России еще в XIX веке, а также заимствованные на Западе, прежде всего марксизм, стали к началу века модой у российской интеллигенции. Они нашли отклик и в более широких народных кругах, что было связано в большей мере с многовековыми общинными традициями русской деревни. Так или иначе, но распространенность социалистических идей можно просчитать в 1917 г. вполне математически и притом по объективному показателю: на выборах в Учредительное собрание все социалистические партии, вместе взятые, получили 85% мандатов, в то же время главная партия буржуазии – кадетская – получила всего 5%. Конечно, представления о социализме были у людей весьма туманными и к тому же различными, но в целом эта идея, как видим, охватила широчайшие круги населения.

Другим субъективным фактором явилось наличие партии, готовой повести массы на революцию – партии большевиков. Эта партия, не самая большая по числу членов (у эсеров численность больше), тем не менее была наиболее организованной, целеустремленной, знавшей, что она хочет. Руководство Коммунистической партии чутко следило за обстановкой, своевременно реагировало на настроения масс, оперативно выдвигало соответствующие лозунги, не брезгуя заимствовать их у своих политических противников.

Наконец, важным субъективным фактором было наличие у большевиков сильного руководителя, авторитетного как в самой партии, так и в народе, сумевшего на несколько месяцев после февраля стать настоящим вождем, – Владимира Ильича Ульянова (Ленина). С первых своих дней Октябрь оказался в центре мировой политической борьбы, в гуще непримиримых бурных страстей. Премьеры и министры, генералы и сенаторы в большинстве стран мира проклинали революцию и созданный ею строй как нечто ужасное, сатанинское. В то же время и в тех же странах многие великие писатели, пылкие революционеры и либеральные мыслители приветствовали ее, как зарю новой жизни.

В самой России на протяжении десятилетий Октябрь прославлялся как величайшее событие мировой истории. Во время перестройки, в 1987–1991 гг., развернулась ожесточенная критика Октября, достигшая апогея и ставшая официальной линией после августа 1991 г. Надежды на

быстрый успех перехода России к рынку подогрело негативное восприятие Октября и всего советского периода.

Неудачи реформ привели к новому повороту в общественном сознании. В 1993–1995 гг. маятник качнулся в другую сторону. Все больше и больше людей стали вновь говорить о прогрессивности Октябрьской революции и советского строя. При обилии позиций и точек зрения определяются две противоположные оценки:

1. Октябрь – самое великое событие мировой истории и уж во всяком случае XX в. Революция 1917 г. – это народная революция, которую совершило большинство народа при руководящей роли рабочего класса и его партии. 70 послереволюционных лет – время быстрого подъема, когда Россия преодолела отсталость, стала одной из двух величайших держав. Реформы середины 1980-х – 1990-х гг. разрушили страну, отбросили ее далеко назад. Революция 1917 г. – переворот, совершенный кучкой фанатиков-большевиков, которые воспользовались тем, что старая власть в феврале была разрушена, а новая власть не закрепилась.

2. Революция нарушила естественный ход истории, породила кровавую диктатуру, террор, вовлекла Россию в эксперимент, разрушивший страну. 70 лет советской власти – годы черного безвременья, только после 1991 г. Россия стала подниматься с колен.

Между этими крайними точками зрения существует множество промежуточных, переходных, компромиссных оценок, множество нюансов и оттенков.

Видимо, никогда в этом вопросе не будет достигнуто единства, никогда не наступит согласия, да в консенсусе нет необходимости. Достаточно сослаться на пример французской революции 1789 г., в оценке которой и через 200 с лишним лет продолжают споры, существуют самые различные точки зрения.

Необходимо четко и правильно определить соотношение значения Октября и последующей истории России.

Октябрь – начало всех начал в истории России XX в. Современные события в России непосредственно или опосредованно порождены Октябрем. Но в то же время неправильно прямое отождествление самого Октября с последующими явлениями. Многие правильные идеи и начинания Октября были в дальнейшем искажены, забыты, трансформированы, отброшены. В практику следующих лет были привнесены постулаты, никакого отношения к Октябрю не имеющие и даже противоречащие ему. Жизнь отбрасывала революционный романтизм, вносила коррективы, идущие от прагматизма.

Диалектическая сложность состоит в определенном парадоксе: Октябрь неотделим от последующего, оно неотделимо от Октября, но не предопределено Октябрем.

Например, Сталин порожден революцией 1917 г., но революция совершалась не для того, чтобы породить Сталина. Он говорил, что продолжает ее, а на деле трансформировал революционные идеи в своих интересах.

Эта парадоксальность в соотношении революции и ее продолжения не отмечалась ранее в работах советских историков. Новый подход состоит, в частности, в том, чтобы отразить диалектичность сочетания Октября и последующей советской истории.

В советской историографии вся предшествующая история России рассматривалась прежде всего как история революционного движения, неуклонно подводившего страну к Октябрю, как предыстория Октября. Настойчиво проводилась мысль о том, что трудящиеся России всегда боролись за освобождение от гнета эксплуататоров и, наконец, в Октябре добились заветной цели, положив начало совершенно новому этапу истории страны.

Действительно, Октябрь круто повернул руль исторического развития, разрушил многие старые экономические, социальные, политические, культурные структуры, создав принципиально иные.

Таким образом, новое в изучении Октября заключается и в том, что революция как таковая тесно связывается со всей предшествующей историей России, рассматривается как часть своеобразного российского исторического процесса.

Была ли альтернатива тому пути, который сделал Октябрь неизбежным? Альтернативы существуют всегда. Любая революция (коль скоро речь идет о революциях) может остановиться на половине пути, на трети или четырех пятых его (кстати, как определить, где конец пути?), может свернуть влево или вправо. Дело не в количестве вариантов и возможностях альтернатив и их теоретическом обосновании, а в их реальности.

Можно ответить с уверенностью, что путь перевода революции на мирные, эволюционные, демократические, парламентские рельсы имел после Февраля 1917 г. твердую почву. Народ получил полную политическую свободу, существовало демократическое правительство, функционировали более или менее представительные учреждения (Советы, Предпарламент), активно действовали достаточно мощные политические партии, отстаивавшие парламентскую демократию. Однако реально существовавшая демократия не сумела разрешить противоречия жизни, ответить на народные требования. Демократия была атакована и слева, и справа. Главная причина падения демократии – нарастание поляризации в обществе, усиление противостояния. Массы не были удовлетворены достигнутым, их радикализация происходила с огромной быстротой и приобретала под влиянием политической агитации целенаправленный, классовоотчетливый характер. Считая, что на пути к на-

родной власти, прекращению войны, получению земли, взятию под контроль промышленных предприятий стоят контрреволюционные, классово-враждебные силы («вековые угнетатели», «паразиты»), массы готовы были добиваться своего с помощью насилия. С другой стороны, высшие и средние слои общества – офицерство, чиновничество, значительная часть интеллигенции, зажиточное крестьянство, владельцы промышленных предприятий готовы были защищать свои права. Но одна их часть пришла к выводу о необходимости ответить на насилие насилием, другая стремилась к наведению порядка без насилия. Единства между защитниками порядка не было. Попытка сторонников насилия справа (корниловский мятеж) была отбита демократическими противниками насилия. Это упрочило позиции сторонников насилия слева, опиравшихся на все продолжавшуюся радикализацию масс.

Взятие власти в октябре было актом насильственным, что никогда не отрицалось самими большевиками. Жертвы, конечно, были, но в принципе не так уж важно, сколько погибло в Петрограде 7–8 ноября (25–26 октября) 1917 г. (в те дни павших было немного). Важно то, что была вооруженная борьба. С еще большей наглядностью это предстает на примере всей страны. Здесь переход власти в руки Советов был сложным, относительно длительным и повсеместно сопровождался ожесточенным противостоянием. Советы под руководством большевиков и левых эсеров брали власть и жестоко подавляли противников, отступавших с сопротивлением или без оногo. Октябрь стал логическим развитием событий и явлений лета и осени 1917 г., те, в свою очередь, упираются в Февраль, а обстоятельства, обусловившие Февральскую революцию, уходят своими корнями в предшествовавшую историю России. Результатом событий Октября 1917 г. явилось возникновение Советского государства, которое было юридически оформлено Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов.

**Становление
большевистской
государственности. Слом
буржуазного и создание
советского государствен-
ного аппарата**

Марксистское учение исходило из положения, что победа пролетарской революции должна привести, во-первых, к слому старого буржуазного государства, непригодного для новых целей; во-вторых, установлению диктатуры пролетариата; в-третьих, к соединению законодательной и исполнительной властей в одном органе государства. Процесс слома старых и создание новых государственных органов шел одновременно. При этом надо различать юридическую и фактическую стороны данного процесса. Еще в ходе восстания в октябре 1917 г. было низложено Временное правительство и ликвидирован так называемый Совет республики – «Предпарламент», образованный сентябрьским демократическим совещанием. Большую роль в становлении советского государства сыграл, как уже

говорилось, II Съезд советов, но отказаться от созыва Учредительного собрания, на которое возлагалось столько надежд, большевикам было непросто. Однако после подсчета голосов выяснилось, что из 44 млн российских граждан, принявших участие в выборах, 50% проголосовали за эсеров в выборах, 17% – за кадетов; большевики получили 24% голосов. 5 января 1918 г., в день открытия собрания, Таврический дворец был окружен вооруженными матросами и красногвардейцами.

Открывшееся Учредительное собрание отказалось признать государственную власть Советов и объявило Россию демократической республикой. Не согласившись с этим, большевики в ночь на 6 января покинули заседание. Вслед за ними ушли и левые эсеры, что сразу породило организационный кризис. Практически Собрание перестало быть работоспособным органом. 6 января 1918 г. ВЦИК принял декрет «О роспуске Учредительного собрания», и оно прекратило свою деятельность.

Наших дедов мечта невозможная,
Наших героев жертва острожная,
Наша надежда и воздыхание...
Что мы с ним сделали?...

Так писала о разогнанном Учредительном собрании Зинаида Гиппиус.

Надо сказать, что история Учредительного собрания до конца не исследована. Долгие годы разгон большевиками Собрания в работах историков оправдывался, в последнее время эта акция подвергнута резкой критике. Очевидно, что Учредительное собрание нельзя считать органом буржуазии, принятые резолюции Собрания намечали социалистические перспективы, но это социалистическое большинство включало самую разношерстную массу населения, что определяло неизбежную внутреннюю борьбу.

В последнее время появляются высказывания, что Учредительное собрание в тех условиях было нежизнеспособно, что не позволяет говорить о наличии альтернативы развития России в январе 1918 г.

Разгон первого в российской истории парламента, избранного на основе всеобщего равного избирательного права, был по существу актом гражданской войны, однако всеобщего возмущения не последовало. Сказались и отсутствие в России прочных традиций парламентской демократии, и разобщенность избирателей, и усталость от войны, нарастающей разрухи и политической неопределенности.

На смену старым пришли принципиально новые высшие органы. В соответствии с решениями II съезда Советов верховным органом советского государства стал Всероссийский съезд Советов, в перерывах между съездами – ВЦИК. Для управления страной избран Совет Народных

Комиссаров, высшие органы отраслевого управления – народные комиссариаты.

Власть на местах принадлежала областным, губернским, уездным и волостным советам, а также городским и сельским советам. Созданием в апреле–мае 1918 г. комбедов и продотрядов советское правительство ввело продовольственную диктатуру и предъявило ультиматум деревне, сельским советам. По сути, это первое крупное политическое столкновение на почве советской власти.

Второй фронт борьбы – национальные районы, где советы трансформировались в местные национальные, органы власти, возглавившие борьбу за автономию, отделение от России. Этот этап «разбегания» советов был естественным и логическим, отражая все богатство содержания Октябрьской революции. Он вмещал в себя и победу советов, и их поражение, так как рушилась большевистская идея диктатуры «народа» через Советы, власть которых превращалась в формальность.

Острые противоречия разъединили городские советы центра и периферии, губерний и уездов. Они различались по партийному составу, программами и методам работы. Дорогу к унификации Советов прокладывали ревкомы. ВЧК (Всероссийская чрезвычайная комиссия), партячейки, армейские командования (главным образом, методом силового давления), что обеспечивало относительное единство этой ветви советской власти.

В этих специфических условиях соответственно формировались принципы взаимоотношений партийных и советских органов: организующая роль большевиков, ярко проявившаяся при передаче власти советам, после Октября закрепилась по всем линиям: в руководстве Совнаркомом, в деятельности ВЦИК, в подборе кадров для всех уровней управления. С каждым месяцем Советы все больше «приручались», фактически заняв место «приводного ремня» от партии к массам.

В марте 1918 г. на VII съезде Российской Коммунистической партии большевиков (РКП(б)) впервые прозвучала идея о необходимости передвиги власти от Советов к партии. Сначала казалось, что четко определены функции тех и других, но причина была иная: устанавливалась однопартийная система, менялась природа советской власти.

В течение 1918 г. многопартийная система советов была разрушена, а советы превратились из органов, определяющих политику, в исполнительные органы.

Взяв курс на ликвидацию социалистических партий, закрывая издания меньшевиков, эсеров, большевики отказались от политического плюрализма.

Уже в 1918 г. реальной властью начали становиться местные комитеты большевистской партии. Они определяли состав исполнительных комитетов, издавали распоряжения, обязательные для советов, в ряде

случаев даже распускали советы, требуя выбирать в новые только бедняков и коммунистов.

Государственные функции стали выполнять и массовые организации трудящихся – профсоюзы, как элемент советской политической системы. Аналогичные процессы шли и в отношении государства ко всем другим общественным организациям. Фактически на смену власти советов пришла власть большевистской партии, точнее ее руководства – диктатура не пролетариата, а власти.

В широко открытые ворота новых органов управления хлынула и волна «романтиков» революции, и привычных к политической работе партработников, и всякого рода властолюбцев, готовых служить во имя материальных льгот.

Специфические критерии отбора кадров по степени преданности идее, по социальному происхождению («из бедняков») быстро формировали у представителей властных структур дух замкнутости и корпоративности. Представители партийных, советских, военных и прочих органов сплывались в своеобразный «орден», который постепенно обрывал обратные связи, выводя своих членов из-под контроля масс. Власть в руках новой элиты становилась их первой формой собственности, определяя материальный достаток (в ту пору относительный), привилегии, авторитет. Из этой группы формировался новый господствующий класс, все его основные черты были уже налицо. Большевистская партия стала после Октября 1917 г. партией власти по своей функции, а затем стала ею и по составу. Партийным решениям придавалось значение законодательных актов, все чаще стали приниматься совместные постановления правительственных и руководящих органов по наиболее важным вопросам. Однако для понимания значения Октября необходимо рассматривать его на фоне всемирной истории, причем не в узком смысле революционного движения, а в широком комплексном значении.

Контрольные вопросы

1. Каковы противоречия модернизации России во второй пол. XIX в.?
2. Назовите представителей российской политической оппозиции, начиная с русских просветителей.
3. Определите сущность концепции «русского социализма».
4. Объясните причины популярности марксизма в России в конце XIX – нач. XX вв.
5. Каковы критерии классификации политических партий в России? Приведите примеры.
6. Каковы предпосылки революционных событий (1905–1907 гг.)?
7. Назовите различные оценки установившегося в России в нач. XX в. строя.

Тема 6. ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ПЕРИОДА СОЦИАЛИЗМА

Советское государство
и право. Методология,
историография проблемы

Советский период нашей истории – один из сложнейших для понимания. В России переосмысление прошлого происходило под влиянием сильных критических настроений в отношении как дореволюционной «имперской» традиции, так и советского «коммунистического тоталитаризма» в XX в. Фактически подрывались традиционные представления об истории России, о значении российской (или русской) цивилизации, о роли русских в развитии государства и их влиянии на другие народы бывшего СССР и Российской империи. Вместе с резкой критикой со стороны «освободившихся» и «возрождающихся» наций это породило явление, которое некоторые авторы называют «кризисом национальной идентичности» русских.

В нашей науке справедливо осужден тезис о том, что истина – «это политика, опрокинутая в прошлое». В то же время нельзя отрицать, что современность оказывает значительное влияние на выбор сюжетов в изучении прошлого, заставляя обращать внимание на темы, вызывающие по тем или иным причинам особый общественный интерес¹. XX в. действительно стал свидетелем попыток воплощения на практике различных идей, главной из которых было строительство социализма в СССР. Сегодня на Западе бурно обсуждается вопрос о том, что представлял собой советский социалистический эксперимент, какое отношение он имел к широко распространенной сегодня теории модернизации и ее роли в историческом процессе. Одномерное «гулаговское» измерение не может показать весь спектр взглядов и концепций.

Неудача горбачевских реформ, осуществляемых в рамках расплывчатого замысла «перестройки», имела трагические последствия как внутри страны, так и вне ее: лозунг возвращения к общечеловеческим ценностям постепенно трансформировался в воспевание западной цивилизации и тотальную критику всего, что было связано с советским прошлым. История использовалась как оружие его дискредитации по всем параметрам экономической, социальной и политической жизни, ведущей к насаждению представления о собственной неполноценности и необходимости использования другого, главным образом западного опыта, начиная с экономики, организации власти, завершая духовной жизнью. Вместо осмысления достигнутого уровня и характера советской модернизации было зафиксировано ее отсутствие. Советское общество было отнесено к типу традиционных. Наблюдались попытки

---

¹ См.: Россия на рубеже XXI века. – М., 2000.

интерпретировать его в терминах рабовладельческих деспотий, римского домината, феодальных монархий, восточных империй и пр., а тоталитаризм стал единственным ключом к пониманию и объяснению советского прошлого.

Реформы в России проводились под знаменем разрушения «тоталитарного монстра», сложившегося в СССР. Утверждались неверные, пришедшие с Запада штампы, вроде определения Советского Союза как «Империя зла», «Верхней Вольты с ракетами» и т.п. Советский вариант модернизации, осуществленный под эгидой тоталитарной власти, выдавался за вредный и тупиковый, принесший людям только беды и страдания. Процесс реформирования советской системы превратился в ее революционную ломку сверху всего и вся по западным рецептам, разработанным для отсталых стран «третьего мира».

Не преувеличивая достижений советского времени и не замалчивая свойственных ему перекосов, искривлений, преступлений власти, путем элементарного сопоставления советского общества с любой из других стран, можно прийти к выводу о том, что все обстояло далеко не так просто, как многим кажется на первый взгляд. Необходимо понять специфический цивилизационный аспект, в котором происходило экономическое, социальное, культурное наполнение модернизационных процессов в советский период.

Не раз говорилось, что в отношении к прошлому следует избегать идеологической тенденциозности и предвзятости, схематических изложений событий, лишенных культурно-исторического контекста. Попытка изобразить весь период после октября 1917 г. в черных тонах несостоятельна: ни один народ не примет такую историю, которая делает жизнь целого поколения людей бессмысленной. Как говорил поэт:

Поезд времени несет нас как вихрь.
Хорошо мне, что в меру таланта и сил,
Я не как пассажир этим поездом ехал,
А какой-то участок и сам проложил.

Объективный научный анализ столь сложного, сотканного из множества противоречий советского периода отечественной истории и культуры можно дать, только отрешившись от крайних политических пристрастий и односторонних мировоззренческих симпатий и антипатий. «Не проклинать, не осмеивать, а понимать» – этот не только мудрый, но и по-своему высоконравственный Спинозовский принцип может помочь тому, кто ищет истину, а не врагов. Отсюда – опора на все многообразие и богатство исторических фактов без какого-либо волюнтаристского изытия и «прополки», – нравятся они нам или нет. В ходе исторической реконструкции мы сможем воссоздать не мнимые, субъективно желаемые, а подлинные социальные, экономические, духовные,

пространственные, временные характеристики всего XX столетия, в том числе и советского общества, для их научной интерпретации. Любой исторический процесс всегда многомерен и многогранен, вбирает много политических интересов, сил и движений, захватывает сотни тысяч, а иногда и десятки миллионов людей: нельзя подходить к оценке исторических форм и явлений с одномерных позиций:

XX век – особый век для России и ее народов. Он вобрал в себя небывалые по масштабам потрясения:

- несколько войн, в том числе две мировые, гражданскую и «холодную»;
- создание государства трудящихся, а затем насильственная его ликвидация.

Вряд ли найдется еще одна такая страна в XX столетии, которая прошла бы через столь жестокие и многочисленные потрясения: только в войнах Россия потеряла не один десяток миллионов жизней, а утраты в сфере материальной и духовной культуры просто неисчислимы...

Следовательно, любой однозначный ответ – положительный или отрицательный – будет односторонним, а потому неверен. Только всесторонняя, диалектическая оценка поможет понять суть событий, происшедших в России в XX столетии, о котором в свое время поэт Б. Слуцкий писал:

Как много создано и сделано
Под музыки дешевый гром
Из смеси черного и белого
С надеждой, правдой и добром.
Свободу восславляли образы,

Сюжет кричал как человек, и пробуждались чувства добрые

В жестокий век.
В двадцатый век.

В истории новых независимых государств годы пребывания их народов в составе России (СССР) часто связывают если не с угнетением, то во всяком случае с подавлением национальной жизни. В этом свете отделение от СССР выглядит как акт «освобождения», обязательная предпосылка «национального возрождения». Однако из состава исторического Российского государства произошло выделение территорий, в хозяйственное, социально-культурное и политическое развитие которых вложили усилия все народы государства, и прежде всего русский. В этом плане перед современными россиянами стоит вопрос о том, что представляет собой «их» история в XX в. Среди обществоведов по этому поводу нет единства: с одной стороны – явно отрицательная оценка

нашего прошлого¹, а с другой – об СССР – «с любовью»²; Есть и попытка «примирить» позиции³.

Это – открытая книга, на страницах которой продолжается столкновение различных тенденций, мнений, суждений и взглядов. Неизбежно возникают в этой связи вопросы: насколько закономерен был тот финал советской истории, свидетелем которого стало мировое сообщество, насколько он коррелирует с нынешней российской действительностью, не означает ли он вообще конца истории России, зашедший в тупик исторического развития, не слишком ли поспешно подвела итог советскому социализму господствующая ныне в России идеология, не имеем ли мы дело с очередным примером «великого упрощения», к которому не перестала и сегодня не перестает прибегать историография в своем нежелании видеть грани и переходы, сложные хитросплетения исторических событий, их прямые и долговременные следствия? Поэтому установление смысла и значения советского опыта в истории страны имеет огромное значение для современной России и на долгое время обречено быть в центре внимания не только специалистов историков, но и широкой общественности.

Неверная оценка того, что в действительности случилось со страной в XX столетии, содержания и сути происходивших событий как в целом, так и на отдельных периодах и этапах его истории, в современной официальной идеологии, в программах различных партий и движений является одной из причин кризисного состояния российского общества, до сих пор не нашедшего для себя ориентиров на будущее⁴.

История советского социализма охватила три четверти XX в., но в литературе причины краха его рассматриваются зачастую «извне», а не «изнутри» пережитого опыта и его осмысления. Господствующей стала идентификация советского периода с историей ГУЛАГа, т.е. потоком непрерывных страданий и жертв, причиненных обществу жестоким и репрессивным тоталитарным режимом. Свою лепту в насаждении подобного взгляда в последние годы внесли и отечественные историки, хотя его происхождение имеет западные корни и не вяжется с той историографической традицией, в которой воспитывались ученые в советское время.

---

¹ Гольданский В.О. Эпитафия XX в. // Россия на рубеже XXI в. Оглядываясь на век минувший. – М., 2000.

² Кара-Мурза С. Советская цивилизация: В 2 кн. – М., 2002.

³ Данилов В.П. Возникновение и падение советского общества // Россия на рубеже XXI в. – М., 2000.

⁴ См.: Россия на рубеже XXI в. – М., 2000.

На протяжении последних лет неоднократно делались попытки обращения к теме об исторических корнях победы в революции 1917 г. и нынешнего поражения социализма в России. Чаще всего они не выходили за рамки политической публицистики и сводились к утверждению: «Большевики установили жесткую государственную диктатуру, которая рухнула под тяжестью собственной порочности. Теперь в России утвердилось демократия и мы выходим, наконец, на путь истинной (рыночной) цивилизации...».

Современные реформы стали фактом российской жизни, их социальные последствия проявились вполне отчетливо:

Россия возвращается на стадию первоначального (примитивного) накопления капитала, которое 80–90 лет назад вызвало взрыв народной революции, привело к власти большевиков и создало советское общество.

Причины, которые повлияли на формирование политической системы после октября 1917 г., состояли в следующем:

- 1) марксизм, которым руководствовались большевики, ориентировал их на классовую борьбу и «диктатуру пролетариата»;
- 2) сам факт революции, втянувшей в политику непролетарские слои населения;
- 3) война и разорение, потребовавшие усиления роли государства и его влияния на все без исключения стороны жизни;
- 4) минимум условий для социалистического строительства, что возлагало именно на государство и его госаппарат решение всех социально-экономических задач;
- 5) социально-классовая структура России, где рабочий класс составлял такое меньшинство, которое не имело шансов победить в революции и потому в союзники себе выбрало крестьянство¹.

Какое же государство собирались создавать большевики?

В первые месяцы после революции Россия была конгломератом территорий «самостийных» по существу. Только сильная центральная власть могла бы обеспечить восстановление разорванных хозяйственных связей, контакты с деревней, наведение порядка, то есть устойчивость государственного организма. Подталкивала к этому и усиленная войной тенденция к авторитарному управлению, надежды на вождя, на авторитет. Власть начала эволюционировать в направлении диктатуры, организационной формой которой стала власть советов. Новая система, пройдя период «самостийности» регионов, складывается в стройную систему советов.

Общинная система управления практически совпадала с системой организации и функционирования местных советов, являвшихся одно-

---

¹ Коржихина Т.П., Сенин А.С. Указ. работа. С. 164.

временно и органами местного самоуправления, и органами государственной власти, что в огромной степени облегчало повсеместное утверждение советской власти. Наследие традиционного общества проявилось в характерном сочетании весьма разнообразных форм самоуправления и социальной защиты в низах (не только в местных советах, но и на предприятиях, в колхозах, в культурных и научных учреждениях), с одной стороны, и авторитаризма в верхах – с другой. Революционная диктатура, осуществлявшаяся через систему советов, не исключала местного самоуправления, по крайней мере, до конца 20-х годов, когда сталинская «революция сверху» превратила все органы власти сверху донизу в исполнительные органы командно-репрессивной диктатуры новой бюрократии.

В первые послеоктябрьские годы были в основном заложены основы и сформирована система всех важнейших институтов социализма: массив актов, содержащих государственно-правовые нормы, более 500¹. Со временем концепция государственности меняется: Ленин был убежден, что партия большевиков как политическая сила способна повести народ к социализму, а советы – один из рычагов в руках партии для управления государством.

Впервые мысль о «передвижке» власти к партии большевиков прозвучала уже в марте 1918 г., но до 1922 г. государственный строй нес в себе разнородные черты: всевластие одной партии как результат устранения политических соперников, рождение сильной «наркоматской» власти, подминавшей под себя управление всеми областями государственной жизни. Две эти силы постепенно отодвигали на задний план конституционную законную власть в лице советов. Наряду с этим существовала еще одна «власть» – чрезвычайные органы (Совет рабочей и крестьянской обороны, ВЧК, ревкомы, комбеды и т.д.) и «чрезвычайщина» как метод управления. В итоге не получилось ни государства-коммуны, которое совмещало бы в одном органе функции законодательной и исполнительной властей, ни «диктатуры пролетариата». Стремление власти подчинить государственному регулированию все и вся вызвало к жизни две тенденции: высокие темпы количественного роста госаппарата и номенклатурный принцип подбора и расстановки кадров. С начала и до конца своего существования организация партийно-государственного управления была носителем и источником институционального кризиса, находившего выражение в постоянной «чрезвычайщине», переходившей от преодоления одного кризиса к другому, никогда не прерываясь и требуя репрессий для расправы с «врагами народа» и «подстегивая» самого народа. Возможность нормальной и

---

¹ См.: Хороший Н.Н. Источники советского государственного права на этапе становления социализма. – Томск, 1986. С. 93–94.

действительно эффективной деятельности исключалась, а эти два явления позднее легли в основание того, что условно будет названо административно-командной системой управления.

Индустриализация,
коллективизация
сельского хозяйства
и отражение этих
процессов в развитии
государства

Тщательное и внимательное изучение советской истории показывает, что главным в ее содержании была модернизация, понимаемая в самом широком смысле как индустриализация, движение к городскому обществу, религиозного мышления, изменение в идеологии и менталитете, а не ГУЛАГ, как пытаются нас сегодня уверить. Именно они составляли несущие конструкции советского социализма и вели к возрастанию сложности и многомерности советского общества.

Примером неверной оценки протекавших в советском обществе процессов является западная концепция модернизации «сверху», отрицание того, что она имела подпитку «снизу». Однако не только советские, но и многие современные исследователи, если они стремятся к объективности, должны сказать, что большевистская концепция построения социализма, индустриализация, культурная революция имели огромную социальную поддержку как необходимые составляющие модернизационных процессов.

Отличия социализма как способа модернизации состояли в том, что он обещал осуществить ее на базе марксистской идеологии, т.е. без эксплуатации человека человеком, без частной собственности, без тех последствий, лишений и жертв, которые принес людям капитализм. Если подобные идеи и были наивными и утопическими, это не меняет их объективной сути. Даже многие противники советского строя, не говоря уже о широких слоях населения, поддерживали в этом смысле модернизаторские устремления большевиков.

Под флагом строительства социализма в стране происходила трансформация революционной и разрушительной энергии, охватившей Россию в начале XX в., в созидательную мобилизацию общества, превращение государства из революционного штаба в рационально-бюрократический аппарат, решавший прагматические задачи. В изучении революции, да и последующих лет советской истории нужно постоянно учитывать, где оправданное и необходимое сопровождалось явлениями, которые не поддаются легким объяснениям с точки зрения современной логики и здравого смысла. Народохозяйственный комплекс в СССР нельзя оценивать только по экономическим критериям: его функционирование было подчинено политическим и идеологическим задачам. Большевистский социализм стал ужесточением интересной модели, которая реализовалась сейчас под иными идеологическими лозунгами.

Кардинальный вопрос – выбор способа индустриализации. Дискуссия об этом протекала трудно и долго, и ее исход предопределял характер государства и общества. Не имея, в отличие от России начала века, иностранных кредитов как важного источника средств, СССР мог вести индустриализацию лишь за счет внутренних ресурсов. Влиятельная группа (член Политбюро Н.И. Бухарин, председатель Совнаркома А.И. Рыков и председатель ВЦСПС М.П. Томский) отстаивали «щадящий» вариант постепенного накопления средств через продолжение нэпа, И.В. Сталин – форсированный вариант. В годы перестройки (в 1989 г.) было проведено моделирование варианта Бухарина современными методическими методами. Расчеты показали, что при продолжении нэпа был бы возможен рост основных производственных фондов в интервале 1–2% в год. При этом нарастало бы отставание не только от Запада, но и от роста населения СССР (2% в год). Это предопределяло поражение при первом же военном конфликте, а также внутренний социальный взрыв из-за нарастающего обеднения населения. Эти обстоятельства и определили курс на форсированную индустриализацию¹.

Темпы индустриализации были небывало высокими (а сегодня они кажутся невероятными): с 1928 по 1941 г. было построено около 9 тысяч крупных промышленных предприятий. Промышленность по отраслевой структуре, техническому оснащению, возможностям производства важнейших видов продукции вышла в основном на уровень развитых стран. Был осуществлен массовый выпуск самолетов, грузовых и легковых автомобилей, тракторов, комбайнов, синтетического каучука и т.д. Стала быстро развиваться оборонная промышленность с использованием оригинальных отечественных разработок.

Это было достигнуто через трудовое и творческое подвижничество всего народа при общем энтузиазме, по силе, сходном с религиозным. Однако условием и в какой-то мере следствием этого порыва был тоталитаризм – соединение общества жесткими «скрепами», которые из всех и из каждого «выжимали» все физические и духовные ресурсы. Одним из главных механизмов этой тоталитарной системы было государство, другим – идеология и общественное сознание.

Изрядно забытый сегодня В. Маяковский отразил пафос созидания и самопожертвования наших прадедов в одном из своих произведений:

Темно свинцовоночие и дождик
Толст как жгут.
Сидят в грязи рабочие, сидят,
Лучину жгут.
Сливеют губы с холода,
Но губы шепчут в ряд:

---

¹ Кара-Мурза С. Советская цивилизация. Кн. 1. – М., 2000. С. 384.

Через четыре года здесь будет
Город-сад!

Для осуществления радикальной модернизации сельского хозяйства теоретически существовало два пути. Один путь – ликвидация очагов капиталистического хозяйства (кулаков) и образование крупных механизированных коллективных хозяйств. Другой путь – постепенное развитие трудовых единоличных крестьянских хозяйств с их кооперацией в «естественном» темпе – по всем расчетам оказался слишком медленным. После срыва заготовок хлеба в 1927 г., когда пришлось пойти на чрезвычайные меры (твердые цены, закрытие рынков и даже репрессии), и еще более катастрофической кампании хлебозаготовок 1928/1929 г. вопрос должен был решаться срочно. Чрезвычайные меры при заготовках в 1929 г., воспринятые уже как нечто совершенно ненормальное, вызвали около 1300 мятежей. В 1929 г. карточки на хлеб были введены во всех городах.

Путь на создание фермерства через расслоение крестьянства был несовместим с советским проектом, но главное, он был нереальным, так как пробуждал те же источники сопротивления, что парализовали реформу Столыпина и погубили Временное правительство. В новых условиях шансов на успех буржуазного пути было еще меньше, чем в 1906–1914 гг. Был взят курс на коллективизацию. Это предполагало и ликвидацию кулачества «как класса».

Именно в ходе этой реформы были, видимо, допущены самые принципиальные ошибки с самыми тяжелыми последствиями за весь советский период.

Коллективизация виделась как возрождение и усиление общины. Вскоре, однако, оказалось, что обобществление заходит так далеко (в колхоз забирались рабочий и молочный скот, инвентарь), что основная структура крестьянского двора рушится. Возникло сопротивление, затем административный нажим, а потом и репрессии. Много было написано о «перегибах» в коллективизации: вопреки намеченным в центре темпам местные парторганизации, а с ними и органы власти стремились силой загнать крестьян в колхозы за невероятно короткий срок, развивая при этом огромную энергию и упорство. «Разверстка» на число раскулаченных означала предельные цифры («раскулачить не более 3% хозяйств») – но они во многих местах перевыполнялись. Поскольку непосредственно коллективизацией на местах занималось не менее миллиона партийных и советских работников, речь идет о массовом явлении, которое нельзя объяснить карьеризмом отдельных чиновников. Перед нами явление, отражающее то самое состояние людей, которое и было движущей силой тоталитаризма, – массовая страстная воля выполнить признанную необходимую задачу, не считаясь ни с какими жертвами. Провал первого этапа в коллективизации как крупнейшей

программы советского государства по модернизации страны был столь тяжелым, что на его исследование и гласное обсуждение было, по сути, наложено табу. Это помешало извлечь важный урок. Те частные причины, которые обычно называют (слишком высокие темпы коллективизации, низкая квалификация проводивших ее работников, разгоревшиеся на селе страсти и конфликты, злодейский умысел Сталина), были недостаточны, чтобы объяснить катастрофу такого масштаба.

Между тем причина провала была фундаментальной. Тот тип колхоза, в которой пытались втиснуть крестьян, был несовместим с их представлениями о хорошей и даже приемлемой жизни. Не имея возможности и желания сопротивляться активно, основная масса крестьян ответила пассивным сопротивлением: уходом из села, сокращением пахоты, убоем скота. В ряде мест были и вооруженные восстания (с января до середины марта 1930 г. на территории СССР без Украины было зарегистрировано 1678 восстаний), росло число убийств в конфликтах между сторонниками противниками и колхозов.

Для оценки коллективизации полезно сравнить кризис становления и кризис ликвидации. Для колхозно-совхозного строя история дала нам это сравнение как чистый эксперимент. Кризис коллективизации привел к снижению производства зерна в 1931 г., 1923 и 1934 гг. по сравнению с 1929 г. на 3%. Засуха 1933 г. была стихийным бедствием, а затем производство стало расти и через пять лет коллективизации превысило уровень 1929 г. на 36%. Войдя после войны в стабильный режим, колхозы и совхозы довели производство зерна в 1986–87 гг. до 210–211 млн т., то есть увеличили его более чем в три раза (а молока, яиц, технических культур – в 8–10 раз).

Колхозный строй ликвидировали в 1991–1992 гг., с тех пор производство всех видов продукции стабильно снижается и упало вдвое. А главное – в отличие от 30-х годов нет никаких признаков оживления. В 1997 г. впервые в России в XX в. количество коров на 10 чел. упало ниже 1. Другим историческим провалом было снижение поголовья коров после массового забоя скота в 1933 г. (1,3 голов на 10 чел.). Количество овец и коз во времени коллективизации ниже всего упало в 1935 г. – до 2,6 голов на 10 человек, в «годы застоя» держалось на уровне 4,9, а в конце 1997 г. составило 1,3.

Таким образом, с начала 30-х гг. в СССР утвердилась модель социализма с присущими ей внешнеэкономическим принуждением, милитаризацией труда, командно-приказными методами управления хозяйством, репрессиями против «социально вредных элементов» и разветвленной партийно-бюрократической иерархией.

**Характерные черты
административно-
командной системы
управления, ее признаки**

Ужель загадку разрешили?

Ужели слово найдено?

Система управления государством, сложившаяся к 30-м гг. XX в., определялась в научной литературе по-разному: «красный тоталитаризм», «государственный или казарменный социализм», административно-командная система и др.

Исследователями руководит вполне понятное желание найти наиболее полное и точное определение конкретно-исторической реальности.

Наиболее распространенное понятие «командно-административная система» казалось некоторым авторам слишком узким: для многих же оно служило не более чем синонимом тоталитаризма¹.

Термин «тоталитаризм» и образованное от него прилагательное служат самым расхожим объяснением тому, что происходило в советской России в течение семи десятилетий ее бурной истории. При этом большинство тех, кто пользуется этими модными словами, даже не представляет себе, какое обилие объяснений, теорий и толкований скрывается за ними.

Очевидно, что любое сколь угодно развернутое определение само по себе не в состоянии ответить на принципиальные вопросы о сущности того режима, того политического строя, который возник в СССР и сохранялся в течение нескольких десятилетий советской истории (по крайней мере, в 1930–1950-е гг.)

Сам термин возник в конце 1920-х гг. в фашистской Италии. Его часто повторял Бенито Муссолини. Латинское «ин тото» означает «в целом», а итальянские слова «тотале», «тоталита» – «полный», «полностью охваченный», «совокупность». Другими словами, речь шла о государстве и обществе, полностью охваченными одной идеологией, фашистской разумеется, слившимися в едином стремлении к цели, определенной вождем, – в итальянском варианте он именовался дуче. Конечно, в таком государстве не могло быть ни оппозиции, ни демократических институтов, ни просто инакомыслящих...

Идеология, экономический и социальный строй фашистской Италии, нацистской Германии и советской России существенно различались между собой, однако механизмы и функции политической власти всех трех государств были разительно схожими.

Во-первых, тоталитарные режимы отличались объемом власти, стремлением контролировать не только действия, но даже эмоции и мысли населения как в политической, так и в частной сферах. Конечно, в той или иной мере такое стремление присуще любому политическому

---

¹ Голубев А.В. Тоталитарный режим в СССР: теория, споры, реальность / Преподаватель истории в школе. 2003. № 2.

режиму; разница лишь в степени этого стремления, в тех средствах, которые применяются для его реализации.

Объем власти, которого достигали тоталитарные режимы, был заметно выше обычного.

Высшей властью в СССР, например, считался Верховный Совет, но он собирался лишь дважды в год и покорно голосовал, поднимая руки. Гораздо важнее были партийные съезды, но и там все основное было сказано в руководящем докладе. Фактически вся власть в стране сосредоточивалась в партийной верхушке, в частности в Политбюро и в Секретариате Центрального Комитета партии, которые контролировали и НКВД, и КГБ, и армию, а также претендовали на то, чтобы контролировать мысли и дела всех граждан страны.

Под контролем партийно-государственного аппарата оказались все отрасли и уровни экономики, все общественные организации, начиная с комсомола и заканчивая обществом филателистов. Профсоюзы, вместо того чтобы защищать интересы наемных работников от нанимателя-государства, служили (по выражению Ленина) его «приводными ремнями», лишь изредка вступаясь в случае явной несправедливости, допущенной каким-либо представителем администрации.

Во-вторых, режимы этого типа возникают в результате массовых движений и способны в течение определенного (иногда весьма длительного) срока создавать себе массовую поддержку, мобилизуя общество или значительную его часть во имя единой – тотальной цели, имеющей общенациональное значение. В советской истории – это построение первого в мире справедливого, счастливого и богатого, социалистического, а затем коммунистического общества, цель, может быть, и недостижимая, но привлекательная. Основными характерными чертами административно-командной системы управления являлись следующие:

1. Умаление роли Советов, отстранение их от власти, подмена лозунга «власть трудящихся» на лозунг «власть для трудящихся». Участие же самих трудящихся в управлении государством превращалось в лозунг.

2. Выдвижение на первые роли государственного аппарата, его увеличение и сращивание с партийным аппаратом. Ни Конституция, ни правовая теория не предусматривали вмешательства парторганов в непосредственное управление всеми сторонами государственной жизни, общеизвестная «шестая статья» появится впервые лишь в Конституции 1936 г. как статья 126, но высшие органы власти постепенно превращались в исполнителей воли партийных верхов, а партийные органы подменяли не только законодательные, исполнительные, но часто и судебные органы.

3. Использование методов «чрезвычайщины», то есть таких приемов управления, которые основаны на массовых репрессиях и внесудебном принуждении.

На первых порах тоталитарный режим оказался эффективным орудием ускоренной модернизации. В 1920–1950-е гг. Россия пережила самую масштабную революцию в своей истории. Аграрная, деревенская страна превратилась в мощную индустриальную державу. Но какой ценой это было достигнуто! Речь идет даже не о тех трудностях и лишениях, которые пережили миллионы людей; достаточно вспомнить о терроре, который достиг апогея в 1937–1938 гг., но не прерывался ни раньше, ни позже, и стоил обществу – вместе с коллективизацией, депортациями, страшными голодовками 1920, 1930, 1940-х гг. – миллионов жизней (не говоря уже о жертвах революции, гражданской, Великой Отечественной и нескольких «малых» войн).

К тому же уже в 1950-е гг. проявилась неспособность режима приспособиться к новым, изменившимся экономическим и социальным условиям. В 1930-е гг. главным аргументом в пользу сталинского «социализма» были быстрые темпы развития. В 1960-е гг. наметилось сначала отставание в развитии, а затем и медленно нарастающий кризис. Это сопровождалось заметным смягчением режима, начавшимся после смерти его создателя, И.В. Сталина, и постепенным отмиранием всесильной когда-то идеологии. К середине 1980-х гг. режим, давно переставший быть тоталитарным в точном смысле слова, окончательно пережил себя и скончался после агонии «перестройки». Устойчивость и сила инерции позволили ей прочно удерживать свои позиции до 90-х гг. XX в.

**Возникновение
и механизм
функционирования
советской властной
номенклатуры**

Номенклатура не была явлением, не имевшим никаких исторических корней. Как Петр I не «изобрел» Табель о рангах, взяв готовые таблицы в Швеции, Дании и частично Пруссии, так на «выдумал» номенклатуру и Сталин: уже у дореволюционного чиновничества можно заметить характерные номенклатурные признаки: российское чиновничество, помимо жалованья, добилось «столовых» прибавок (в Советском Союзе – «авоська или столовая IV Главного управления, затем – «квартирных») (чиновникам I–IV классов – казенная квартира с дровами, горничной...), затем – прогонных (транспортных) или «казенный выезд с кучером за счет казны и т.д.»¹

Исследование истории возникновения номенклатуры даст возможность понять закономерности становления советской бюрократической деспотии.

Буквально латинское слово «ном» обозначает перечень имен или наименований, таким образом, номенклатура – это перечень руководящих должностей в госаппарате и общественных организациях, замеще-

---

¹ Сироткин В. Номенклатура в историческом разрезе // Через термин. – М., 1990. С. 312.

ние которых производит вышестоящий орган. Формирование номенклатуры как господствующего класса советского общества осуществлялось в три этапа. Сначала происходило создание организации профессиональных революционеров – зародыша нового класса. Вторым этапом явился приход этой организации к власти, окончательной стадией формирования новой управленческой прослойки явилась ликвидация ленинской гвардии сталинской номенклатурой.

Датой оформления номенклатуры можно считать 12 июня 1923 г., когда Оргбюро ЦК приняло Постановление «О назначениях», подготовленное комиссией под руководством Молотова и Кагановича. В октябре 1923 г. ЦК партии вынес решение об основных задачах учетно-распределительной работы, 16 ноября 1925 г. Оргбюро приняло новое возвращенное положение о порядке подбора и назначения работников и переработанные номенклатуры должностей¹.

Номенклатурные списки – это документы, скрывающие сущности механизмов господства и воспроизводства касты «руководителей», и основанная на них система, запускающая эти механизмы. Создание таких документов не было обычной организационно-технической процедурой, оно представляет собой важнейшую политическую и социальную акцию – рождение замкнутого слоя власть имущих, «канонизированных» начальников всех уровней.

Сначала номенклатура делилась на два списка: № 1 и № 2. К первому были отнесены должности, на которые руководители назначались только Постановлением ЦК (Политбюро), ко второму – должности, назначение на которые требовало согласия Орграспредотдела ЦК. Затем в 1925 г. дополнительно к номенклатуре № 1 вводится список «выборных должностей», утверждение на которые шло через «специальные комиссии, выделяемые ЦК.

В номенклатуре № 1 вводится список «выборных должностей», утверждение на которые шло через «специальные комиссии, выделяемые ЦК для проведения соответствующих съездов и собраний». Подбор и назначение на должности, не входящие в номенклатуры № 1 и № 2, должны были производиться по спискам, устанавливаемым для каждого учреждения по согласованию с Орграспредотделом ЦК – ведомственная номенклатура № 3.

Особенностью номенклатуры, ее стержневым принципом являлась секретность. Экономическая частная собственность была уничтожена, но взамен создана политическая ее форма – абсолютная «частная собственность» номенклатуры на всю политически важную информацию. С 1932 г. списки номенклатуры становятся предельно секретными и переводятся в текущий архив ЦК.

---

¹ Каганович Л.М. Памятные записки. – М., 1996. С. 311.

Все эти черты номенклатуры послужили основой единоличной власти Сталина, контролировавшего полностью списки № 1 и № 2, а частично и №3. К Генеральному секретарю тянулись и нити власти управления. Некоторые ведомства возглавлялись ближайшими лицами сталинского окружения, имевшими в своих учреждениях неограниченную власть и непосредственно подчинявшимися только Сталину. НКВД последовательно возглавляли Г. Ягода (1934–1936 гг.), Н. Ежов (1936–1938 гг.), Л. Берия (1938–1953 гг.), НКПС – «железный нарком» Л. Каганович, Наркомат Обороны – «первый маршал» К.Е. Ворошилов.

Таким образом, созданная Сталиным номенклатурная система явилась основой тоталитарного режима и пронизала все сферы общества. Номенклатура как замкнутая кастовая общность становилась собственником власти, управления, идеологии.

Номенклатурный принцип руководства обществом сложился и окончательно утвердился лишь к концу 30-х гг. и с тех пор до конца 80-х гг. лишь модернизировался. С укреплением власти номенклатуры все больше расширялись ее компетенции.

Продолжалась работа по совершенствованию процедуры пополнения номенклатуры и перемещения в ней. Этим занялись сразу же после завершения войны. В 1946 г. была разработана и утверждена новая номенклатура должностей ЦК ВКП(б).

Значительное изменение характера номенклатуры, положения номенклатурного работника происходит уже в брежневское время.

В первую очередь, изменилось социальное происхождение госпартаппарата. В сталинское время члены ЦК являлись или неспециалистами, рабочими – маргиналами (большинство), или специалистами с высшим и средним образованием. К 1970 г. 70% состава ЦК являлись выходцами из семей крестьян и неквалифицированных рабочих.

После 1970 г. постепенно исчезает в биографических данных высшей номенклатуры графа «социальное происхождение», такие сведения засекречиваются. Скорее всего, это связано с появлением нового класса «служащих», крайне разнородной смеси больших социальных групп.

Показательны и изменения в образовательном уровне номенклатуры. Брежневская номенклатура в основном имеет техническое, военное или сельскохозяйственное образование. Важной особенностью является отсутствие юристов. Их профессионализм был крайне опасен установившемуся корпоративному режиму.

Положение номенклатурного работника в 70-е гг. было более комфортным, чем в 30-е. Он уже не жил в постоянном страхе за свой пост. Ведь в сталинское время как легко люди оказывались на вершине власти, так же легко они могли быть от нее отстранены. Очень частым явлением были «чистки» как партийных рядов, так и госаппарата. При всех неудачах было традицией искать виновных – «врагов народа»,

«вредителей»; «перетряхивание» парт-, госаппарата, кооперативных и общественных организаций проводилось в период с 1925 по 1932 гг. специальными комиссиями из представителей партийных, профсоюзных и советских органов. «Вычищено» было примерно 10% от общего числа проверенных.

От «чисток» перешли к более радикальным мерам – репрессиям, которые коснулись всех слоев общества. Это были самые сложные годы для номенклатуры. Судьба назначенцев находилась в руках уже не номенклатурных органов, а карательных.

Важной вехой в истории номенклатуры стало подчинение ей КГБ. В составе Отдела административных органов ЦК КПСС существовал сектор органов КГБ – единственный сектор, фамилию заведующего которого не печатали даже в служебном списке телефонов ЦК, просто было написано «зав. сектором». Затем Ю.В. Андропова, председателя КГБ включили в число членов Политбюро, а затем избрали его Генеральным секретарем ЦК. Верхушка номенклатуры продолжала следить за тем, чтобы органы не вышли из-под ее контроля, что явилось важным шагом к неотчуждаемости номенклатуры.

К этому времени в номенклатуре вырастает классовое сознание, она чувствует свою общность. Как замкнутая каста, правящий класс СССР начинает переходить к «самопроизводству». Номенклатурная должность не наследуется, но принадлежность к классу номенклатуры становится фактически наследственной. Например, сын Л.И. Брежнева Юрий, несмотря на свою молодость, стал первым заместителем министра внешней торговли СССР. Сын А.А. Громыко – Анатолий, пробыв некоторое время в Институте США и Канады Академии наук, оказался вдруг на номенклатурном посту советника – посланника в Вашингтоне, потом в ГДР, а затем его назначили директором Института Африки АН СССР, хотя об Африке он знал к тому времени только то, что она существует. Зато пост директора института – в номенклатуре Секретариата ЦК КПСС.

Еще одной характерной чертой номенклатуры было обладание различными благами, недоступными простым советским гражданам. Список этих благ довольно обширен: бесплатные или льготные путевки в дома отдыха и санатории, предоставление квартир в домах повышенной благоустроенности, спецбольницы, поликлиники, госдачи и т.д.

Партийно-государственная номенклатура явилась воплощением и становым хребтом советской государственности. Изучение ее истоков, процессов ее формирования и эволюции в определенном историческом контексте также имеет огромное значение для понимания советской истории. При этом необходимо избавиться от одностороннего «разоблачительного» видения данной общественной группы, которое сегодня господствует в историографии. Номенклатура воплощала в себе госу-

дарственные функции различными способами: мобилизациями, централизацией, постановкой социальных задач, энтузиазмом, самоотдачей, патернализмом, репрессиями и дисциплинарно-хозяйственным подчинением, преследовала, прежде всего, цели движения в будущее, то есть опять же – модернизации общества. Но, как и всякой общественной группе, ей был присущ, помимо общего, и собственный частный интерес, который уже успешно реализовывался.

Несмотря на внешнее благополучие номенклатуры, система уже находилась на пути самораспада. Симптомы ее разложения очевидны: выхолащивание идеологии, ведомственная анархия, моральная деградация верхов. Отсутствие у номенклатуры адекватного самосознания – реальной оценки происходящего – означало, что конец ее существованию может положить любая допущенная ею серьезная ошибка. Так и произошло, когда в начале 80-х гг. верхушка номенклатуры выдвинула лозунг гласности и тем самым дала выход массовому недовольству.

Распад номенклатуры произошел в два этапа. 15 октября 1989 г. в газете «Правда» было объявлено, что комиссия ЦК КПСС по вопросам партийного строительства и кадровой политики приняла решение о демонстрации номенклатурного механизма, об упразднении «учетно-контрольной номенклатуры». С августа 1991 г. высшая партократия была лишена официального списочно-номенклатурного принципа власти.

Распад номенклатуры проявился, главным образом, в крахе ее ядра – уникального образования *партия – государство*, которое потеряло свою важнейшую функцию – организаторскую.

Государственная
идеология советской
эпохи

Под государственной идеологией понимается совокупность идей, с помощью которых существующий политический режим обосновывает свое право на власть и которыми он руководствуется в своей повседневной деятельности.

Цель государственной идеологии – обоснование власти, методов ее достижения, повышение ее престижа среди своих граждан и международной общечеловечности. Каждая из идеологий – реальная, коммунистическая, националистическая и т.д. – рассматривается как сумма ценностей, на которые ориентируются различные социальные группы, а государственная власть выступает как самое эффективное средство утверждения этих ценностей в обществе¹.

Рассмотрим главные элементы (символы, образы, метафоры) советской государственной идеологии.

На первом этапе главной обобщенной ценностью был образ Революции. Он был сакрализован (обладал святостью) и потому не требовал

¹ См.: Черданцев А.В. Государственная власть и ее обоснование // Известия вузов. Правоведение. 1992. № 2. С. 11.

рационального обоснования. Революция была представлена в идеологии как избавление, как возвращение на путь, ведущий к утраченному раю.

Вторым ключевым понятием советской идеологии была «диктатура пролетариата». Термин этот, введенный Марксом в 1852 г., не был достаточно разработан, в России он употреблялся как метафора, без придания ему конституционного значения.

Н.А. Бердяев в книге «Истоки и смысл русского коммунизма» писал: «Марксизм разложил понятие народа как целостного организма, разложил на классы с противоположными интересами. Но в мифе о пролетариате по-новому восстановился миф о русском народе. Произошло как бы отождествление русского народа с пролетариатом, русского мессианизма с пролетарским мессианизмом».

Советская государственная идеология была национальной – несколько не вступая при этом в противоречие с интернациональной риторикой, продолжая, в новом обличье, путь развития российской государственности. Советская власть строила государство традиционного общества. Советское государство было в существенной мере идеократическим. Это значит, что сила этого государства, его здоровье и само существование в огромной степени определялись жизненностью идеологии, ее восприятием в массовом сознании. Ключевыми идеями, воспринятыми советской идеологией из марксизма, были следующие: справедливость (уничтожение эксплуатации человека человеком), всеединство («Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»), нестяжательство («каждому – по труду»), возврат к истокам, к братству в общине (коммунизм), построение светлого царства счастья и воли (прогресс, неисчерпаемые силы науки, ликвидация государства). Понятия и термины марксизма наполнялись при этом своим, часто существенно иным, нежели на Западе, смыслом.

Советская идеология была направлена к «светлому будущему». Воплотит мечту пролетариат, и государство как форма сплочения людей на этом пути.

За последние годы интерес к проблеме российской национальной идеи резко возрос. Столь пристальное внимание к ней, по мнению большинства авторов, связано со сменой государственных приоритетов, с размыванием и даже уничтожением российской национальной идеи в конце XX века¹. В советский же период национальная идея была сформирована предельно ясно и точно.

Как партийно-государственному руководству на протяжении 30-х годов XX в. удавалось поддерживать высокий жизненный тонус народа, трудовой энтузиазм? Ведь одно дело мобилизовать массы на кратковременный штурм, другое – длительный период держать их в состоянии повышенной готовности. Думается, ключевым фактором стало чувство

---

¹ Лукьянова Е.А. На стыке эпох и континентов. – М., 2002. С. 49.

хозяина своей страны, пробужденное в широких массах народа Октябрьской революцией, вошедшее в их плоть и кровь в годы ожесточенной гражданской войны. Это чувство, помноженное на традиционный русский патриотизм, побуждало значительную часть рабочих, крестьян, интеллигенции сознательно идти на жертвы материального порядка ради создания мощной индустриальной державы, способной отстоять государственную независимость социалистического Отечества в грядущей мировой войне.

Каждая победа русского оружия вносила неповторимый вклад в державную идею, укрепляя и обогащая ее. Не случайно, что из всех событий российской истории 81,44% россиян больше всего гордятся победой в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. и только 4,3% – демократическими завоеваниями последнего десятилетия XX века¹.

Используя эту основу, власть сменяла одну пропагандистскую кампанию другой, умело затрагивая лучшие и худшие стороны человеческой души. Здесь и апелляция к традициям революционной борьбы, к классовой сознательности, чувству пролетарского интернационализма (вспомним хотя бы кампанию солидарности с республиканской Испанией); здесь и все большая опора на патриотические чувства, обращение к традиционным, в первую очередь «государственническим», стереотипам массового сознания (нарастающей еще до Великой Отечественной войны крен в сторону исторической проблематики в художественной литературе, кинематографе, широкое развертывание, начиная с 1934 г., исторического образования и др.). Здесь и героизация, культ человека труда (широкая пропаганда достижений стахановцев, чкаловцев, папанинцев и др.). Но здесь же и призывы к разоблачению «врагов народа», периодически разжигаемые волны «спецедействия», абсолютизация классового подхода в литературе, в этике. Чтобы поддерживать неугасимым пламень почти религиозной веры в приближающееся лучшее будущее, веры, помогавшей простому человеку стойко переносить тяготы повседневной жизни, стимулировавшей массовый трудовой энтузиазм, подыскивались все новые и новые, все более и более извращенные, но всегда конкретные и понятные «маленькому человеку» объяснения причин аварий на производстве, нехватки тех или иных товаров повседневного спроса, перебоев с продовольствием и т.д. Вначале во всем оказывались виноваты кулаки и «буржуазные спецы», потом – представители эксплуататорских классов, «пробравшиеся» в партию, государство, на заводы, в колхозы; затем – коммунисты, «завербованные иностранными разведками».

Парадоксальная логика формулы «обострения классовой борьбы», внедренная в сознание широких масс, рождала в этом сознании своеобразные парадоксы раздвоенности: страстное стремление к знаниям, трудовые рекорды и подозрительное отношение к интеллигенции; бескоры-

---

¹ Россия на рубеже веков. – М., 2000. С. 173.

стие, самоотречение и манию доношительства; веру в идею, вождя и неверие в своих близких, друзей, объявленных «врагами народа»; интернациональную солидарность с зарубежными борцами за свободу и молчаливое, а то и декларируемое согласие с системой концлагерей для инакомыслящих в своей стране, с фактическим закрепощением крестьянства.

Мы сегодня, узнавая все новые и новые трагические факты из истории 30-х годов, иронизируем над словами популярной песни о человеке, который «проходит как хозяин необъятной Родины своей», о стране, «где так вольно дышит человек». Но ведь современники в большинстве своем тоже знали о системе ГУЛАГа, о раскулачивании и тем не менее искренне пели эти слова.

Перед нами феномен искаженного, иллюзорного сознания, род массовой «антирелигиозной религиозности», которая так же, как и собственно религия, примиряла человека с несовершенством мира настоящего ради идеального мира будущего.

Ускоренное перемалывание в до- и послереволюционное время традиционных социально-экономических структур, общественные, военные катаклизмы, систематические антирелигиозные кампании подорвали веру в традиционные символы веры. «Распалась связь времен», но структуры сознания, потребность в вере, чрезвычайно сильные на Святой Руси, остались прежние. Перестав верить в бога, люди в нашей стране поверили в Коммунистическую партию и ее идеалы.

Индустриализация страны, всеобщее образование и мощный подъем науки и культуры, другие достижения советского времени были заложены не только в идеях, но и в практике уже первых советских лет. Они стали реальностью не благодаря сталинизму, а несмотря на препятствия и искажения, им созданные.

Можно по-разному относиться к социалистической устремленности советского общества, можно называть ее утопической фантазией, социальной мифологией, тоталитарной идеологией и т.п. Однако является фактом, что эта устремленность была реальной и мощной силой социально-экономического и культурного развития общества. Социалистическая идея полностью реализовала свои положительные и отрицательные возможности к концу 1970-х гг., когда советское общество вступило в период затяжного кризиса.

Основные проблемы развития права в условиях административно-командной системы, противоречия процесса

По своим фундаментальным основаниям общественно-политическая система, которые стала утверждаться в России после октября 1917 г., прошла ряд стадий, окончательно сформировавшись в середине 30-х годов, была изначально ориентирована на методы «революционного скачка». Отрицание частной собственности, командно-распределительная экономика,

жесткая идеологическая парадигма не могли представить нового варианта.

Сталин в борьбе за власть возглавил борьбу со всякого рода «уклонами» и тем самым фактически пресек последнюю возможность «размягчения» тоталитарного монолита. Три взаимосвязанные процесса определяли образ государства и права в этот период: коллективизация, индустриализация, подготовка к большой войне.

В целом государство выполняло необычную по масштабам мобилизационную программу. С начала 30-х годов всем было очевидно, что против СССР будет развязана крупнейшая война. СССР стал, как это бывало и в прошлом в России, «страной окопного быта». Название «казарменный социализм» недалеко от истины. В целом мобилизационный проект был принят подавляющим большинством народа. Только в контексте этой реальности могут быть верно понятны правовые нормы того времени. Понятия прав человека и гуманности в окопах и в казарме имеют совсем иное содержание, чем в мирном и благополучном доме. В 30-е годы изменения в праве были направлены на укрепление всех систем жизнеустройства в таком их виде, который обеспечивал быструю мобилизацию ресурсов для вывода страны на необходимый уровень обороноспособности.

Построенный на вождистском принципе политический строй, пройдя ряд стадий, должен был так или иначе оформиться в общество диктаторского единовластия. Сталин, проявив качества незаурядного политического деятеля, сумел за достаточно короткий срок убрать очередную наиболее опасных политических конкурентов, все более концентрируя власть в своих руках и подбирая команду нерассуждающих, исполняющих приказы, ретивых в опричном усердии. Мораль новой элиты, пришедшей на смену идейным борцам – большевикам с дореволюционным стажем, была проста и функциональна. Во-первых, практически полное отсутствие каких-либо внутренних запретов. Следствием этой вседозволяющей этики стала возведенная в норму и широко вошедшая в практику безжалостность, которая придала столь трагический облик нашей послереволюционной истории.

Второй фундаментальный принцип – нерассуждающее повиновение сильному, то есть обладающему в данный момент реальной властью. Реальная же власть, как известно, чем дальше, тем больше сосредотачивалась в руках двух политических сил – партийного аппарата и политической полиции (ГПУ – НКВД).

Наконец, третьим всеобщим принципом стало расчетливое использование политической демагогии в качестве оружия в борьбе за власть.

Если в первые революционные годы нарушение законности можно было объяснить экстремизмом, замешанном на правовом бескультурье, романтикой, то такого рода объяснения не пригодны для 20–30-х гг.,

когда свертывание демократии шло рука об руку с размыванием законности, подкреплявшимся абсолютизацией сугубо классового подхода к праву как защитнику интересов только господствующего класса.

Сталин безусловно являл собой авторитарного политического деятеля, склонного насильственным путем решать задачи общественного развития. Но насильственные методы управления необходимо как-то объяснить и оправдывать. Лучше всего это удавалось при ссылке на угрозу со стороны врагов, внешних или внутренних, а еще лучше – тех и других. Образ «врага», на необходимости борьбы с которым строилась система, принимал конкретные очертания: в деревне – кулак, в промышленности – буржуазный специалист и т.д. Сохранились документы тех лет – свидетели времени. Так, в архиве Гуверовского института войны, революции и мира (фонд П.Б. Струве) имеется посланная из СССР неким Василием Молотобойцем (явно – псевдоним) «Поэма о бедлаге». Приведем выдержку из этого, пусть с поэтической точки зрения не очень совершенного, но очень характерного как источника анализа политического сознания, произведения: «Жрать хочу, живу не мывши рыла, от марксизма на сердце тоска: без мытья, завшивевши, без мыла, я дождуся скоро сыпняка. Плохо жить, колья стало пусто в брюхе, колья кругом нехватка, нищета. Кто виновен в этакой разрухе? Знают все, но скованы уста. Заглушая гнев народных криков, Сталин свищет звонче соловья: «Виноват во всем товарищ Рыков, раньше – Троцкий, но никак не я ... Достиженья, знаете, огромны. Ни доски для пола, ни гвоздя. Не страшны мне кулаков угрозы, им теперь не сосчитать костей. Я отправил в ссылку на морозы десять тысяч женщин и детей! Мужиков – на лесозаготовки, стариков – на Мурман и в тюрьму. Служат мне наганы и винтовки побеждать невежество и тьму»¹.

Безусловно, эта приверженность насилию имела не только субъективную основу. Такой подход питался и историческим прошлым России как страны многовекового самодержавного насилия и условиями, в которых проходила революция. В российском обществе на протяжении ряда предреволюционных десятилетий накапливался разрушительный потенциал нравственной аномии, то есть безнормативности. Оказались подорванными необходимый для нормальной жизни режим законности, сознание легитимности правопорядка, что предполагает признание общественным мнением и системы юридических норм, и системы моральных регуляторов.

Политическая и нормативная системы советского общества складывались в сложных и трудных условиях послереволюционного времени. Вместе со сломом старой государственности шел процесс создания правовой системы. В соответствии с известными марксистскими поло-

---

¹ Цит. по: . Власть и оппозиция. – М., 1995. С. 150.

жениями и теории и на практике господствовали (вплоть до начала 60-х годов, когда было официально высказано положение о переходе от диктатуры пролетариата к общенародному государству) представления о том, что после социалистической революции и до коммунизма (то есть отмирания государства вообще) не может быть никакой другой государственности, кроме диктатуры пролетариата с присущими ей принципами, институтами, нормами и методами. Советское законодательство, как говорилось ранее, развивалось достаточно интенсивно, но не было четких и последовательных представлений о месте и роли права при социализме. Долгое время право с его лишь формальным равенством и отрицанием равенства фактического во многом воспринималось как нечто по сути несоциалистическое.

Стойкий правовой нигилизм тесно сочетался с нигилизмом государственным, с недооценкой роли и значения государственно-правовых начал, институтов, норм, процедур и гарантий.

В этих условиях демократические положения, декларированные в конституционном и текущем законодательстве, были лишены своего реального и адекватного государственно-правового смысла, превращены в фикцию и фасад, прикрывающий реальную действительность.

Сталинский тезис об обострении классовой борьбы в процессе строительства социализма был продиктован целями искусственно растянуть и продвинуть условия и обстановку чрезвычайного военно-революционного времени. Благодаря этому Сталин продлил «мандат» на чрезвычайную власть возглавляемой им командно-политической системы, отбросив в сторону нормальную и естественную логику и потребности общественной и государственно-правовой жизни мирного времени. Тем самым был обоснован отказ от надлежащих государственно-юридических форм, процедур, гарантий, необходимых для развертывания правонарушающегося законодательства, усиления чрезвычайных, антиправовых структур и акций, внесудебных расправ и иных насильственных мероприятий.

Советское право в 20-е годы сделало попытку найти в «революционной целесообразности» или «революционном правосознании» новую сущность права, стремясь усилить классово-нравственные аспекты в сфере юрисдикции.

Желание отойти от формально-нормативной трактовки права к психологическим и социологическим интерпретациям окончилось провалом, а стремление заменить юридические нормы «техническими» и целесообразными – правовым нигилизмом и трагедией.

Административно-командная система как форма организации политической власти – это крайний антиюридизм, который заменяет надлежащие государственно-правовые формы слиянием законодательства и управления как деятельности, регулирующие самые разнообразные

процессы. В конечном итоге законодательные и административные акты, превращаясь в оперативные задания, сохраняют лишь слабую часть элементов юридических, то есть формальных, или, другими словами, акты законодателя остаются по сути дела приказами с едва различимой «правовой примесью».

Вообще понятия «закон», «законодательство» трактовались чрезвычайно широко. Законы принимались и издавались Съездами Советов, ЦИК СССР, его Президиумом. Правительство издавало постановления, которые имели силу закона. Нередко законами становились не только ведомственные (наркоматские) постановления, но и партийные решения, от Политбюро до губкома, райкома партии. В ряду правовых источников главенствующая роль отводилась закону. Закон в формальном смысле – всякий акт, принятый представительным органом, в материальном смысле – акт, который не обязательно исходит от законодательной власти, но содержит в себе нормы общего значения, устанавливающие определенные правила поведения. По смыслу Конституции 1936 г. формальный и материальный аспекты советского закона всегда совпадают. На практике Верховный Совет делегировал свои функции (на период между сессиями) Президиуму. СНК также принимает постановления и решения на основании и во исполнение действующих законов. Процесс делегирования законодательной власти от одного органа другому облегчался тем, что эти государственно-властные структуры были консолидированы партийно-политическим единством. С 30-х годов все больше постановлений правительства стало приниматься совместно с руководящим партийным органом (ЦК ВКБ (б)). Партийные решения приобретали фактически характер нормативных актов. Такая трансформация была также обусловлена представлением о праве как об институте государственной политики, поэтому акты, которыми регламентировались наиболее серьезные политические акции, например коллективизация сельского хозяйства, исходили из двух источников: правительства и ЦК партии.

Доктрина социалистической законности, сложившаяся в 30-е годы и опиравшаяся на марксистско-ленинскую идеологию, исходила из нормативистского представления о праве. Первоначальные психологическая и социологическая теории права 20-х годов были отвергнуты. Победа нормативизма не означала, однако, установления верховенства закона: сохранялись принципы целесообразности, аналогии и объективного влияния. На практике имели место многочисленные нарушения законности, а процессы концентрации политической власти внутри узкого круга партийных и государственных чиновников (номенклатуры) сопровождалась сужением гражданских прав для массы населения.

В десятках тысяч нормативных актов голос собственно закона все не был слышен, деформировалось само понятие закона. При такой

широкой трактовке понятия «законодательство» система приобретала легальное средство размывания закона – подмена его подзаконными актами. Характерной чертой АКС являлась «чрезвычайщина», то есть совокупность принципов, методов, приемов управления, основанная на внесудебном принуждении и массовых репрессиях, причем, сталинские репрессии происходили в мирное время и были направлены против собственного народа. Они начинались в условиях, когда уже были приняты Уголовный, Гражданский, Земельный и другие кодексы. При всем их несовершенстве с современной точки зрения эти законы закладывали основы права в противовес «революционной целесообразности». В сферах трудового, колхозного и уголовного права это было особенно очевидно.

Введение паспортов и института прописки усиливало административный контроль над населением. Сельские жители, часто не получавшие паспортов, были фактически привязаны к месту проживания и ограничены в праве передвигаться по стране.

Уже в середине 20-х годов существующие законы начали толковаться так, чтобы ими можно было прикрыть беззаконие. Например, статью 107 УК «спекуляция» начали применять к крестьянам, отказывающимся сдавать хлеб по госцене, тогда как закон точно определял, что спекуляция – это скупка и перепродажа с целью наживы. На юридическом языке того времени такой маневр назывался «актуализировать» закон.

Сам закон был представлен как орудие государства, то есть государство как бы не было связано правом – оно было самодержавным. При такой трактовке любая жесткость и произвол государства выглядели правовыми.

Полноценное воплощение права в то время виделось в уголовном праве, а, например, не в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа.

Большой репрессивностью санкций в сочетании с расплывчатостью диспозиций, граничащей с юридической безграмотностью, отличался печально известный Закон от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и в кооперации и укрепления государственной (социалистической) собственности». Так, в Законе «приравнивалась» по примеру законодательной аналогии колхозная собственность к государственной. Без какой-либо дифференциации преступлений от мелких до крупных была установлена ответственность до расстрела за хищение такой собственности. Этот закон применялся во время Отечественной войны и после нее за сбор колосков, оставшихся после уборки хлеба в поле (так называемые «колосковые дела»).

Помимо уголовного активно использовалось для массовых репрессий административное законодательство в виде высылки до 10 лет и с конфискацией имущества по решению местных исполнительных органов.

Дух правового нигилизма 20-х начало 30-х годов послужил питательной средой для «антисудебных реформ» периода культа личности. Эта тенденция скоро нашла выражение в деятельности особых совещаний, «троек», «двоек», которые, действуя вне процессуальных форм, тем не менее могли приговаривать своих жертв даже к расстрелу. Еще не всё сказано о зловещей роли А.Я. Вышинского в теоретическом обосновании и практическом осуществлении массовых репрессий 30–40-х и начала 50-х годов.

Чрезвычайные законы 1 декабря 1934 г. и 14 сентября 1937 г. устранили ряд важных процессуальных гарантий из деятельности суда по рассмотрению уголовных дел о террористических организациях и террористических актах (срок следствия не более 10 дней, обвинительное заключение вручалось за одни сутки до суда, дело рассматривалось в суде без сторон, кассационное обжалование и ходатайство о помиловании не допускалось, и приговор приводился во исполнение немедленно), а также о вредительстве и диверсиях (вручение обвинительного заключения за одни сутки до суда, кассационное обжалование не допускалось).

А.Я. Вышинский, прокурор СССР, рассматривал правосознание следователей и судей в отрыве от действующего права и обосновал прочный тезис о корректировании закона с помощью правосознания.

«Правосознание судьи, – писал А.Я. Вышинский, – корректирует применение закона. В известных условиях социалистическое правосознание оказывается единственным средством правильного подхода к событию и закону»¹.

Широко известна порочная концепция Вышинского, согласно которой показание обвиняемого или обвиняемых могли быть единственным доказательством виновности по делам об антисоветских преступлениях. На этом держалась вся судебно-карательная практика столетних репрессий.

Свое отношение к закону А.Я. Вышинский выразил так: «Если закон отстал от жизни, его нужно или изменять, или, по выражению товарища Сталина, отложить в сторону».

Уголовное законодательство 30-х годов оказывалось поистине кровавым, отбросившим принципы законности, гуманизма и справедливости в средневековую бездну. Во-первых, вопреки принципу демократизма и суверенности союзных республик они были лишены права на издание собственных уголовных кодексов. Во-вторых, вопреки принципу законности, исходящему из того, что основанием уголовной ответственности может быть исключительно совершение преступления, а не опасная личность в виде «врагов народа», «кулацко-зажиточных эле-

---

¹ Вышинский А.Я. Теория судебных доказательств. – М.: 1950. С. 181–182.

ментов» и прочее, акцент в уголовном законодательстве этого периода и особенно в его исполнении был сделан именно на «опасную личность», не совершившую конкретного преступления. В-третьих, грубо нарушался принцип личной ответственности и вины.

«Чрезвычайщина» продолжалась и в последующие годы, так как оставалась одной из главных и характерных черт административно-командной системы управления. К ней привыкали как к жизненной необходимости, не очень приятной, но обязательной. Чрезвычайные законы даже научились обходить или пережить. Однако административно-командная система управления считала его средством поддержания политической стабильности и «порядка». В 30-е годы периодически издавались новые чрезвычайные законы, сфера применения которых то расширялась до предела, то сужалась.

Итак, низкий культурный уровень и уровень политической грамотности трудящихся, отсутствие (или постоянная нехватка) квалифицированных кадров в среднем и низовом звене управления (самом многочисленном) заставляли делать ставку на аппарат управления в верхнем звене. Партийный и государственный аппарат верхнего звена становился если не единственной, то основной организующей силой строительства социализма, так сказать, материальным носителем революционных идей.

Избранный курс на ускорение строительства не имел и не мог иметь другого инструмента, кроме усиления директивных начал, жесткой централизации, оперативного администрирования, жесткого контроля. По мере того росло значение госаппарата как проводника не только индустриализации и коллективизации, но и руководителя всех отраслей государственной жизни. «Огосударствление» охватывало все области, отрасли, регионы.

При этом цели социализма отделялись от человека. Государство превращалось в систему ведомств, в которой не было места творчеству, самодеятельности трудящихся, самоуправлению масс.

Форма государственного единства. Проблемы образования и краха СССР

Образование СССР во многих исследовательских и популярных работах предстает иногда как реализация плана, разработанного задолго до фактического объединения. Долгое время было распространено мнение об особой роли Ленина, позже Сталина, бывшего наркомом по делам национальностей, в определении и претворении в жизнь принципов национально-государственного строительства. Думается, проблема глубже. Большевикам удалось очень быстро, всего за пять лет, восстановить бывшее территориальное единство потому, что они смогли предложить новую идею: во-первых, они нанесли удар по русской великодержавной, националистической идее, а, во-вторых, радикальный интернационализм

большевиков позволил им предложить идею федерации равных народов и этим они разоружили национальные движения на окраинах. Даже в названии нового государства не было преемственности: Союз ССР по названию был связан не с Российской империей, а с будущим (имеется в виду после мировой революции) всемирным государством рабочих и крестьян. Большевики выбрали федерацию, так как распад страны вынудил их искать иные формы государственного устройства. Были и другие причины: во-первых, многие национальности России к 1917 г. оказались в состоянии полного отделения друг от друга. Образовавшиеся на окраинах правительства объявили войну советскому правительству в центре. В этих условиях федерация могла остановить процесс распада и обеспечить государственное объединение. Во-вторых, в создавшихся условиях федерация могла явиться фактором, способствующим экономическому объединению территорий. К тому же федеративные системы более гибкие и поэтому более прочные, чем централизованные.

В своем федеративном строительстве страна прошла несколько этапов:

1. Начальное становление советского государства (октябрь 1917 – середина 1918 гг.). В этот период существовали только РСФСР и УССР.

2. Второй период (1918–1920 гг.) – время гражданской войны и иностранной военной интервенции, когда уже возникли такие республики, как Украина, Белоруссия, Эстония, Литва, Латвия, РСФСР. В середине 1920-х гг. оформились Азербайджанская, Армянская, Грузинская республики. В это время на первый план выступили интересы военной защиты страны, поэтому объединение республик приняло форму военного союза. Четко установленных форм федеративных связей между ними еще не было.

3. Начиная с окончания гражданской войны, между РСФСР и другими республиками развиваются договорные отношения по военным и экономическим вопросам, дополненные в феврале 1922 г. дипломатическим союзом между ними.

4. Объединительное движение независимых республик за создание более тесных договорно-федеративных отношений, развернувшееся в 1922 г., закончилось тем, что их военно-хозяйственный и дипломатический союз был дополнен политическим, то есть непосредственным объединением советских республик в единое федеративное союзное государство.

Принципы и институты советской федерации получили закрепление и развитие в Конституции СССР 1924 г. Конституцию составляли краткая Преамбула, Декларация и Договор об образовании СССР, который существенно расширен по сравнению с текстом 1922 г. Значение и актуальность этого важнейшего документа не исчерпаны по сей день, а его форма и содержание породила последствия семь десятилетий спустя.

12 декабря 1991 г. Верховный Совет РСФСР принял Постановление «О денонсации Договора об образовании СССР», за которым последовало уничтожение крупнейшего в мире федеративного государства. Таким образом, Россия – самая большая республика СССР, инициатор образования Союза, – заявила о выходе из него, вопреки словам Президента Б.Н. Ельцина, заявившего на VI Съезде народных депутатов РСФСР, что «Россия никогда не выйдет из Союза, даже если она останется в нем одна». Прошло пять лет, и 15 марта 1996 г. Государственная Дума Российской Федерации своим постановлением отменила данную денонсацию.

Таким образом:

Во-первых, Договор об образовании СССР не был международным договором, а являлся документом учредительным. Более того, Договор был принят, а не ратифицирован I Всесоюзным Съездом Советов, т.е. законодательным органом, и с этого момента он, в сущности, перестал быть договором, а стал законом. Во-вторых, как самостоятельный документ он существовал лишь до принятия Конституции СССР 1924 г., в которую, как уже говорилось, был включен отдельным разделом, причем в существенно модифицированном виде, и с вступлением Конституции в силу перестал действовать. В-третьих, сам по себе Договор не предусматривал ни ратификации, ни, тем более, возможности денонсации. Как известно, в соответствии со ст. 56 Венской конвенции «О праве международных договоров», к которой СССР присоединился в апреле 1986 г., «договор, который не содержит положений о его прекращении и не предусматривает денонсации или выхода из него, не подлежит денонсации». В-четвертых, Верховный Совет РСФСР не был полномочен денонсировать Договор об образовании СССР, поскольку на всесоюзном референдуме 17 марта 1991 г. большинством (75,42%) от общей списочной численности избирателей было принято решение о сохранении союза, которое могло быть отменено только путем референдума.

Таким образом, Государственная Дума исправила юридическую ошибку и восстановила историческую справедливость¹.

С 1992 г. субъектный состав Союза увеличился в несколько раз, но вопрос о корректировке федеративных отношений с участием всех субъектов федерации ни разу не ставился.

Союзное руководство закрывало глаза на то, что федерация, построенная по национальному принципу, да еще с весьма условными границами компактного проживания отдельных национальностей, – проблемное и взрывоопасное образование, требующее особой политической и деликатности и гибкости, хотя об этом постоянно напоминала

---

¹ См.: Лукьянова Е.А. Российская государственность и конституционное законодательство в России (1917–1993 гг.). – М., 2000. С. 35–36.

мировая практика развития государственности. Но гораздо спокойней было произносить ничего не значащие речи о дружбе народов и о нерушимости Союза, чем решать трудные межнациональные проблемы и утрясать разногласия.

За 25 лет до крушения Союза ССР поэт Н. Рубцов, словно предчувствуя трагедию 1991 г., создал образ поезда, который мчался с полным напряжением мощных сил, уму непостижимых, перед самым, может быть, крушением посреди миров несокрушимых.

Поезд с литеррами «СССР» подошел к месту крушения в малоизвестном белорусском селении Вискули, запрятанном в дебрях Беловежской пуши в трех километрах от польской границы. Здесь 8 декабря 1991 г. и случилось непоправимое. Союза Советских Социалистических Республик не стало. Исторический факт зарегистрирован в документе, под которым стоят подписи руководителей Белоруссии, РСФСР и Украины, известивших жителей планеты Земля о том, что «Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекращает свое существование». В соответствии с Беловежскими решениями 12 декабря 1991 года в 13 часов 28 минут Россия вышла из состава СССР, денонсировав решением своего парламента Союзный договор 1922 года. 25 декабря 1991 года М.С. Горбачев в последнем качестве Президента СССР в телевизионном выступлении заявил, что уходит со своего поста «по принципиальным соображениям», хотя практически этого поста уже не существовало.

Красный государственный флаг на здании Кремля был заменен российским трехцветным, однако в драме под названием «Крах СССР» было много актов.

Советские историки в свое время немало потрудились над выяснением предпосылок социалистической революции в России и образования Советского Союза, а вот о предпосылках, причинах и следствиях его развала пока нет ни одной серьезной работы, кроме предельно идеологизированной публицистики всех мастей, между тем как это самая крупная региональная проблема (и не только) второй половины XX вв., и, пожалуй, всей мировой истории на исходе второго тысячелетия. Одни авторы считают, что угроза внешней опасности, стабильность, определенная социальные гарантии для граждан СССР, надежда на «светлое будущее» составляли внутреннюю суть советской системы. Будучи не-реформируемой, эта система оказалась нежизнеспособной.

Таков же и основной тезис современной западной идеологии и пропаганды. В соответствии с ним СССР, как и советский социальный строй, рухнул будто бы в силу своей внутренней несостоятельности, изжил себя сам по себе, а советские люди сами (на своем жизненном опыте) пришли к мысли о необходимости отказа и от своего «имперско-го» государства, и от социализма.

В соответствии с таким подходом распад СССР объясняют «порочностью, авантюристичностью самой идеи социализма в ее марксистском варианте», и роспуск СССР представляется уже как счастливый случай избавления от «насквозь прогнившего императорского альянса» или как некая спасительная превентивная мера, предупредившая еще большее несчастье, – «полномасштабную национально-освободительную (или имперско-восстановительную) резню».

Несогласных с такой позицией много. Что бы они ни говорили об объективности процесса, факты неопровержимо свидетельствуют, «что преднамеренное разрушение СССР было следствием целенаправленной политики «демократов», и содеянное в Беловежской пуще «будет осуждено как самое чудовищная ошибка за всю историю Российского государства»¹.

Проверку всех этих гипотез и создание всеобъемлющей конкретно-исторической картины распада СССР еще предстоит осуществить. Убедительным может быть многофакторный анализ причин распада, представления о нем как о результате роста внутренних противоречий и воздействия внешних факторов.

Внутриполитическая обстановка оказалась в тесной связи с внешнеполитической. Советскому руководству все труднее становилось поддерживать тот геополитический баланс, который сложился после Второй мировой войны и в результате изменений, вызванных к жизни тенденциями и движениями послевоенного времени. Поддержание неустойчивого равновесия в мире, защита геополитических интересов страны под лозунгами социализма требовали все больших усилий. Инерция великодержавной политики, гонка вооружений, неуклонное возрастание роли ВПК негативным образом сказывались на внутреннем положении СССР. Постоянно вставал вопрос о внесении изменений во внешнеполитическую стратегию, который позднее вылился в концепцию «нового мышления», нашедшего широкую поддержку как внутри страны, так и за рубежом.

Одним из первых тревожных явлений стали деградация и распад советского народного хозяйства, начавшиеся с 1987 г. Под видом кооперации государство выпустило на свет теневую экономику. Теневики и кооператоры со всех сторон облепили неповоротливый государственный сектор и стали «пожирать» его. Тысячами стали возникать посреднические конторы, фирмы, биржи, которые перекачивали ресурсы из одного кармана в другой. Появились миллионы посредников, маклеров, «челноков», мелких спекулянтов. Так возникли многочисленные элементы, заинтересованные в дальнейших рыночных преобразованиях. Государственные «закрома», призванные обеспечивать население, стре-

---

¹ См.: Россия в XX в XX в Реформы и революции. – М., 2001. С. 398–399.

нительно пустели, создавая впечатление о полном крахе советской экономики и принципов, на которых она зиждилась. Люди, по привычке штурмующие прилавки магазинов, еще не осознавали, что основные материальные блага переместились в другое место – на биржи, на рынки, на улицы, в тайные подвалы и т.д.

Начался процесс постепенной подмены социализма другими ценностями и идеалами. Особенно яростной атаке подвергалась присущая ему идея социальной справедливости как недостижимая и вредная. Сторонники частной собственности перешли в наступление через пропаганду экономики торгово-базарного типа в средствах массовой информации.

Был сделан вывод, что советская система не реформируема в принципе и заслуживает только разрушения. Реальные проблемы, стоящие перед обществом, потонули в болтовне, кабинетном прожектерстве, сопряженными с неоправданными надеждами на экономическое чудо, на помощь Запада, который якобы сделает все, чтобы страна встала на путь демократических преобразований.

Исследователи весьма скромно оценили позитивный результат «перестроечных реформ» горбачевского периода, полагая, что в 1985–1991 гг. происходило не движение страны из кризиса, а постепенное сползание в пропасть, приведшее в итоге к обвальному краху всех государственных институтов: во-первых, не была сформирована соответствующая времени новая идеологическая парадигма. Во-вторых, вместо укрепления реально существующих властных институтов было допущено их ослабление. В-третьих, были продемонстрированы безволие и боязнь непопулярных решений. В-четвертых, вместо политики на опережение власть хронически запаздывала с принятием неизбежных решений. В-пятых, в области внешней политики ошибочным оказался курс на атлантизм. В-шестых, так и не была начата структурная перестройка экономики. В-седьмых, не был предотвращен распад СССР, во всех отношениях отбросивший далеко назад все бывшие «союзные» территории. У выросшей же из «перестройки» «новой» России вообще практически не оставалось шансов на успех: к 1992 г. был разрушен один из главнейших необходимых рычагов преобразований «догоняющих» модернизаций – сильное государство.

В исследованиях западных авторов, отнюдь несоциалистического, а тем более некоммунистического толка, в характере «седьмого секретаря» отмечаются такие черты, как «всепоглощающее властолюбие» и желание «играть все главные роли одновременно». Особенностью «горбачевского» стиля были мнимая откровенность и реальная ложь. Постоянные «изгибы генеральной линии», ее «противоречивость», смена «одних решений... прямо противоположными: «ускорение», гласность, «перестройка»... Горбачевское правление (1985–1991 гг.) дало «оче-

видный для всех итог: неудача экономических реформ, углубление кризиса народного хозяйства, обострение национальных конфликтов, возникновение центробежных стремлений, пробуждение социального недовольства и т.д. Внутренняя политика Горбачева повернулась крахом. Все его успехи – внешнеполитические». Отмечались «дары» Горбачева Западу, которые «иногда кажутся чрезмерными» и приводят в замешательство даже западную дипломатию¹.

Не секрет, что реформы осуществлялись по зарубежным рецептам руками отечественных сторонников западных либеральных ценностей. Причины того, что им были доверены основные рычаги управления, находят свое историческое оправдание и хорошо укладываются в сложившиеся на отечественном поприще представления о всемогуществе власти, которая может через «колени» переломить общество. Не случайно широко распространено сопоставление реформаторов с комиссарами времен гражданской войны, которые не менее решительными и насильственными способами насаждали новые порядки, на сей раз фанатически убежденные в правоте уже другой, немарксистской, либеральной идеологии, ломая и корежа то, что до них было создано. Внуки большевистских комиссаров продемонстрировали вывернутый наизнанку большевизм. На то, что у Запада ушли века, они попытались ввести в одночасье или в «500 дней». От догм социализма они легко и естественно перешли к догмам либерализма и антикоммунизма.

Справедливости ради еще раз придется повторить: далеко не все, что происходило в федеративных отношениях, было обусловлено проблемами, накопившимися в них самих. Это не мания, ни фобия и не паранойя. Вот слова одного из апостолов «холодной войны» Аллена Даллеса², сформулировавшего главные принципы политики Запада по отношению к России: «Посеяв в России хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые, и заставим их в эти ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих помощников и союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания... Литература, театры, кино – все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых творцов, которые станут насаждать и вдальбивать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства – словом, всякой безнравственности. *В управлении государством мы создадим хаос, неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно*

---

¹ См.: Геллер М. Седьмой секретарь. Блеск и нищета Михаила Горбачева. – Л., 1991. С. 375–395, 402–403 и др.

² Аллен Даллес – в 1942–1945 гг. руководитель политической разведки США в Европе, в 1953–1961 гг. – директор ЦРУ.

способствовать самодурству чиновников и взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззащитность, предательство, *национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу:* все это мы будем ловко и незаметно культивировать. И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище. Найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества»¹. Цитата длинная, но в комментариях не нуждается. В те годы раздавались голоса об иностранном вмешательстве во внутренние дела нашей страны, но они не были услышаны. Десять лет спустя были опубликованы шифротелеграммы американского посла Дж. Мэтлока. Вот что он докладывал своему руководству: «Нынешний хаос во внутривластной жизни СССР предоставляет Соединенным Штатам беспрецедентную возможность повлиять на советскую внешнюю и внутреннюю политику. Наши возможности отнюдь не безграничны – мы не можем их заставить отдать нам ключи от своей лавки, – но достойны, чтобы изменить в нашу пользу баланс интересов по многим ключевым вопросам при условии, если мы проявим достаточную мудрость в умелом последовательном и настойчивом использовании нашего скрытого влияния»².

Оригинальная трактовка причин распада СССР принадлежит бывшему советскому разведчику М.П. Любимову. Он построил свой мемуарный роман «Операция Голгофа» на версии о секретном плане перестройки путем уничтожения в СССР существующего социализма и погружения страны в дикий, необузданный капитализм, где царит закон джунглей. Хаос и неразбериха в конце концов должны были, согласно этой версии, мобилизовать массы на борьбу с властью под социалистическими лозунгами, вылиться в революцию, уничтожение компрадорской буржуазии и восстановление истинного социализма. Отрывок из романа был опубликован в газете «Совершенно секретно» (1995. № 2) в рубрике «сенсация», и многие сочли версию вполне правдоподобной.

Большую долю истины содержит суждение о национальных элитах как могильщиках СССР. Эти элиты, с одной стороны, порожденные Москвой, а с другой – всегда тайно мечтавшие о бесконтрольной власти и тяготившиеся московской уздой, почувствовали в момент кризиса союзной государственности, что узда ослабла, и «вырвались» на свободу.

---

¹ Цит. по: Лукьянова Е.А. Указ. работа. С. 99–100.

² См.: Сенин. А.С. История российской государственности. – М., 2002.

Именно в среде национальных элит с готовностью, как индульгенция, принят на вооружение сомнительный постулат: «История человечества знает одну истину: империя не перестраивается, а распадается» (А. Акаев).

Чего хотели республики, провозглашая полный государственный суверенитет как «верховенство, самостоятельность и полноту государственной власти» в границах своей территории, как «независимость во внешних сношениях» и устанавливая верховенство республиканских законов над законами Союза?

Общеизвестно, что абсолютный суверенитет субъектов федерации – нонсенс, нелепица. Он может быть только ограниченным. Другой вопрос: в какой мере и кем? Речь идет о добровольной передаче республиками определенного ими самими объема прав и полномочий в ведение центра. Республиканский закон может иметь приоритет над союзным только тогда, когда он принят в пределах полномочий республики. Таким же путем обеспечивается и верховенство союзного закона: он имеет приоритет, если был принят по вопросам, переданным республикам в ведение СССР. Здесь должна жестко соблюдаться «юридическая симметрия», но декларации о суверенитетах прямо противоречили этому признаку федерации.

Гениальный М.Е. Салтыков-Щедрин задолго до описываемых событий сформулировал возможное правовое регулирование аналогичных ситуаций. В его «Истории одного города» градоначальник города Глупова Василиск Семенович Бородавкин написал Устав «О нестеснении градоначальников законами», первый и единственный параграф которого гласил: «Ежели чувствуешь, что закон полагает тебе препятствие, то, сняв оный со стола, положи его под себя. И тогда все сие, сделавшись невидимым, много тебя в действии облегчит»¹.

I Съезд народных депутатов России 12 декабря 1990 г. принял Декларации о суверенитете, которая по своему содержанию не шла дальше заявления о намерении «быть самостоятельной и жить хорошо». За одним исключением – ст. 5, устанавливавшей верховенство российских законов над общесоюзными. Однако пример России имел последствия разрушительные: «парад суверенитетов» активно продолжался, летом 1990 г., кроме России, суверенитеты провозгласили ещё семь республик, а затем присоединились и республики автономные. Как известно, итоги референдума, проходившего 17 марта 1991 г., показали, что судьба Союза далеко не безразлична людям. За сохранение и обновление СССР высказалось 76,4% от общего списочного числа избирателей (из 185, 6 млн граждан СССР в референдуме участвовало 148,5 млн человек, или 80%. За сохранение союза проголосовало 113,5 млн человек),

---

¹ Салтыков-Щедрин М.Е. Избр. соч. – М., 1996. С. 401.

т.е. почти 2/3 взрослого населения страны. Казалось бы, все встало на свои места. Решение, принятое референдумом, может быть отменено только другим референдумом. Однако руководители ряда республик открыто призывали не считаться с его результатами. Еще в январе 1991 г. представители «Демократической России», собравшись на Демократический конгресс в Харькове, приняли решение об упразднении Союза и замене Федерации на Содружество государств.

Таким образом, идея создания СНГ без союзного центра возникла задолго до августа 1991 г.

Отдельно надо сказать, что в процесс разрушения Союза прочно вплелась личная конфронтация и борьба за лидерство между президентами Союза и Российской Федерации. Если бы Б.Н. Ельцин смог возглавить страну без отстранения М.С. Горбачева, Союз скорее всего не был бы разрушен. Российский лидер действовал старыми партаппаратными методами: чтобы убрать человека, надо упразднить орган, который он возглавляет. Не остались в этой борьбе и лидеры других республик, у которых были свои счета с центром и Россией. Если же назвать все своими именами без пышных фраз и демагогии, то противостояние с центром заключалось в отчаянной борьбе за власть, в которой подлинные интересы населения страны отходили на самый последний план. Так, к объективным факторам разрушения Союза добавился мощный субъективный – личный интерес¹.

Нельзя не согласиться со следующими фактами:

Во-первых, как показал мартовский референдум, большинство населения СССР высказывалось за его сохранение. Во-вторых, тенденция к обособлению отдельных республик, безусловно, существовала и в какой-то мере отражала особенности роста их внутренних потенциалов и возможностей.

Наиболее ярко они выражались республиканскими партийными, государственными и интеллектуальными элитами. В-третьих, на территории СССР к моменту его ликвидации существовало немало очагов национальных конфликтов. В-четвертых, Россия во многом спровоцировала распад союзного государства. В-пятых, действия президента России Б.Н. Ельцина были продиктованы стремлением отстранить от власти М.С. Горбачева – первого и последнего президента СССР. В-шестых, осложнение экономического положения, ослабление его положения государства, ослабление его политической роли, разложение центральной власти способствовали нарастанию центральных тенденций. И, наконец, в-седьмых, нельзя не согласиться с тем, что СССР потерпел поражение в «холодной войне».

---

¹ См.: Лукьянова Е.А. Российская государственность и конституционное законодательство (1917–1993 гг.). С. 99.

Советскую власть как комплексное понятие «социализм – федерация – советы» было очень трудно разрушить. Ведь, несмотря на все свои проблемы и недостатки, такой государственный строй был наиболее близок ментальности населения огромной евразийской страны с тремя господствующими коллективистскими религиями (православие, ислам, буддизм).

Тем не менее, как форма правления она была разрушена, новая цивилизация не состоялась.

Трагедия России заключается в том, что она дважды в течение последнего столетия сменила социально-экономический строй на обратный, не соотнеся это со своими сложнейшими региональными проблемами. В результате первой смены страна едва сохранила свою целостность, а в ходе второй потеряла ее. С определенной долей уверенности можно утверждать, что если бы в ходе второй «перестройки» Россия своевременно сняла региональное напряжение, развала государства не произошло бы. В первом случае положительную тактическую роль сыграл своевременно выдвинутый, но в принципе неприемлемый для нее лозунг самоопределения вплоть до отделения. Во втором случае кардинально нового принципа вообще не было выдвинуто. Его подменил огульный антикоммунизм, который не имел конструктивного значения. За идеологическим противостоянием были потеряны национальные интересы огромного государства, игравшего стабилизирующую роль в мире.

Контрольные вопросы

1. Назовите основные методологии в освещении советского периода истории. Обоснуйте свое отношение к ним.
2. Аргументируйте один из терминов:
  - Октябрь 1917 г. – большевистский переворот...»
  - «События октября 1917 г. – Великая Социалистическая революция...»
3. Как отразилось проведение индустриализации и коллективизации на развитии советского государства?
4. Перечислите причины установления административно-командной системы управления и ее признаки.
5. Каков механизм функционирования советской номенклатуры и ее «историческая судьба»?
6. В чем вы видите противоречивость развития советского права в условиях АКС?
7. Каковы внешние и внутренние причины кризиса социализма и его краха?
8. Какова советская государственная символика и идеология?

9. Обоснуйте или опровергните следующий тезис: «Советский Союз рухнул под тяжестью собственных противоречий и нерешенных проблем вовсе не потому, что выбрал социалистический путь»;

– уровень производительности труда в промышленности России был ниже, чем в США – в 9 раз; в Англии – в 5; в Германии – в 4 раза;

– в России наряду с капиталистическим были феодальный и родоплеменной социально-экономические уклады со всеми вытекающими отсюда последствиями. Посол Франции в России Морис Палеолог в январе 1916 г. сделал следующую дневниковую запись: «Когда я размышляю о всем, что в русском социальном и политическом строе есть архаического, отсталого, примитивного и себя пережившего, я часто говорю себе: «Такой же была бы и Европа, если бы у нас, в свое время, не было возрождения, реформации и французской революции»¹.

---

¹ См.: Палеолог М. Царская Россия накануне революции.– М., 1991.

Тема 7. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Политический кризис
августа 1991 г. и его
последствия

Проблемы недавней российской истории вызывают особый общественный интерес. Современники уже могут видеть некоторые важные последствия тех событий и процессов, истоки которых они недавно наблюдали или даже в них участвовали, но ранее или недооценивали, или представляли в ином свете. Историю современной России не получается начать с «чистого листа»: отмечаемые всеми исследователями и политиками современные политические, социально-экономические и духовные кризисы во многом являются прямым результатом и продолжением тех процессов, которые развернулись в бурные перестроечные годы и обусловлены выбором именно тогда обозначившихся альтернатив социального развития.

Объявлением нынешней Российской Федерации правопреемницей по отношению к Советскому Союзу констатируется тот факт, что СССР действительно был исторической формой российской государственности в XX в. Это, в частности, отразилось в том, что союзные управленческие структуры выступали одновременно и в качестве российских. Русские доминировали в миграционных потоках, связанных прежде всего с хозяйственным освоением различных регионов СССР, и не случайно именно в их среде в наибольшей степени было распространено убеждение, что их родина – не РСФСР, а Советский Союз в целом. Происходящее ныне в ближнем зарубежье «отделение» истории союзных республик в XX в. от СССР и РСФСР диктует, на наш взгляд, необходимость «национализации» и российской истории, поэтому для исследователя чрезвычайно важно определиться в вопросе о том, когда Россия выходит «из тени» Союза и начинает проводить собственный «отечественный» курс и каково его содержание.

В большинстве публикаций независимую политику России начинают с 1992 г., что с формальной точки зрения совершенно верно, но при этом не учитывается масса содержательных нюансов, связанных с формированием этой политики. С другой стороны, встречаются попытки датировать новейшую российскую историю серединой 1990 г., что несколько искусственно, так как решающие властные рычаги (при их спорной эффективности) находились в то время в руках союзных структур¹.

---

¹ См.: Демидов В.А. Россия: августовская республика. 1990–1993 гг. – Новосибирск, 2005.

Более распространено мнение, что реальная точка отсчета связана с августом 1991 г.¹ Оценки новейшей истории всегда сложны, она воспринимается и как часть современности, поскольку не только живы и участвуют в общественной жизни основные «персонажи» политики тех лет, но многие, из которых имеют собственное восприятие той эпохи, основанное на личном опыте. Функционирующие политические, социальные и прочие российские институты также часто восходят к тем годам. Однако ныне существует уже определенная историческая дистанция, позволяющая более взвешенно оценить, что же получилось в итоге горбачевской перестройки?

Сторонники и левых, и правых взглядов справедливо полагают, что в стране произошло утверждение капитализма, причем, не в самых передовых для конца XX в. формах. Однако на этом сходство в характеристике явления заканчивается. Одни полагают, что произошла реставрация капитализма и, следовательно, отбрасывание от завоеваний социализма с его системой социальных гарантий и планово-государственного регулирования основных сфер общественной жизни². Правые же полагают, что следствием перестройки стало преодоление тоталитаризма, а происходящие во второй половине 1980–1990 гг. трактуется как «великая революция», которая охватывает несколько десятилетий³. (Кстати, оценка итогов перестройки прямо сказывается на отношении к ее инициатору. Кто он: революционер, реформатор или предатель? Все эти версии представлены в различных изданиях)⁴.

События 19–21 августа 1991 г., как отмечалось ранее, также занимают особое место в отечественной литературе⁵, однако в содержательном плане чрезвычайно важен и подписанный сразу же 19 августа Указ Президента РСФСР № 61.

Отталкиваясь от идеи утраты легитимности «советским» (союзным) руководством в связи с «совершением государственного преступления», Ельцин переподчинил все органы исполнительной власти Союза ССР «избранному народом Президенту РСФСР». Главное, что специ-

---

¹ Барсенков А.С. Введение в современную российскую историю. – М., 2002. С. 6.

² См.: Кирсанов В.Н. «Реставрация» капитализма в России. Истоки и причины. – М., 1999.

³ Стародубровская И.В., Мау В.А. Великие революции. От Кромвеля до Путина. – М., 2001.

⁴ Медведев В.А. Прозрение, миф или предательство? К вопросу об идеологии перестройки. – М., 1997; Михаилу Горбачеву – 70. – М., 2001; Союз можно было сохранить. – М., 1995; Россия – 2000. Современная политическая история (1985–1999). Т. 1. – М., 2000 и др.

⁵ См.: Красное или белое? (Драма августа 1991 г.) – М., 1992; Лукьянов А.И. Переворот мнимый и настоящий. – М., 1998 и др.

ально подчеркивалось в Указе, состояло в том, что под управление России «временно» переводились все силовые структуры Союза: расположенные на территории республики подразделения КГБ, МВД и МО СССР. Была издана и серия актов против КПСС и КП РСФСР, например, «О деятельности КПСС и КП РСФСР». Тем самым Президент России взял на себя право решать судьбу партии, при этом целесообразность явно преобладала над законностью.

КПСС и КП РСФСР имели в то время, во-первых, немалый авторитет, во-вторых, являлись стержнем, сдерживающим центробежные тенденции в стране. Именно это и было главной причиной дискредитации партии в глазах народа.

На эти шаги, выходящие за пределы союзной Конституции, российский президент не решался пойти на протяжении всей первой половины 1991 г., хотя и делал многое для приближения к этой цели. Воспользовавшись моментом, Ельцин «выбивал» единственную опору влияния Президента СССР, что во многом предопределило и судьбу СССР. Формально 9 сентября 1991 г. некоторые из указов были отменены, но демонизация ГКЧП в общественном сознании («спустились тучи террора», «хунта», «измена отчизне») вызывали ассоциации с правовым беспределом.

Оценка указов в научной литературе нелицеприятна: «Подобные действия высшего должностного лица России означали игнорирование им конституционного принципа разделения властей, вторжение Президента в сферы законодательной и судебной властей»¹.

Одновременно с антипартийным переворотом осуществлялись мероприятия по разрушению СССР, при этом Ельцин действовал по правилам, разработанным Лениным: «захват почты, телеграфа, телефона». Якобы победив в «путче», Россия взяла себе в качестве «контрибуции» всю союзную собственность; стало выдвигаться предложение отстранить Горбачева от власти и объединить в руках Ельцина посты Президента РСФСР и Президента СССР².

В этих условиях начала работу сессия Верховного Совета РСФСР. На ход ее работы оказывала влияние атмосфера конфронтации двух предшествующих дней. Руководители России предстали на сессии как главные организаторы борьбы с «противниками демократии», подвергшиеся к тому же большому личному риску; их авторитет, по крайней мере, среди республиканских демократов был необычайно высок. Этот момент был использован не только для подтверждения правильности принятых в течение двух дней решений, но и для дальнейших изменений в системе организации российской власти. 21 августа было принято

---

¹ Лучин В.О. Указное право в России. – М., 1996. С. 7.

² Лукьянова Е.А. Указ работа. С. 113.

постановление Верховного Совета РСФСР, согласно которому Президенту РСФСР предоставлялись огромные полномочия, законодательно ограничивались властные функции советов и усиливалась «исполнительная вертикаль», подчиненная Президенту. Делалось это под эгидой «ликвидации последствий государственного переворота в СССР»; чрезвычайные условия возникновения документа отодвигали на второй план вопрос о его соответствии даже действующей Российской Конституции. Российское руководство рассчитывало на арест руководителей страны, и Ельцину в конце концов удалось получить согласие на задержание, но колебания юристов 21 августа были небезосновательны. Забегая несколько вперед, можно констатировать, что в 1992–1993 гг. в деле ГКЧП прокурорские работники испытывали заметные затруднения в определении состава преступления. Это нашло отражение в замене обвинения в «измене Родине» на «заговор с целью захвата власти». Новую формулировку обвинения считали небесспорной даже с формально-правовой точки зрения многие юристы страны¹. Известно, что в феврале 1994 г. Госдума амнистировала проходивших по делу ГКЧП. Более того, в приговоре отмечалось, что «мотивами и целью содеянного были не корыстные побуждения или личная заинтересованность, а сохранение государства, что соответствовало воле народа, высказанной на референдуме 17 марта 1991 г.». Самое же интересное, видимо, состояло в том, что оправдательного приговора потребовал государственный обвинитель².

Возвращаясь к вопросу: «Кто же в августе 1991 г. совершил переворот?» – можно сказать следующее. К середине 1991 г. страна подошла с печальным итогом. Деструктивные процессы развивались столь интенсивно, что для восстановления элементарной управляемости обычных мер было уже недостаточно, и это осознавали все политические силы.

За право вывода страны из кризиса боролись два четко обозначившихся центра власти: союзное руководство за вычетом Горбачева и российские лидеры. На бескомпромиссность противостояния повлияло то, что за каждым из них стояли не просто личные амбиции, а различные представления о путях экономического, политического и национально-государственного развития страны. Первые выступали за социалистический выбор, развитие системы Советов, сохранение единого государства в рамках СССР. Вторые заявляли о приверженности к либеральным подходам в экономике, о необходимости изменения совет-

---

¹ «Заговор с целью захвата власти» раскрывал содержание «измены» Родине, а поскольку не было «измены», то определение «заговор» было несостоятельно.

² Язов Д.Т. Удары судьбы. Воспоминания солдата и маршала. – М., 2000. С. 490–491.

ской системы, считали возможным осуществить это лишь в рамках конфедеративного союза государств.

С союзным руководством ассоциировали все неудачи в социально-экономической, национальной и внешней политике 1985–1991 гг., поэтому его привлекательность и политический авторитет постоянно снижались. В то же время российское руководство не было отягощено грузом очевидных просчетов и на протестной волне смогло сплотить самые различные социальные группы. Огромное значение в тех условиях играл временной фактор. К августу 1991 г. ситуация действительно вышла из – под контроля. Дезинтеграция страны зашла очень далеко, союзный центр существовал во многом номинально, а сам Президент СССР еще до 19 августа переходил на позиции «сильнейших», следовал в политическом фарватере российских лидеров. Как справедливо и образно писали современники событий, «подобно пожару в большом универмаге, путч давал возможность Горбачеву как его директору списать с реально сгоревшими и, может быть, никогда не имевшиеся у него товары¹».

Резко усилились центробежные тенденции. Со 2 по 5 сентября 1991 г. в Кремле происходит последний съезд народных депутатов СССР. В заявлении представители 11 союзных республик предлагалось съезду и Верховному Совету СССР самораспуститься. Такая постановка вопроса была для многих депутатов неожиданностью, но попытка высказать свое мнение наталкивалась на выключенные микрофоны.

Председатель от Комитета конституционного надзора С.С. Алексин заявил с трибуны: «Низкий поклон депутатам Российской Федерации, которые восстали против путча и спасли демократию в стране».

В результате трехдневных дебатов из руководителей республик был организован Госсовет СССР, создано некое подобие правительства – Межреспубликанский экономический комитет на паритетных началах. Госсовет на практике являлся не органом «для согласованного решения вопросов внутренней и внешней политики, затрагивающих общие интересы», как декларировалось изначально, а институтом, в рамках которого оформляли свое движение к полной независимости почувствовавшие вкус свободы республики. Под «крышей» Госсовета происходил и демонтаж союзных структур. Важнейшие вопросы стали обсуждаться в узком кругу высших руководителей республик. Уже на первом заседании 6 сентября была признана независимость Латвии, Литвы и Эстонии. Произошло это на следующий день после признания их независимости Соединенными Штатами. Правоведы обращали внимание на то, что данная акция Госсовета находилась в противоречии как с Конституцией СССР, так и с законом СССР от 3 апреля 1991 г., в котором был установлен порядок решения вопросов, связанных с выходом

---

¹ Грачев А.С. Кремлевская хроника. – М., 1994. С. 252.

союзной республики из состава СССР. По этому закону союзная республика могла выйти из состава СССР после проведения референдума. Сложились условия, которые с этого времени в решающей степени определяли жизнь страны. Во-первых, изменилось геополитическое положение государства. Между Россией и западноевропейской цивилизацией вновь появилась буферная зона. Россия оказалась оттеснена от Балтийского и Черного морей, что лишило ее современной портовой инфраструктуры, способной обеспечить экспортно-импортные потоки, не говоря уже о таких проблемах, как ввоз наркотиков, проникновение террористов, нелегальных иммигрантов и т.п.

Во-вторых, практически по всему периметру России образовался пояс нестабильности. В силу исторических особенностей формирования и существования многонационального государства Россия неизбежно оказывается втянутой в их урегулирование, которое, очевидно, не было скорым.

В-третьих, в новых независимых государствах возникла одна из крупнейших этнических диаспор в мире – русская. Русские оказались либо второсортными гражданами, либо апатридами. Утверждение в бывших «братских» республиках этнократических режимов разной степени жесткости (или «мягкости») неизбежно делает «русский вопрос» на длительное время фактором напряженности в отношении с соседями.

В-четвертых, катастрофическое состояние экономики предопределило крайнюю финансовую зависимость от западных «партнеров», что нашло отражение в необходимости следовать рекомендациям международных институтов, адекватность рецептов которых применительно к России вызывает сомнение.

В-пятых, эффективность проводимой политики определяется состоянием государственности, от которой в период коренных общественных перемен в огромной степени зависит успех задуманных преобразований.

В связи с этим вывод некоторых исследователей в том, что Советский Союз продолжал существовать до конца декабря 1991 г. только формально, кажется вполне справедливым.

Демонтаж союзной государственности

Главное содержание временного отрезка с сентября до конца декабря 1991 г. – строительство союзными республиками независимой, «самостийной» государственности, создание соответствующих государственных институтов и правовых актов, все меньше оглядываясь на необратимо угасавшие союзные органы власти и управления 18 октября 1991 г. в Кремле Президент СССР и руководители республик (без Украины, Молдавии, Грузии и Азербайджана) подписали Договор об экономическом сообществе суверенных государств. Политические аспекты этого документа представляют особый интерес.

Во-первых, авторы договора молчаливо исходили из признания факта разрушенности прежнего государства и его управленческих структур. Участники договора – «независимые государства, являющиеся и бывшие субъектами СССР, безотносительно к их нынешнему статусу» (Преамбула).

Во-вторых, договором предусматривалось «доделить» общесоюзную собственность, включая золотой запас, алмазный и валютный фонды.

В-третьих, договор признавал, что основой подъема экономики являются частная собственность, свобода предпринимательства и конкуренция.

В договоре ярко отразилась «послеавгустовская» линия поведения республик. Все, что происходило до декабря 1991 г., уже не играло никакой роли в судьбе Союза – ни переговоры в Кремле, ни встречи 12 и 25 ноября в Ново-Огареве. Во второй половине ноября 1991 г. стала очевидной тактика, которой придерживалась российская сторона. Во-первых, публично не отказываться от необходимости подписания нового союзного договора. Во-вторых, под декларацией о «ненужности» старого центра «россияне» продолжали последовательный демонтаж и перевод по свою юрисдикцию союзных управленческих и властных структур. В-третьих, Россия не предпринимала реальных действий, чтобы «умерить» наиболее рьяных «независимцев», фактически поощряя их. Цель этой тактики проявилась чуть позже: подвести страну к такому состоянию, когда можно было бы констатировать не просто процесс распада СССР, а его завершение, и даже когда самым горячим сторонникам единого государства обсуждать было бы уже нечего.

8 декабря 1991 г. под Минском, в правительственной резиденции «Вискули» руководители трех республик подписали соглашение о создании Содружества независимых государств, в котором констатировали, что «Союз ССР как субъект международного права и как геополитическая реальность прекращает свое существование»¹. Сомнительную известность приобрели «подписанты»: Шушкевич, Кебич, Ельцин, Бурбунис, Кравчук, Фокин.

24 декабря место Советского Союза в ООН передано России, 25 декабря спущен над Кремлем Государственный флаг СССР, а Горбачев М.С. сделал заявление об уходе с поста Президента СССР. К этому результату привела накопившаяся критическая масса нелегитимности. С уничтожением СССР страна вступила в очередной переходный период, а в высказываниях и Д. Буша, и Б. Клинтона с удовлетворением констатируется победа американцев в «холодной войне» и подверженность основного геополитического противника.

---

¹ Государство Российское: власть и общество: Сб. док. – М., 1996. С. 477–480.

Сейчас для многих очевидны негативные последствия распада СССР. Интерес вызывает ответ на вопрос о том, почему большая часть российского населения восприняла весть об официальной «кончине» СССР относительно равнодушно.

Думается, прежде всего, сказалась усталость от затянувшейся неопределенности, в течение многих месяцев ощущалось, что страна находится в состоянии полураспада, который никак не может закончиться. В этом плане Беловежье представлялось, наконец-то, сделанным выбором.

Во-вторых, в течение многих месяцев все являлись свидетелями недееспособности растаскиваемых республиками центральных управленческих структур, что привело к их практически полному свертыванию и параличу к декабрю 1991 г. Символом распадающегося центра стал сам Горбачев.

В-третьих, психологически восприятие распада СССР выглядело не очень болезненно, поскольку констатация прекращения его существования как субъекта международного права являлось частью Соглашения о создании СНГ, т.е. было преподнесено не как ликвидация, а как трансформация ранее существовавшего государства.

Нельзя вновь не подчеркнуть сугубо личные мотивы поведения Ельцина и Горбачева, острый конфликт которых во многом содействовал событиям 1991 г. Сам Ельцин в 1994 г. писал, что Беловежье было не единственным возможным выходом из очевидного политического кризиса середины 1991 г. Был и другой: «Попытаться легально занять место Горбачева, встать во главе Союза, начав заново его реформу «сверху». Пройти путь, который не сумел пройти Горбачев... Постепенно, планомерно демонтируя имперскую машину... Возможности для этого были. Борьба за всенародные выборы Президента СССР. Сделать российский парламент правопреемником распущенного советского. Склонить Горбачева к передаче мне полномочий... И так далее. Но этот путь был для меня заказан. Я психологически не мог занять место Горбачева. Так же, как и он – мое». Горбачев не принимал многие черты политического стиля Ельцина. Противостояние между ними не могло закончиться «ничьей» – каждый настойчиво стремился к победе. Это ярко проявилось в послеавгустовские месяцы, особенно в последние недели декабря 1991 г.

Создание правовых основ новой российской государственности

Прекращение существования СССР поставило перед РСФСР и другими республиками бывшего Союза проблему обеспечения самостоятельного государственного существования и становление новой государственности.

Если считать период «перестройки» первым периодом реформации, то второй, ельцинский, можно охарактеризовать как утилитарно-прагматический. Обществу был навязан радикально-либеральный политиче-

ский курс, который осуществлялся антидемократическими мерами, что проявилось в авторитарной приватизации собственности и, главное, расстреле парламента в 1993 г.

Предыстория этого события такова. В ноябре народные депутаты РСФСР предоставили Президенту «особые полномочия» – право в течение года регулировать своими указами все вопросы хозяйственной и политической жизни, как условие реализации программы вывода страны из кризиса. Это решение стало точкой отсчета для возникновения в стране двоевластия. В отличие от первого, сложившегося в далеком феврале 1917 г., второе возникло при всех атрибутах государственности и создано искусственно и целенаправленно. Президент России вышел далеко за пределы предоставленных ему прав, поток указов захлестнул правовое поле России, ими стали подменяться законы, а едва ли не третья часть указов содержала положения, противоречащие Конституции РСФСР. Противозаконность указов объяснялась «политической» целесообразностью, что очень напоминало первые годы советской власти.

Как и предполагалось, VII съезд народных депутатов РСФСР (1992 г.) отказал Президенту России в продлении его особых полномочий, то есть, по сути, в праве творить указной произвол, и принял постановление о дальнейшей работе над проектом новой Конституции РФ. Естественно, такой результат Президента не устроил. Необходимо было любой ценой упразднить съезд и Верховный Совет.

21 сентября 1993 г. Ельцин издал указ №1400 «О поэтапной конституционной реформе в России». В нем он объявил о роспуске ВС и Съезда народных депутатов России и о проведении выборов в двухпалатное Федеральное Собрание, а также выборов Президента России в июне 1994 г. Указ формально противоречил ряду статей Конституции. Срочно собравшийся в этот же день Конституционный Суд РФ во главе с его председателем В.Д. Зорькиным посчитал это достаточным основанием для импичмента Президента РФ.

В ночь на 23 сентября 1993 г. чрезвычайный X съезд народных депутатов, на котором не было даже кворума, принял постановление, объявившее действия Ельцина «государственным переворотом». Большинство съезда отказалось подчиниться указу Президента. Они заявили об отстранении Ельцина от должности Президента и избрали исполняющим обязанности Президента вице-президента Руцкого, перешедшего в оппозицию Ельцину во второй половине 1992 г. Депутаты сформировали свое правительство и пошли на конфронтацию, чреватую гражданской войной. Ельцин приказал блокировать Белый дом России – здание Верховного Совета. Противостояние ветвей государственной власти достигло апогея 3 октября 1993 г. По призыву Руцкого, генерала Макашева, лидера ортодоксальной Коммунистической организации «Трудовая Россия» Ампилова и ряда других сторонники парламента с оружием

в руках пошли на прорыв блокады Белого дома, штурм здания мэрии Москвы, пытались захватить телецентр «Останкино». В ночь на 4 октября в Москву были введены армейские части, которые из танков расстреляли Белый дом, вызвав в нем пожар, и разогнали парламент и его защитников. По официальным данным, во время этих событий погибло около 150 человек. Верховный Совет Российской Федерации был уничтожен. Двоевластие в России закончилось.

Этот конфликт между исполнительной и законодательной ветвями власти, определивший развитие российской политики в 1993 г. и завершившийся кровавой схваткой между ними в начале октября, имел ряд причин. Одна из главных заключалась в сохранившихся и углубившихся разногласиях по вопросу о социально-экономическом и политическом курсе России. Среди законодателей в качестве ведущей силы утвердились сторонники регулируемой экономики и национально-государственного направления, а защитники радикальных рыночных реформ оказались в явном меньшинстве. Не менее важной причиной антагонизма между ветвями государственной власти явилось и отсутствие у них опыта взаимодействия в рамках системы разделения властей, которой Россия практически не знала.

Существует два противоположных взгляда на события начала октября 1993 г. Противники Ельцина считают, что Президент совершил преступление; разогнал законно избранный Верховный Совет, использовал в борьбе с ними и другими силами оппозиции вооруженные армейские части, санкционировал убийство сотен граждан России. Сам же Президент Ельцин и его сторонники полагают, что он расправился с антидемократической, прокоммунистически настроенной оппозицией, вставшей на путь мятежа.

«Черный октябрь» окончательно разрушил систему советов и советской власти в России: вслед за Верховным Советом были ликвидированы Советы народных депутатов нижестоящих уровней в большинстве субъектов Федерации. Эти события стали важным катализатором ускорения формирования новой системы власти и новой Конституции.

Для государственного устройства Российской Федерации имеет важное значение то, что в Конституции РФ 1993 г. государственный строй определен как конституционный, а не общественный. Конституция максимально деполитизирована, в ней признаются идеологическое и политическое многообразие, принцип разделения властей на исполнительную, законодательную и судебную, равноправие частной, государственной, муниципальной и других форм собственности, частная собственность на землю, провозглашены права граждан. Впервые за историю российской государственности уровень гарантируемых Основным законом прав и свобод человека, механизм их защиты соответствовали международным стандартам. Конституция провозглашала Россию демокра-

тическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления. Согласно ст. 10 Конституции государственная власть в РФ осуществляется на основе разделения на законодательную, судебную и исполнительную власти. Органы всех ветвей власти самостоятельны, но при этом разделение властей не только не исключает, а, напротив, предусматривает координацию усилий различных ветвей власти и их взаимодействие в установленных Конституцией пределах и формах. Вместе с тем, Конституция существенно упрочила позиции Президента. Согласно ей, президент становится одновременно и главой государства, и главой правительства. Он сосредоточивал в своих руках всю полноту исполнительной власти и, кроме того, надеялся существенными законодательными полномочиями. В целом российская Конституция создала государственную модель, в которой Президент пользуется самыми большими прерогативами по сравнению с главами других известных миру президентских республик.

По Конституции представительным и законодательным органом РФ является Федеральное собрание. Парламент Российской Федерации состоит из двух палат – Совета Федерации, в который входят по два представителя от каждого субъекта РФ (от представительного и исполнительного органов государственной власти), и Государственной Думы, состоящей из 450 депутатов. Каждая из палат избирает из своего состава председателя и его заместителей.

Тем не менее, остается открытым вопрос о природе президентской власти в России, где, как было сказано, Президент характеризуется Конституцией как глава государства (ст. 80), а ст. 100 гласит, что «исполнительную власть осуществляет правительство РФ», хотя согласно концепции разделения властей президентская власть рассматривается как исполнительная.

Из Конституции следует, что Президент, с одной стороны, выведен из системы разделения «властей», а с другой – стоит над всеми ими, т.е. имеются в виду полномочия одного человека, а точнее, возглавляемой им административной структуры. Конституция РФ установила основы организации властей в субъектах федерации и на местах. Наконец, нужно отметить появление в Конституции специальной главы, посвященной правам и свободам человека и гражданина. Однако многие ее положения имеют лишь программное значение и, следовательно, ничем не отличаются от положений Конституции СССР 1936 г., которая, как известно, также провозглашала много демократических новшеств. Принятие Конституции РФ 1993 г. дало возможность формировать «костяк» новой российской государственности, однако нельзя не отметить, что сама конституционная модель российского правового государства имеет определенные недостатки:

1) внутренние противоречия и несбалансированная конструкция разделения властей в рамках смешанной формы президентской республики;

2) асимметричная конструкция федеративного устройства;

3) конкуренция разных актов (указов и законов, Конституции и федеральных договоров и т.д.).

Даже при этих недостатках Конституция РФ – не только основной закон страны, но и основной фактор интеграции и легитимации всего постсоветского пространства. Возможное совершенствование должно осуществляться на основе взвешенной и обоснованной концепции. Новый период реформации, связанный с именем В.В. Путина, берет начало с 2000 г. Условно его можно назвать административно-технократическим. В. Путин сосредоточил усилия на укреплении административной вертикали власти. В обстановке произвола и хаоса, установившихся в России в 90-е гг., упорядочение политических отношений, укрепление расшатанной государственности стали императивно востребованными. С формальной точки зрения это отступление в определенной мере от демократии, а фактически – при слабости гражданского общества и отсутствии традиций демократической культуры управления – административный ресурс укрепления государственности.

Российская Федерация представляет собой созданное на основе сильной центральной власти государство, однако процесс образования единой нации в нем не завершен, причем в силу объективных причин. В свое время русский философ И.А. Бердяев точно подметил историческую предопределенность такого положения: «Интересы создания, содержания и охранения огромного государства занимают совершенно исключительное и подавляющее место в русской истории. Почти не оставалось сил у русского народа для свободной творческой жизни, вся кровь шла на укрепление изнутри государства. Классы и сословия слабо были развиты и не играли той роли, которую они играли в истории западных стран». Эти слова сохраняют свою актуальность до сих пор. Сегодня нужны другие механизмы сохранения и укрепления государственности, основанные не только на принуждении, а на взаимной заинтересованности и духовной близости народов, реальном воплощении прав и свобод гражданина, гарантированных Конституцией РФ.

Особенности
формирования
новой российской
государственности

25 декабря 1991 г. над зданием Кремля был поднят трехцветный российский стяг. Президент, правительство, Верховный Совет в течение нескольких дней обрели власть, которой они добивались у центра почти полтора года. Новое государство стало таким же символом перемен, как многопартийность, либерализация, рынок. Его контуры были еще расплывчаты, но оно существовало как объективная реальность. Нынешние строители российского государства – потомки Петра I и дети большевиков, в который раз решали проблему реорганизации российской власти и всего общественного уклада страны. Новая конструкция возводилась из

сложно переплетенных между собой элементов старого государства и на его фундаменте. Ситуация эта для России не новая: Петр I, «поставивший Россию на дыбы», так и не смог вытравить из созданных им коллегий нравы приказных людей Московского царства; Ленин неоднократно писал о том, что большевики унаследовали аппарат старой государственной власти. В 90-е гг. XX в., с одной стороны, шел процесс адаптации старых государственных структур к новым условиям существования, с другой – в государственную практику постоянно внедрялись новые идеи и подходы, создавались новые институты и традиции. Государственная власть и законодательство этого этапа имеют много общего с властью и законодательством других переходных эпох. В то же время они отражают специфику своего времени. Общим является компромисс между старым и новым. Реформаторской энергии хватало на рождение новых государственных форм, но было явно недостаточно для изменения содержания, качества государственной деятельности. Результатом явилось типичное для переходного времени противоречие между содержанием и формой государственной власти. Развитие парламентаризма и системы разделения властей сочеталось с быстро прогрессирующей экспансией исполнительной власти, реформирование судебной системы в духе идей правового государства уживалось с господством в психологии правящей элиты принципа примата революционной целесообразности над законом и формальностями.

Изучаемый нами процесс имеет особенные и неповторимые черты. Как никогда ранее, становление новой российской государственности носило стихийный, плохо управляемый характер. Если в отношении петровских или большевистских начинаний можно было бы сказать, что это – абсолютное разрушение старого, то сегодня, скорее, наоборот, создание нового Российского государства явилось лишь моментом в процессе разрушения, самораспада старого государственного уклада. Специфика переходного периода и в том, что разрушение старого было отнюдь не абсолютным. Советский Союз не погиб от революции, а умер естественной смертью, «от старости». Поэтому неоткуда было взяться такому смерчу, который промчался над страной в 1917 г., почти мгновенно уничтожив властные структуры старого режима. Процесс распада старой власти затянулся на годы. В отличие от времен Петра I дряхлая центральная власть не смогла не только что-либо создавать, но даже удерживать государственное единство страны. Государственная система распалась на составные части, которые стали присваивать себе функцию деградировавшей центральной власти. Российское государство и есть собственно одна из подсистем, приобретающая черты суверенности. поэтапное разрушение советской системы, деградация центральной власти обусловили то, что политическая борьба внутри этой системы

должна была принять форму борьбы региональных властных структур с умирающим центром.

Процесс этот мог перейти в активную фазу тогда, когда оппозиционные режиму силы получали контроль над властными структурами того или иного региона. Именно так произошло в России, где в мае 1990 г. оппозиционное движение сумело победить на выборах в Верховный Совет РСФСР. Их победа и дала первый толчок к формированию новой российской государственности, становление которой – процесс длительный и многоступенчатый. Можно выделить несколько стадий:

Первая – с июня 1990 по август 1991 г. Она охватывает период от первого Съезда народных депутатов России, на котором победившие на выборах представители оппозиции приняли Декларацию о суверенитете России, до трагических дней августовского путча, после которого российская власть стала реально контролировать ситуацию на территории РСФСР.

Вторая стадия охватывает период с августа 1991 г. по декабрь 1991 г., т.е. до момента подписания Беловежского соглашения и прекращения существования СССР.

Третья стадия длилась с декабря 1991 г., по апрель 1992 г. – время работы VI Съезда народных депутатов России.

Четвертая, начавшись в апреле 1992 г. – продолжалась до событий конца 1993 г. – октябрьского противостояния и принятия Конституции РФ. Начался современный период в истории Российского государства.

Контрольные вопросы

1. Назовите предпосылки формирования постсоветской государственности.
2. Какова, на ваш взгляд, роль «перестройки» в современной российской реформации?
3. Определите этапы этого процесса.
4. Укажите тенденции политического развития страны после августа 1991 г.
5. Почему информация о развале СССР не вызвала большого резонанса среди российского населения?
6. В чем сущность и проявление «утилитарно-прагматического» ельцинского периода?
7. Каковы причины конфликта между исполнительной и законодательной ветвями власти России в 1993 г.?
8. Дайте общую характеристику и оценку Конституции РФ 1993 г.
9. Выделите главные направления периода реформации, связанного с именем В.В. Путина.
10. Охарактеризуйте особенности формирования новой, постсоветской государственности.

11. Выдающийся теоретик и историк В.Г. Нерсесянц (1938–2005 гг.) в духе философской парадоксальности сказал следующее:

«Есть времена, когда некому нравиться,
И нечему слагать здравницы.
Но лишь в большие времена
Величья зреют семена».

К какому периоду российской истории вы отнесете эти строки? Обоснуйте свою точку зрения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

*Разглядеть, что истинно,
что ложно,
Может только беспристрастный суд!
Осторожно с прошлым, осторожно,
Не разбейте глиняный сосуд.*

В. Высоцкий

В последние годы и в средствах массовой информации, и залах парламента, и академических институтах не было острее вопроса, чем вопрос о государственности. Выделение этого особого аспекта в многогранном историческом процессе позволяет глубже и полнее рассмотреть основные моменты формирования российской государственности, системы политических институтов и центров власти. Причем, эта работа не сводится только к историческому исследованию, а позволяет выявить скрытые, уходящие в глубину веков корни и традиции современного политического процесса России. Такой подход дает возможность «не дробить» исторический процесс, а попытаться увидеть тенденции эволюции российской государственности, смены реформ и контрреформ, выявив при этом сходные черты и различия политических институтов России в разные этапы ее истории, опираясь на лучшие образцы историографии, по-новому интерпретируя известные факты и пока не востребованные идеи и выводы. Такой подход, безусловно, должен быть не только научным, но и честным, человеческим. Как у А. Ахматовой:

Я была тогда с моим народом.
Там, где мой народ, к несчастью был.

Некоторые выводы изучения проблемы выглядят следующим образом.

Примерно до первой половины XIII в. развитие русской государственности шло, в общем, аналогично соответствующему процессу в христианских странах Европы.

Кризис Священной Римской империи и ее распад весьма схож с трансформацией Киевской Руси в конгломерат удельных княжеств, которые вели непрерывные междоусобные войны. Результат – татаро-монгольское владычество. Ордынская традиция, хотя она и не самая древняя на Руси, стала самой мощной ее составляющей. Русская автократия как бы совместила параметры и восточного деспотизма, и европейского абсолютизма, демонтируя такую устойчивость, что ни государственные перевороты, ни реформы, ни революции оказались не способны сокрушить ее. Через все перемены и поступательные движения просматривается архетип¹ русской власти. Речь идет не о неизбежности

---

¹ От греческого *arche* – начало и *typos* – образ, то есть прообраз, идея.

формы власти, а об основных элементах в изначальном проекте ее¹. На Западе государство с периода позднего средневековья – начала Возрождения постепенно складывается как правовое: развивается законодотворчество, вводятся, кодифицируются формальные принципы регламентирования деятельности, нащупывается механизм разделения властей, отрабатываются процедуры принятия ответственных решений, расчленяются компетенции государства, общества, личности с соответственными функциями, гарантиями, свободами. Никакой схожей правоустановленности в России не оформляется. Укоренялось не право-канон, а право-правда. Русскому, отмечал В. Астафьев, «легче поступиться... юридическим началом, легальностью, чем моральностью». Этим все сказано. Несмотря на все внешние реформы (в том числе и «просвещенных» монархов), на всю демократическую фразеологию и атрибутику (например Николая II), страна в целом, и никто в ней в особенности не жили по праву.

У нас укреплялось разрешительная (волюнтаристская), а не регистрационная (формальная) система; для которой характерны:

- абсолютность, несообразованность верховной власти с устоями и традициями. Иван III, Василий III привлекали к заседаниям Боярской думы дьяков и дворян по основанию личной преданности; Петр I перенес столицу государства; Николай II разгонял конституционные законодательные органы управления; в январе 1918 г. Ленин закрыл Учредительное собрание, за открытие которого ратовал в феврале 1917 г.; Сталин раскрутил маховик репрессий против политических соратников, соперников, «случайно» списанных ни в чем не замешанных, неповинных лиц;

- конъюнктурность, когда в угоду моменту приносят в жертву долгосрочные интересы: антинациональная политика с разрушением русских форпостов на Кавказе; продажа Аляски в 1867 г. США; «подарок» в виде Крыма в хрущевские времена;

- келейность. Об упомянутой продаже Аляски знали всего трое – монарх, премьер, Минфин; проект Брестского мира сложился в уме одного человека.

- сокрытие законов. Интересный случай приводит Ключевский. Закон 1827 г. о 4,5 десятинах, внесенный в первое издание Свода законов, вдруг выпал из второго издания этого же Свода. Закон не был отменен, он просто пропал без вести. По некоторым данным, было засекречено 70% о законоустановлений советского периода.

- кастовость. Власть замкнута, не подконтрольна, монополизирована высшим руководством;

- репрессивность. Борьба с собственным народом в любом веке – от Ивана Грозного – до Сталина – варварство.

---

¹ Афанасьев Ю.А. Опасная Россия. – М. 2001. С. 99.

Следует отметить и особенности модернизации в России:

– в историографии, да и в общественном сознании закрепились представления о «циклическом» развитии Российского государства, когда реформы сменяются контрреформами, периодами «застоя». «Классический» пример – Александр III и Л. Брежнев;

– интенсивность радикальных реформ такова, что требует напряжения всех политических, экономических и, главное, людских ресурсов.

Процесс реформации, как правило, осуществлялся в условиях авторитарных режимов: реформы Петра I, «революция сверху» по Сталину, хрущевские новации, но ни одна из них не была закреплена посредством политических рычагов. Общий же итог свидетельствовал о «догоняющем» типе развития страны. Опыт изучения моделей переустройства России или попыток его позволяет сделать ряд наблюдений общего характера, которые могут быть полезны современным идеологам и политикам в условиях очередного витка трансформации, и сказанное ранее вовсе не означает, что отечественная история мало что дает для формирования позитивного образа страны. Напротив, в плане обретения идентичности история всегда будет едва ли не определяющей точкой отсчета, но в такой роли может быть только по-настоящему изученная, критически и теоретически осмысленная, преодоленная история России, в том числе государственность. «Наша власть не просто своеобразна, как в той или иной мере любая власть. Про русскую власть можно с полным основанием сказать, что она в своем роде уникальна и ее с полным основанием можно величать с заглавной буквы. Тип власти сформировался в многовековой русской истории, и он же всецело определил собой общий рисунок самой истории России. Во власти – загадка и разгадка. В ней соединились самодержавие с социалистическим, личностное с коммунитарным, инициативно-созидательное с реакционно-разрушительным. Она демиург и душитель, Величайшая и никчемная»¹.

---

¹ Афанасьев Ю.А. Опасная Россия. С. 20.

СПИСОК РЕКОМЕНДОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Сборники документов

- Декреты Советской власти. Т. I–XIV. – М., 1957–1997.
Кушнир А.Г. Первое тысячелетие Руси-России. История Российского государства в документах, материалах и комментариях. – М., 1999.
Российское законодательство X–XX вв. Т. 1–9. – М., 1984–1994.
Сборник документов и материалов. – М., 1996.
Хрестоматия по истории отечественного государства и права 1917–1991 гг. / Под ред. О.И. Чистякова. – М., 1997.

Специальная литература

- Абдулатипов Р.Г., Ботенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф. Федерализм в истории России. Кн. 1–3. – М., 1992–1993.
Авакьян с.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. – М., 1997.
Афанасьев Ю.А. Опасная Россия. – М., 2000.
Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф. Россия, в чем суть твоего бытия? – М., 1994.
Авторханов А. Империя Кремля. – Вильнюс, 1990.
Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. – М., 1998.
Алексеев Ю.Г. У кормила Российского государства. Очерк развития аппарата управления XIV–XV веков. – СПб., 1998.
Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России. – Л., 1988.
Арон Р. Демократия и тоталитаризм / Пер. с фр. – М.: Текст, 1993.
Архипова Т.Г. и др. История государственной службы в России. XVIII–XX века. – М., 2000.
Боффа Дж. От СССР к России: история неоконченного кризиса 1964–1994. – М., 1996.
Булдаков В.П. и др. Российская империя, СССР, Российская Федерация: история одной страны? Прерывность и непрерывность в отечественной истории XX века. – М.: Россия молодая, 1993.
Бушуев С., Миронов Г. История государства Российского. Кн. 1. – М., 1991.
Барсенков А.С. Введение в современную российскую историю. – М., 2002. С. 6.
Воронин А.В. История российской государственности. – Л., 1980.
Власть и оппозиция. Российский политический процесс XX столетия. – М., 1995

- Власть и реформы. От самодержавной к советской России. – СПб.; 1996.
- Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России. – М.: Наука, 1990.
- Государственные учреждения и общественные организации. – М., 1991.
- Государственные учреждения России XVI–XVIII вв. – М., 1991.
- Государство российское: власть и общество. – М., 1996.
- Горинов М.М., Ляшенко Л.М. От древней Руси к императорской России. – М., 1994.
- Демидов В.А. Россия: политика и политики 1985–2000 гг. – Новосибирск, 2000.
- Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1983.
- Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1983.
- Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX века). – М.: Мысль, 1981.
- Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М., 1978.
- Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. – М., 1970.
- Институты самоуправления. Историко-правовое исследование. – М., 1995.
- Исаев И.А. История России. Традиция государственности. – М., 1995.
- Ильин В.В. и др. Реформы и контрреформы: циклы модернизационного процесса в России. – М., 1990.
- Лаптева Л.Е. Земские учреждения в России. – М., 1993.
- Ловмянский Х.Н. Русь и норманны. – М., 1985.
- Лаптева Л.Е. Земские учреждения в России. М.: Институт государства и права РАН, 1993.
- Лукьянова Я.А. Российская государственность и конституционное законодательство в России (1917–1993 гг.). – М., 2000.
- Кара-Мурза С. Советская цивилизация. – М., 2000.
- Ключевский В.О. Курс русской истории: В 9 т. – М., 1987.
- Козлов В.Т. Грани российской государственности. – М., 1992.
- Коржихина Т.П. История государственных учреждений СССР. – М., 1986.
- Коржихина Т.П., Сенин АС. История российской государственности. – М., 1995.
- Морозова Л.А. Проблемы современной российской государственности. – М., 1998.

- Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России: Сравнительное историческое исследование. – М.: Текст, 1994.
- Мироненко С.В. Самодержавие и реформы. Политическая борьба в России в начале XIX в. – М.: Наука, 1989.
- Никольский Н.М. История русской церкви. – М., 1985.
- Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины II. Просвещенный абсолютизм в России. – М., 1993.
- Пайпс Р. Россия при старом режиме / Пер. с англ. – М.: Независимая газета, 1993.
- Портнов В.П., Славин М.М. Этапы развития советской Конституции (историко-правовое исследование). – М.: Наука, 1982.
- Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание. История рождения и гибели. – М., 1997.
- Платонов С.Ф. Заметки по истории Земских соборов. – М., 1981.
- Россия в XX в.: реформы и революция. – М., 2000.
- Раев М. Понять дореволюционную Россию: Государство и общество в Российской империи. – Лондон, 1990.
- Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. – М., 1982.
- Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: В 2 т. – М., 1997.
- Соболева Н.А., Артамонов В.А. Символы России: Очерки истории государственной символики России. – М.: Панорама, 1993.
- Союз можно было сохранить // Белая книга: Документы и факты о политике М.С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. – М., 1995.
- Сенин А.С. История российской государственности: Учебное пособие. – М., 2003.
- Титов Ю.Н. Проблемы российского абсолютизма. – М., 1983.
- Шепелев Л.Е. Чиновничий мир России. XVIII – начало XX в. – СПб., 1994.
- Шмидт С.О. Становление российского самодержавства. – М., 1973.
- Хорос В.Г. Русская история в сравнительном освещении. – М., 1996.
- Хорошкевич А.Л. Символы Русской государственности. – М.: Изд-во Моск. гос-ва. – М., 1995.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	1
Тема 1. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ.....	5
Тема 2. РАННЕФЕОДАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО НА РУСИ	19
Тема 3. ПРОБЛЕМЫ СОСЛОВНО-ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОЙ МОНАРХИИ В РОССИИ (сер. XVI – сер. XVII вв.).....	40
Тема 4. ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ПЕРИОДА АБСОЛЮТИЗМА	54
Тема 5. ОТ МОНАРХИИ К ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЕ	81
Тема 6. ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ПЕРИОДА СОЦИАЛИЗМА	93
Тема 7. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД.....	131
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	146
СПИСОК РЕКОМЕНДОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	149

Учебное издание

Тимофеева Алла Александровна

ПРОБЛЕМЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Учебное пособие

Редактор Л.И. Александрова

Корректор Л.З. Анипко

Компьютерная верстка М.А. Портновой

Лицензия на издательскую деятельность ИД № 03816 от 22.01.2001

Подписано в печать 15.11.06. Формат 60×84/16.

Бумага писчая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,8.

Уч.-изд. л. 10,5. Тираж 400 экз. Заказ

Издательство Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса

690600, Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано в типографии ВГУЭС

690600, Владивосток, ул. Державина, 57